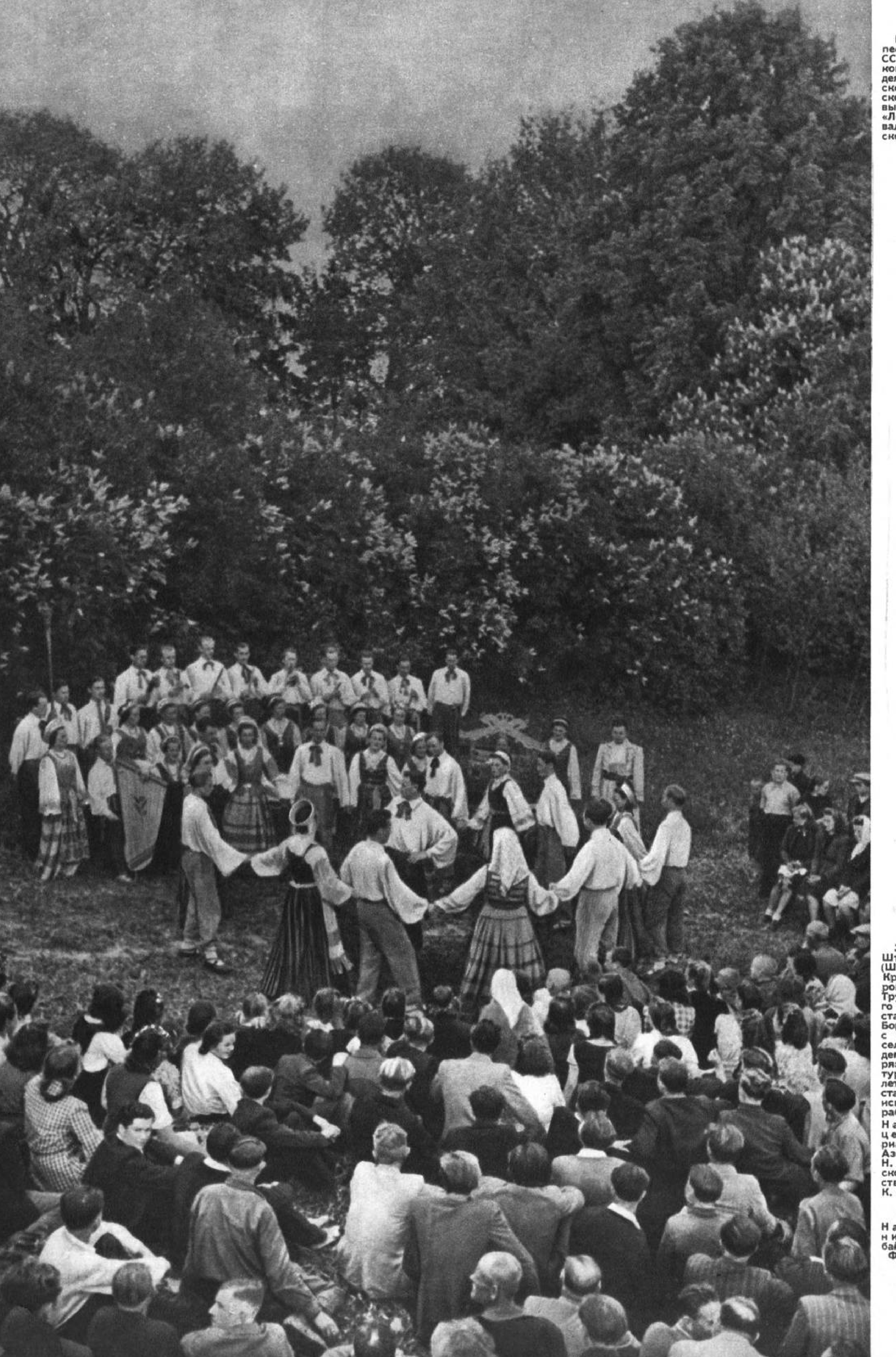

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Народный ансамбль песни и танца Литовской ССР (художественный руководитель заслуженный деятель искусств Литовской ССР, лауреат Сталинской премии И. И. Шведас) выступает в колхозе «Ленинский путь», Пасвальского уезда, Литовской ССР.

Фото Я. Халипа

Знатный комбайнер Штейнгартской МТС (Штейнгартский район, Краснодарский край) Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР Константин Александрович Борин после окончания с отличием Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева принят в аспирантуру. Свободные от учебы летние месяцы Константин Александрович использует на полевых работах в своей МТС.

На первой странице обложки: К. А. Борин и комбайнер Николай Азовцев. Комсомолец Н. Азовцев — студент Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева.

На последней странице обложки: комбайн К. А. Борина в поле.
Фото Б. Березовского

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 34 (1211)

20 АВГУСТА 1950

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

28-й год издания

Народная армия с боями освобождает города и села Южной Кореи. С огромной радостью и благодарностью население встречает свою родную армию. В освобожденных районах быстро налаживается нормальная жизнь. Весь корейский народ живет в эти дни лозунгом: «Все для фронта, все для победы!»

На первом снимке — демонстрация трудящихся Сеула в честь праздника освобождения. Демонстранты несут лозунги, прославляющие Народную армию-освободительницу и вождя корейского народа Ким Ир Сена. На втором снимке вы видите встречу бойцов Народной армии с крестьянами Южной Кореи.

Полпред
ЛАГЕРЯ МИРА

Галина ШЕРГОВА

Ливень, срываясь сплошной массой с неба, вдребезги разбивался об асфальт. Капли, гонимые ветром, неслись по мостовой, и отсюда, сверху, из окна лондонской гостиницы, это было похоже на атаку в кино, снятую с вышки, когда тысячи людей черными точками несутся по экрану.

...В Загорске лоснились в палисадниках травы. Удивленно раскрывали свои граммофончики вьюнки возле домика — там, по дороге со станции. Окна в домике были без переплета, как в вагоне. Идя со станции домой, Липилин всегда замечал это. И над тихим городком высились трубы заводов и леса новостроек...

От воспоминания о Загорске ласково защемило сердце, и лондонский дождь раздражал еще больше. Липилин вспомнил, как звонили на конференцию из «Дейли мейл» и спрашивали о советской делегации: «Какие на них костюмы? Какие галстуки? Что они едят? Улыбаются ли?» Да, наши газеты скромнее. В день отлета «Труд» сообщил, что в Лондон на всеанглийский съезд пожарников отбыла наша делегация в составе председателя профсоюза коммунальников Пищикевича Бориса Тарасовича и начальника пожарной команды города Загорска Липилина Николая Владимировича.

За три дня работы конференции, которая проходила на курорте Скарборо, и во время последующего путешествия по Англии они успели познакомиться с жизнью профсоюза. Профсоюз пожарников производил хорошее впечатление. Особенно хорош этот Джон Хорнер, секретарь профсоюза. Он ездил с гостями из СССР по стране, показывал команды. Нового, правда, ничего не увидели: техника вся давно известна у нас. А на состязаниях пожарников, где демонстрировали развитие пожарного дела с 1870 года, выяснилось, что весь «прогресс» состоит в замене лошади автомобилем.

В пожарных депо и кинотеатрах студенты и рабочие обступали советских гостей, дарили цветы, засыпали вопросами: «Почему в Советском Союзе нет безработных? Какая разница у вас между рабочими и крестьянами? Что вы делаете, чтобы бороться за мир?»

Что мы делаем? Он отвечал им. Мы работаем. Живем для мира. Об этом и надо рассказывать. И он рассказывал. И люди начинали ощущать, как противоестественны для советского уклада жизни война и разрушения, начинали ощущать жестокое несовершенство окружавшей их системы, порождающей войны.

«Я ГОНЮСЬ ЗА ТВОИМИ ДЕНЬГАМИ»

Сюжет был неоригинален. Какой-то английский шахтер, получивший премию 200 фунтов стерлингов, отправляется в Лондон и там подвергается нападению некоей предприимчивой девицы. Путем серии ухищрений, втаскивая шахтера в самые нелепые авантюры, девица в конце концов крадет у него деньги. Фильм так и назывался: «Я гонюсь за твоими деньгами».

Четырехсотместный зал кино был почти пуст. Липилин сидел и смотрел, как время от времени то тут, то там в коричневой темноте зала вспыхивали огоньки папирос. Липилин уже привык к тому, что здесь в кино курят. Липилин, уставший следить за однообразным разнообразием денежной погони, не думал уже о сюжете. Разговоры о деньгах, их поисках, их власти пронизывали всю эту жизнь, в которую он внезапно окунулся. И в искусстве от них не было спасения...

...Казалось, ветер был набит мелкими, похожими на песок, солоноватыми брызгами. Они оседали на окно машины.

— Ветер с моря. С Северного моря,— сказал Смит.

Он привез их на берег показать Северное море. Оно лежало теперь у их ног — неуютное, крытое грубой серо-зеленой черепицей зыби. Смит был районным профсоюзным деятелем. Он жил в другом районе, но, как коренной англичанин, знакомил их со страной. Они стояли над морем и говорили о жизни. Собственно, говорил Смит. О своей жизни. Что в ней могло быть интересного? Жизнь тусклая и однообразная. Раз в полгода он с женой выберется в кино. И потом месяц будет рассказывать сослуживцам содержание фильма. Под рождество дома будут ждать гостей. Это единственный случай в году, когда приходят гости. Дети будут подклеивать шерстяную бороду уже отслужившему свое Санта-Клаусу и уговаривать его подарить что-нибудь «повнушительнее», чем в прошлое рождество.

Потом, как всегда, в три часа войдет сосед и в дверях, потирая маленькие красные руки, засмеется: «Ну и погодка, старина, ну и погодка!» За ним явится знакомый пожарник с женой, щуплenькой женщиной с белыми, тоненькими, как у девочки, косичками. Она будет ходить вокруг его жены и причитать: «О, миссис Смит, у вас и пирог и глинтвейн, я вижу. А мне и к рождеству не удалось выкупить паек». За столом опять будут жаловаться на то, что оклада не хватает на месяц. В тот раз дотянули, потому что этот чудак Гопкинс купил у них каминный набор. Действительно, кому нужен теперь каминный набор? А сестра Элли, бедняжка, целыми днями надрывается на работе и приносит гроши, ведь у женщин до сих пор заработная плата на 25 процентов ниже, чем у мужчин.

Смит посмотрел поочередно на Липилина и Пищикевича: «Что делать! Может, были бы деньги, жизнь стала бы интереснее...»

Липилин думал о Смите и тысячах смитов, сидя в кино и потом, когда вышли на улицу. Лондон, ободранный, с треснувшими стенами домов, и Лондон особняков, пятнистых от парковых теней, вставал перед ними, рядом с ними, над ними. Люди спешили по тротуарам, шли по Гайд-парку, мимо подстриженных газонов. Людей беспокоил заработок, они торопились в поисках денег.

Деньги царили в городе. В погоне за ними мчался новенький лоснящийся лимузин «хамбер». В нем, конечно, сидел американец.

Липилин вспомнил швейцаров в Британском музее. Огромные и сильные, с орденскими планками ветеранов войны, они стояли там, открывая и закрывая двери, принимая шляпы у посетителей. Это была единственная работа, которую они смогли найти. Огромные, сильные парни!

ПАМЯТИ ПАВШИХ

В Англии Липилин вел дневник. Города и люди, мысли и события, обступавшие его, теснились в маленькой записной книжке. Он переносил их туда из блокнота. Наскоро — прямо на коленях или на краешке стола — записывал в блокнот все слышанное и виденное, то и дело переспрашивая переводчика: «Что? Что он сказал?»

За полночь в номере Пищикевич ворочался в кровати: «Ну, что ты там строчишь, Пимен-летописец! Ложись. Завтра трудный день...» Липилин кивал головой: «Спи, спи, Борис Тарасович. Я сейчас». Он писал:

«Сегодня на заключительном заседании выступал Пищикевич. Бернс, председатель, предупредил: «Вы так, минут на 10, люди устали». Пищикевич говорил 25 минут, и еще 20 — переводчик. Зал не шелохнулся. Странное дело. Во время его выступления я волновался так, будто это слушали меня — и не только этот зал, а весь мир. И не просто за Пищикевича волновался. Он говорил о делах нашей страны, о пятилетнем плане, о новых стройках. Вещи, нами ежедневно зримые и потому привычные. Я сидел и представлял себе: сталевар из Магнитки въехал в новую квартиру, по окраине Саратова идет новый троллейбус, в тамбовском селе включили газовую плиту — представлял и волновался. Так тут, рядом с другими речами, стали особенно величественными и, пожалуй, даже трогательными эти дела! Может быть, нужно было торжественную гордость испытывать, но у меня прямо какая-то нежность росла ко всему, что связывалось с моей страной.

Я видел, как делегаты были поражены, когда Борис Тарасович сказал, что во время войны Федякову, Титовичу, Постевому и другим за тушение пожаров было присвоено звание Героя Советского Союза. Здесь такое отношение к нашему труду казалось невероятным.

Зал дважды молча вставал. Чтили память пожарников, погибших в эти 3 дня, что шла конференция. Позднее мы узнали, что, например, в Глазго за полугодие было 556 пожаров и около 60 из них — с жертвами. У себя дома мы уже забыли о том, что пожарники гибнут при тушении пожаров. Но больше всего нас потрясло другое: на конференции стояли вопросы о помощи вдовам погибших, о сохранении казенных квартир за их семьями, о пенсиях для пожарников, ставших инвалидами. На конференции по-деловому, как о текущих будничных делах, говорили об этом, а я думал: «Почему так привычно говорят о том, что сегодня ты погибаешь на пожаре, а завтра твою семью без средств выселяют из дома под открытое небо? Нам это казалось чудовищным!»

Делегаты внесли много предложений. Требовали суточного дежурства при двухсуточном отдыхе (как у нас) вместо 8 часов работы и 8 свободных часов. Снижения квартирной платы. Повышения окладов до уровня полицейских (это характерно: в послевоенной Англии полицейским повысили заработную плату. Видимо, люди этой профессии особенно нужны лейбористскому правительству).

И все говорили: «Мы должны добиваться своих прав во имя нашей жизни, во имя памяти наших погибших товарищей».

Во имя этого они голосовали за поддержку Всемирной федерации профсоюзов, провалили попытку генсовета тред-юнионов расколоть их профсоюз на офицерский и рядовой. Съезд высказался за единство.

Но встал еще один вопрос. Кто-то предложил запретить поддержку Общества англо-советской дружбы. Предложение отклонили единодушно. Поддерживать, безусловно поддерживать Общество! Джон Хорнер сказал: «Сохранять дружбу с Советским Союзом, дружбу, рожденную в годы войны, скрепленную кровью живых и павших! Наша дружба — это мир, мир и прогресс». И все посмотрели на нас. Мы воплощали в этот момент для них мир и прогресс. И когда Пищикевич призвал бороться за мир, зал встал и приветствовал нас. Это приветствовали мир.

Вопрос о мире обсуждался на конферен-

ции особенно горячо. Делегаты говорили: «Все наши требования не имеют смысла, если придет война».

Здесь в дневнике был пропуск. Потом шла приписка: «От встречи к встрече крепнет чувство, которому не мог найти имени. Сегодня нашел: каждого из нас, из советских людей, рабочие воспринимают как полномочного представителя лагеря мира».

ПРИРОДА ОГНЯ

Античные философы огромными слепыми глазами смотрели со стен. Тесный греческий ресторанчик вместил человек тридцать пять. Лондонские пожарники здесь решили проститься с гостями.

К Пищикевичу и Липилину то и дело подходили люди — «чокнуться с Советами». Между столиками к ним протолкался французский делегат. Липилин помнил его. На конференции, жестикулируя с экспансивностью южанина, он рассказал о том, что во Франции почти все 120 тысяч пожарников подписали Стокгольмское Воззвание. Он сказал тогда: «Мы видим, как готовится война, и мы не можем быть в стороне!» Сейчас он пожал Липилину руку и поднял бровь: «Ну, что, мой друг, вы видели, как готовится война?»

...Да, разумеется. Только слепой может не видеть.

У одного из домов Бирмингама они увидели пушку. Она стояла, сонная и неуклюжая, уставившись на толпу одиноким глазом своего дула. Шагах в пяти от нее, подперев плечом косяк дома, стоял парень, такой же громоздкий и сонный. Выгоревший клетчатый пиджачишко был явно мал ему, и тяжелые кисти рук висели из коротких рукавов, как гири часов. Парень лениво повернул голову к другому, входившему в дом: «Ну что, Боб, и ты пришел за работой — таскать пулемет? Можешь меня поздравить: за пять послевоенных лет у меня наконец есть заработок: солдат его величества короля». Великобритания вербовала безработных в армию. Дом с пушкой был вербовочным пунктом.

В каждом городе по улицам шатались солдаты. «Малютки Ачесона»,— сказал Липилину про солдат один из пожарников.

Теперь здесь, в этом греческом ресторанчике, когда француз спросил его о военных приготовлениях, Липилин вспомнил эту фразу «малютки Ачесона». И, как всегда бывает, когда твою мысль вдруг повторят рядом вслух, Николай Владимирович вздрогнул: сзади сказали «Ачесон». Плотный блондин в мешковатом костюме шел к их столику. На ходу он говорил: «Ачесон сказал, что нельзя сидеть за одним столом с русскими или другими там нациями. А вот мы сидим и прекрасно беседуем. И мало того, я хочу выпить за нашу дружбу. Клянусь, русские — отличные ребята». Хорнер познакомил их. Блондин был американцем, учителем, работающим здесь, в Лондоне. «Не все американцы похожи на Ачесона»,— улыбнулся Хорнер.

За соседним столиком зашумели, повернувшись к Липилину: «Скажи, товарищ! На прощанье ты должен дать напутствие пожарникам». Липилин встал. Медленно, словно рассуждая сам с собой, он начал. Ресторанчик притих.

— Мы, пожарники, отлично знаем, что нет огня, который нельзя было бы потушить. Но его легче сбить, когда появились только острые голубые язычки, когда пламя не стало огромным и кровавым. В деле тушения огня мы люди опытные и можем разобрать привычки пламени и его природу. Сейчас над миром показались первые язычки. И мы можем распознать природу их появления. Так позор будет нам, рабочим людям, если мы каждым поступком и словом своим не будем делать все, чтобы сбить эти первые вестники пожара, если дадим пламени поглотить землю. Вот и все! Это мне необходимо было сказать вам.

ДВЕСТИ МИЛЛИОНОВ ПОЛПРЕДОВ

А дома все было на своих местах. Загорск, тихий и деятельный, старинный и сегодняшний, встречал его, стосковавшегося и растроганного.

В общем разлука была не такой уж длительной, но Липилин ходил по своему городку, не в силах наглядеться, заново открывая привычное. Конечно, первым желанием было сравнивать, сравнивать каждого человека, каждое событие с тем, виденным, удовлетворенно ощущая преимущества своего. Но это было только первым желанием. Немного поостынув от теплой радости встречи, Липилин подумал, что вот он теперь совсем по-другому воспринимает все окружающее. Незаметные, тихие дела вдруг показались ему значительными и важными.

Липилин обходил команду. В красном уголке шли политзанятия. Пожарник Сысоев неторопливо, как-то даже поучительно рассказывал у карты о положении в Корее. Липилин постоял у двери. Очень хотелось сказать: «Так, Василь Васильевич, молодец, вон как разбираешься! Ты ведь и жить не можешь, чтобы всем, что в мире делается, не интересоваться». Но ничего не сказал. Постоял и вышел.

У дверей на него налетел Виктор, старший сын. Сразу же ворвались Колька и Вовка, младшие. «Ты уже? Ты свободен? Ты где же? А мы не люди? С нами уж и два слова сказать нельзя?» — в общем не очень шумные обычно, они тормошили его и тащили за собой. Он же ничего еще не знает. У Виктора на геолого-разведочном (он учился в Мытищах, в техникуме), может, скоро практика будет. А Дворец культуры — эх, он даже не знает, что со стройкой сейчас! Зал-то будет на 1000 мест, и лекторий на 400, и комнаты для самодеятельности...

Вечером домой пришла Анна, жена. Она привычно ходила по дому, гремя тарелками, и все спрашивала: «Ну, как тебя кормилито? Я читала, там карточки, так все волновалась. Голодает, думаю». И тут же без перехода начинала рассказывать, что у них на ткацкой фабрике цех Седовой целиком стал стахановским — в честь мира.

Зеленоватая луна висела на переплете окон, и за этим переплетом видны были крыши в лунном свете, будто посыпанные белым песком. Засыпал маленький городок. А Липилин не спал. Он смотрел за окно, на городок и думал. Спят его земляки, славные рабочие люди. Жил он одними с ними мыслями и делами. Ничем не отличался. Почему же его послали говорить с тем миром от их лица? Ну, хорошо работает его команда. Ну, имеет он благодарности в приказах. Ну, противопожарная профилактика хорошо в городе налажена. Но все-таки он обычный человек.

Но, видимо, в том-то и дело, что он такой, как все, и мысли у него со всеми общие. Он говорил от имени страны, говорил о мире, потому что мир нужен его стране, землякам. Каждому, кто засыпает там под белыми лунными крышами, важно, чтобы Витька его стучал своим молотком где-нибудь в Саянах и над ним, на обрыве, вздымался, как выведенный тушью, сумеречный кедр. Это мир! Чтобы во Дворце культуры соседская Танька постигала премудрости нотной грамоты. Это мир! Чтобы вставали заводы и его Анна перебирала вороха узорных кофточек у себя в отделе технического контроля фабрики. Это мир!

И каждый из тех двухсот миллионов, кто засыпает сейчас в Загорске или просыпается во Владивостоке, думает об этом. И каждый может сказать людям слова о мире от лица всей страны.

Николай Владимирович Липилин рассказывает о своей поездке в Англию.

Фото Г. Алексеева.

Играй последний сбор!

Здесь отдыхают дети сотрудников Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.

Фото А. ГОСТЕВА, Б. КУЗЬМИНА

Труби, горнист, последний сбор: лето на исходе. Не сегодня-завтра, после прощального костра на лужайке, вернутся славные орлята в город к соскучившимся родным. В шести тысячах пионерских лагерей отдыхали, крепли и веселились два с половиной миллиона школьников. Семьдесят тысяч педагогов, врачей и пионервожатых опекали здоровье детей. Миллиард рублей израсходовало советское государство на их летний отдых в чудесных уголках Родины.

Мы привыкли к этим щедрым, огромным цифрам, воспринимаем их как нечто заурядное. Между тем сеть пионерских лагерей теперь вдвое больше довоенной. Профсоюзы строят также и стационарные детские лагери отдыха — всего их в стране уже около двух тысяч.

Посмотрите на лагерь-стационар, построенный в живописном бору для детей текстильщиц Глуховского хлопчатобумажного комбината имени Ленина. Скорее это летний санаторий.

А разве плох состоящий из стандартных сборных домиков пионерский лагерь Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина? Дирекция библиотеки и профсоюз израсходовали на него почти полмиллиона рублей.

Известно, что в пионерские лагери принимают школьников от первого до седьмого класса включительно. Но при некоторой инициативе можно предоставить отдых на лоне природы и школьникам старших классов.

Пример показали дирекция и комсомольцы столичной женской школы № 329. Они создали под Москвой туристский лагерь. Шефы одолжили школе брезентовые палатки; городской Дом пионера — матрацы, подушки и одеяла. Незатейливую домашнюю утварь ребята захватили из дому. Срок пребывания в лагере — две недели.

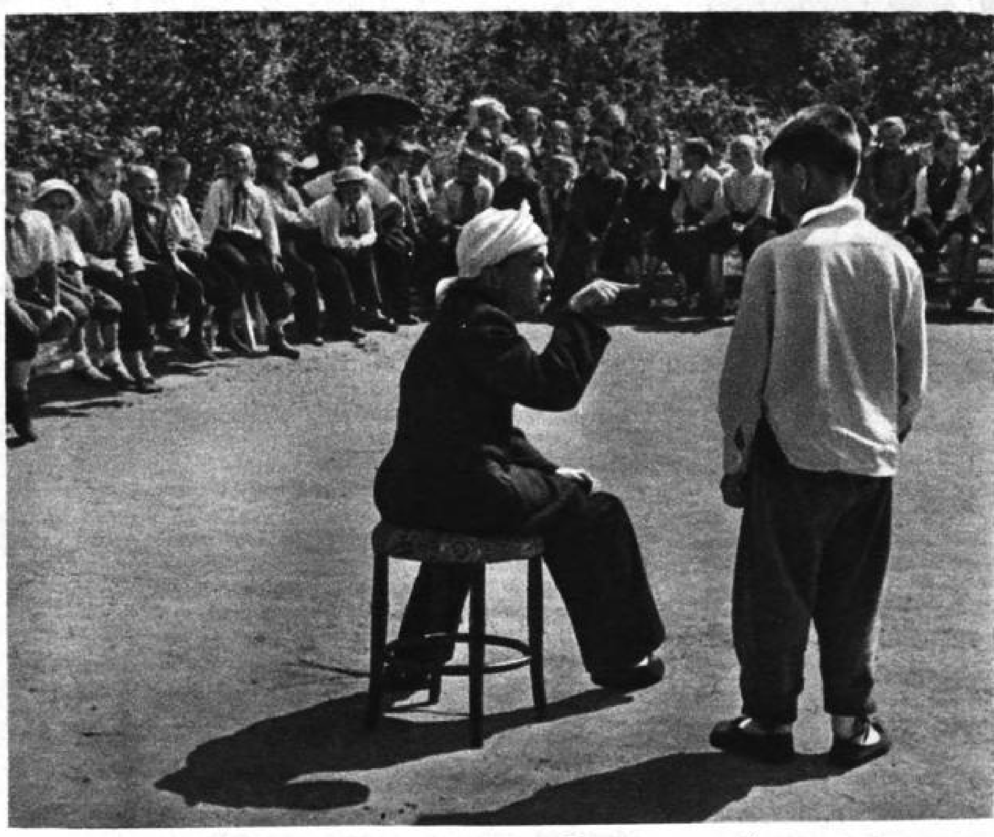
Так и возник школьный туристский лагерь. Все здесь основано на самодеятельности: сами — повара, уборщицы, прачки.

В туристском лагере московской школы № 329.

Пионерский лагерь-стационар Глуховского хлопчатобумажного комбината имени Ленина.

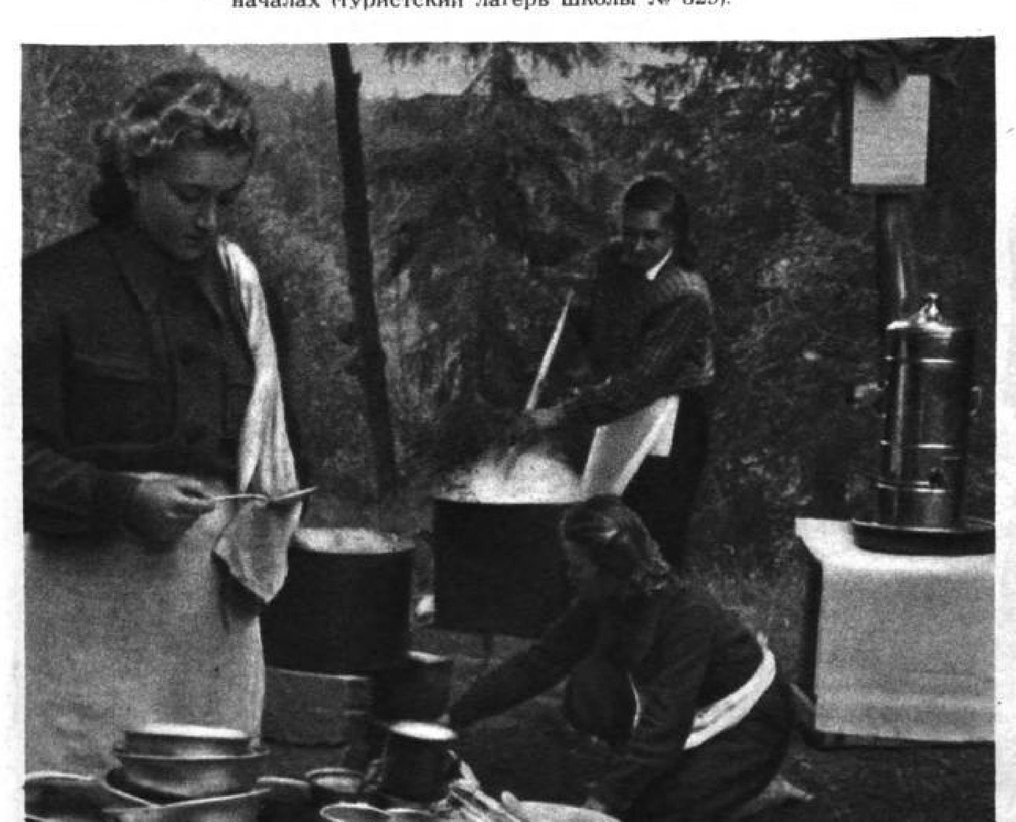

«Может быть, он говорил, не хочет ли барин жениться?» — спросил беспокойный Подколесин у флегматичного Степана в байковых лыжных штанах. Забавную сценку из «Женитьбы» Гоголя юные артисты разыграли без декораций, но при очень энергичных суфлерах из публики (лагерь Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина.)

У входа в столовую. Санитарная комиссия проверяет чистоту рук. До чего, однако, бывает обманчива внешность! Эти кроткие, миловидные девочки совершенно беспощадно применяют свое право «вето» (Глуховский лагерь).

Сами варят обед, сами посуду моют — все на добровольных началах (туристский лагерь школы № 329).

Туристы-школьники на крутых берегах Яхромы.

...Вскоре после укрупнения колхозов появился квартал будущих домов колхозников

КАТЕРИНОВКА

З. ХИРЕН

Фото О. Кнорринга

1

Молоденькую яблоню, приютившуюся возле хаты машиниста водокачки, прежде никто не замечал. Это было понятно. В Катериновке один колхозный сад занимает пятьдесят гектаров земли, и помимо того почти у всех здесь на приусадебных участках есть свои фруктовые деревья. Смешно в таком огромном селе запомнить каждое дерево. Все же пришло время, заинтересовались и этой яблонькой, спрашивают, допытываются, когда посажена, кем, что за история у нее.

— Дерево самое обыкновенное,— отвечает всем председатель колхоза имени Орджоникидзе Григорий Сергеевич Могильченко,— и нема тут никакой истории...

Говорит он не спеша, так, будто каждое слово молотком вбивает. В Катериновке это называется «постепово». Стóит Могильченко сказать всердцах таким тоном колхознику, что: «Можно пойти в летчики, или на шахту забойщиком, на паровоз, мы никого не держим»,— и всякий поймет, что председатель не в духе и не иначе, «на шлях ставит».

Голос у Могильченко тихий, и, услышав его в первый раз по телефону, подумаешь, что на другом конце провода держит трубку какой-нибудь ветхий старичок. Но приезжаешь затем в Катериновку и узнаешь, что фигура у председателя могучая. Ходит он в вышитой, с открытым воротом украинской рубахе, подпоясанной тоненьким ремешком, бритую голову прикрывает от нестерпимой июльской жары черной плюшевой шляпой.

Яблоньку посадили после войны на изрытой снарядами и бомбами земле. Катериновка раскинулась рядом со знаменитой станцией Лозовая. Помнят это название все. Оно подолгу не исчезало из сводок Совинформбюро. Еще и сейчас возле кузни порыться—найдешь в куче железа немало воинских доспехов. В свинарнике потолок подпирают не обычные столбы, а нечто вроде артиллерийских лафетов. Однако рядом со свинарником недавно появилась высокая кирпичная стена.

— Что это будет? — спрашивают у строителей.

— Новый свинарник,— отвечают они.

— А как же со старым?

— Он свое отслужил,— отвечают,— саманным постройкам приходит в Катериновке конец.

Как бы в подтверждение этих слов колхозники показывают на строящийся кирпичный завод.

Недавно знакомый архитектор, рассказывая мне о строительстве одного колхозного агрогорода, заметил:

— Представляете себе: зреют хлеба, народ с нетерпением ожидает начала жатвы, а тут же рядом стоим мы, архитекторы. И у нас терпения нет, подсчитываем, за сколько времени проведут уборку. Ведь там, под пшеницей, с самой зимы вбиты наши колышки. Там город заложен, и те, кто снимает хлеб,— будущие жители этого города.

Вспомнилось это мне, когда на одной из улиц Катериновки я увидел длинный ряд сложенных из кирпича прямоугольников; оказалось, что это фундаменты будущих жилых домов колхозников. Живет человек в дедовском доме, с виду дом неплохой, а все равно заботятся о том, чтобы человеку было лучше. Рядом строят новое жилище, более просторное, более удобное. Такого еще на свете не было, чтобы крестьянин не сам себе строил, а чтобы об этом заботилось государство. Долго стоишь возле этих фундаментов, стараясь представить себе, какими будут новые дома. И тут на выручку является прохожий, который, как бы угадав твою мысль, говорит:

— Тут у нас уже подняты с таких же фундаментов хаты, их можно увидеть...

Широкие улицы. На фронтоне многих зданий выложен из кирпича год постройки. Все больше послевоенные годы. Поблескивают на солнце чистые оконные стекла, развеваются белые занавески.

И вот один из тех домов, о которых сказал прохожий. С виду он даже не очень привлекателен, а зайдешь в середину, не верится, что ты в сельской хате. Да и уместно ли назвать эту большую, красивую квартиру, состоящую из четырех светлых комнат, хатой? Строят в Катериновке основательно — не на одно, а на много десятилетий.

Зимой здесь произошли перемены, коснувшиеся всех жителей села. Три колхоза объединились, образовав артель имени Орджоникидзе, располагающую почти двумя с половиной тысячами гектаров пахотной земли. Артель эта и прежде существовала, и председательствовал там Могильченко. Теперь в нее влились и две другие.

Впервые этой весной все население Катериновки вышло вместе на сев, вместе затем ухаживало за полями и, наконец, вместе будет снимать первый урожай укрупненного колхоза. Взялись сообща и за строительство. Прежде у Могильченко один за другим появлялись новые дома, а в двух соседних колхозах хотя и брались за стройку, но до конца не доводили. Новый квартал стали воздвигать после укрупнения, и все понимали, что дело это надежное. Молоденькую яблоньку мы увидели в клетке одного из фундаментов.

Новому человеку непонятно, как это в таком месте дерево растет. Многие шутят: «Яблоки будут падать хозяину прямо в кровать...»

А случилось вот что: когда машинисту водокачки предложили перенести дерево, тот ответил, что подождет до осени.

— Пока еще начнут строить...— махнул он рукой.

Между тем дело обернулось так, что сразу же после укрупнения в Катериновке стали закладывать фундамент за фундаментом. Неожиданно яблонька, которую прежде никто не замечал, оказалась на виду у всех.

Было время, когда в Москве, проходя по улице Горького, все изумлялись тому, как быстро растут этажи. Наступила строительная страда и на селе.

2

Завтра начинается косовица. Могильченко удивительно спокоен. Более тихой, чем всегда, кажется и Катериновка. Вдали показался на велосипеде бригадир Василий Николаевич Зилизинский. Моряк, он и поныне сохранил военную выправку. Поставив велосипед к ограде, бригадир подает председателю несколько колосьев. Хотя все знают, что Зилизинский приехал из степи, но вид у него такой, будто вернулся с передовых позиций и докладывает

Бригадир Иван Масич рассказал трактористу Алеше Роговому о завтрашнем маршруте.

командиру обстановку. И впрямь, прежде чем начать говорить, бригадир лезет в сумку и достает карту размещения сельскохозяйственных культур на площади своей бригады.

Карта имеет множество пометок, сделанных где карандашом, где пером, а то просто ногтем. Василий Николаевич воевал в Севастополе, под Сталинградом и окончил войну на Дальнем Востоке. Человек прямой, дельный, он докладывает о готовности бригады к началу уборки, не скрывая и замеченных им самим недостатков.

Тут же рядом в клетчатой рубашке стоит худенький, моложавый агроном Александр Антонович Бубыр. Карту, которой оперирует Зилизинский, начертил агроном. Он это сделал для каждого бригадира. Ему хотелось, чтобы руководители хорошо изучили свои поля, чтобы не было больше туманных разговоров о том, что пшеницу надо сеять «от посадочки», а жито — «от балочки». Поля он строго пронумеровал, и теперь их все называли точно по карте. Бубыр часто повторяет, что профессия землепашца требует культуры, знаний, мастерства.

Слушая теперь бригадира, агроном в душе радовался тому, что тот прибегнул к карте.

Без малого четыреста пятьдесят гектаров пахотной земли имеется у бригады Зилизинского. Когда он, глядя на карту, говорит о своих полях, чувствуется, что он и с закрытыми глазами покажет их.

До укрупнения в бригаде было шестьдесят пять гектаров пропашных культур, и еле успевали две прополки сделать. Сейчас пропашных в три раза больше, и уже было четыре прополки, свеклу же шесть раз пропололи.

— Что, людей больше? — спрашивает у самого себя Зилизинский и щурит глаза.— Ничуть. Это прежде всего результат укрупнения. Люди стали лучше работать, сократилось применение ручного труда. Колхоз возглавил дельный человек. Отрицательные черты нерадивых работников стали виднее, чем прежде. Просто кончились дутые трудодни. Завел их у себя Веревка, один из бывших председателей колхоза. Выдумал какие-то резервы, на каждом шагу наставил табельщиков, а работать некому. Приходило время — и у лодырей трудодней куча. После укрупнения рекомендовали Веревку в другой колхоз. Однако дурная слава нагнала Веревку. Такая обстановка сложилась, что бросил он там свой чемоданчик, одеяло, будильник и явился в Катериновку. Пришел ко мне, просит: «Буду у тебя в бригаде конюхом». Что же, думаю, если человека так допекло, можно уважить его просьбу. Получил он двух коней и сразу же заныл. То «ручееньки заболели», то «ноженьки». Просто удивительно! Потом стал доказывать, что кони очень веселые, никак не привяжешь их, не напоишь. Вижу такое дело, сместил Веревку с поста.

Колхоз, руководимый Могильченко, всегда считался хорошим; на последнем съезде большевиков Украины Никита Сергеевич Хрущев назвал Могильченко в числе лучших председателей. Новые люди, начавшие сейчас работать под руководством этого опытного человека, стараются ни в чем не отставать. «Старики», правда, пытались в первые дни изобразить «новичков» бедными родственниками, плохими работниками, а начали вместе работать, и оказалось, что многие «новички» даже опередили старых.

Люди будто помолодели, у всех появились новые планы, новые замыслы. Еще не снят урожай, еще неизвестно, сколько каждый колхозник получит на трудодень, а все глубоко убеждены в успехе, верят в осуществление многих своих планов.

3

Черный от загара бригадир трактористов Иван Никифорович Масич, надвинув на самые брови твердую, точно из жести, флотскую фуражку, беседует со своими помощниками. Фуражкой бригадир очень дорожит: это память о службе на сторожевом корабле. Как и Зилизинский, Масич — моряк.

Такого трактора, как тот, который сейчас движется по полям бригады Зилизинского, в прошлом году в Катериновке не было. Только сейчас возможно стало использовать мощный трактор «С-80». Отраднее всего то, что теперь одна тракторная бригада справляется с той работой, которая прежде с трудом давалась двум. Вместо 17 трактористов работает 11.

Прежде технику использовали неправильно. Иногда трактор гоняли, все равно, как такси. Поработает в одном колхозе, вдруг выяснится, что надо пересеять сахарную свеклу в другом, и трактор посылают туда. Весна, грязь, бездорожье, а тут делай на тракторе 15—20 километров.

Теперь кончились перегоны, четкими стали маршруты, и сэкономлено немало горючего.

Рассказывая о предстоящей завтра работе, бригадир Масич внимательно прислушивается к тому, как тракторист Алеша Роговый предупреждает прицепщиков:

— Как я поставил подъемные рычаги к плугам, так и держите!

Прицепщики громко отвечают:

— Есть так держать!

Масич с удовольствием наблюдает эту картину. Ему хорошо известно, что у этого тракториста брака не бывает. Стоит поглядеть, как он все лето следит за черными парами.

Посторонний посмотрит эту землю и скажет, что земля, как земля, а того не подумает, что это — зеркало. По состоянию черных паров сразу скажешь, как работают трактористы.

Трактор пересекает поле. Масич, еще больше надвинув свою любимую фуражку, смотрит ему вслед.

4

Поднявшись на воздушную подстанцию, колхозный электромонтер Федор Максимович Ткаченко увидел всю Катериновку, с ее широкими улицами, белыми, утопающими в зелени домами, садами, прудами. Однако больше всего привлекли взор столбы, выстроившиеся, как солдаты, в ряд. Их было много, и уходили они далеко по дороге в степь.

Еще час тому назад Ткаченко мчался на своем мотоцикле по той дороге. Часто останавливался он, проверяя, нет ли где обрыва, не побиты ли изоляторы. Это был обычный утренний осмотр.

Сейчас мотоцикл остался внизу, а электромонтер, усевшись верхом на бревенчатую перекладину, приступил к установке грозоразрядников. Постепенно изоляторы подстанции украсились металлическими рогатинами.

Если бы Федора Максимовича спросили, что делал он в Катериновке два этих года, он вправе показать на линию, уходящую далеко за границы села. Каждый столб, прежде чем оказаться на той земле, где теперь стоит, был на учете у Ткаченко. Федор Максимович тянул эту линию. Когда Ткаченко пришел сюда, люди пользовались керосиновым освещением, а сейчас в квартирах колхозников свыше тысячи электроламп. У многих есть электроплитки, утюги, радиоприемники. В ночь под Первое мая вся Катериновка была ярко иллюминирована.

Дело тут даже не только в освещении квартир, клуба, улиц. Катериновку сейчас невозможно представить себе без моторов в кузнице, на молотьбе, возле пилорамы. Электричество все чаще приходит на смену ручному труду. Кто-то заметил:

— Тянет Ткаченко свой провод, и конца той электрификации не видно...

Восемнадцать колхозников обзавелись собственными мотоциклами, а Ткаченко уже думает о применении электричества при вулканизации шин.

Еще недавно мало известный в селе человек — электромонтер — стал одним из самых необходимых людей. Когда произошло укрупнение колхозов, одновременно объединились и партийные организации. Коммунисты избрали своим секретарем Ткаченко.

Теперь, объезжая линию, он проверяет на местах, как выполняют коммунисты партийные поручения. И всюду — в степи, в мастерских, на стройках, в библиотеке, в садах — встречал он сельских большевиков.

Слушая Федора Максимовича на партийном собрании, в поле, в клубе, не скажешь, что это электромонтер. Скорее подумаешь, что перед тобой агроном. Сейчас, когда колхозы слились, планы Ткаченко стали смелее, чем всегда. Впрочем, теперь в Катериновке никого не приходится убеждать в том, что в маленьком артельном хозяйстве не добьешься и сотой доли того, чего можно достигнуть в крупном колхозе.

На воздушной подстанции работает секретарь партийной организации Федор Ткаченко.

Послышался шум пилорамы.

Кадр из фильма «Падение Берлина». Сцена взятия рейхстага.

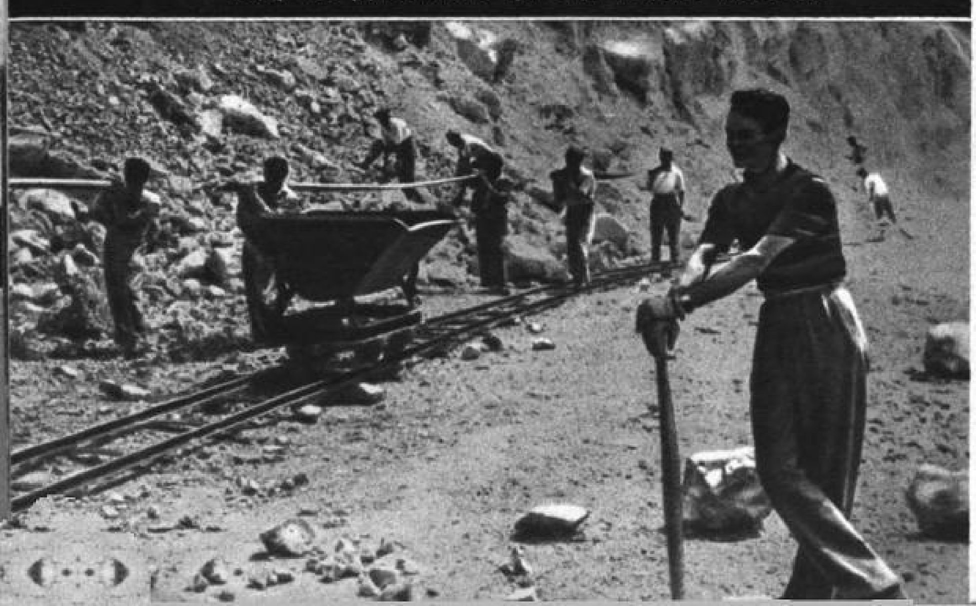

Кадр из фильма «Дочери Китая». Гибель партизанки.

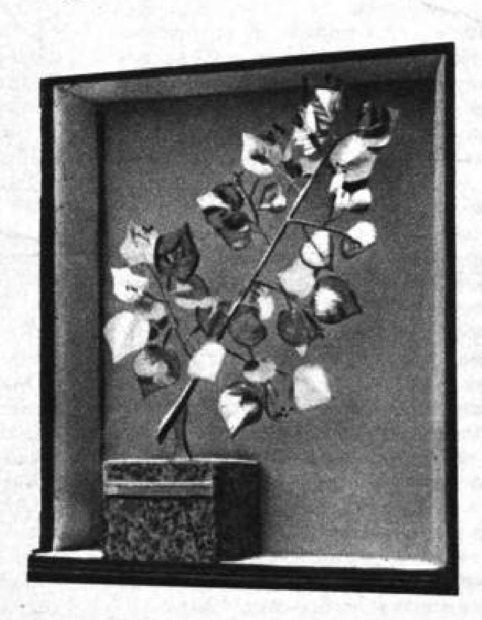

Кадр из чехословацкого фильма «Закаленные».

Кадр из румынского фильма «Звенит долина».

За мир,

за демократию!

В Чехословакии состоялся Пятый международный фестиваль, на котором были показаны произведения кинематографии 25 государств. Фестиваль, прошедший под девизом «За мир, за нового человека, за более совершенное человечество, за демократию!» объединил передовых деятелей культуры, борющихся против поджигателей новой войны.

С яркой речью выступил на фестивале советский режиссер М. Калатозов, под гром аплодисментов заявивший:

— Сегодня тот, кто не подымает руку за мир, тем самым безмолвно голосует за войну и за свою гибель.

С большим вниманием было выслушано выступление режиссера М. Чиаурели, призвавшего прогрессивных работников кино создавать произведения, помогающие народам бороться за прочный мир во всем мире.

Известный французский журналист и сценарист Жорж Садуль привел в своей речи многочисленные факты, показывающие, как в маршаллизованных странах американцы уничтожают и душат национальную кинематографию.

На фестивале было оглашено письмо прогрессивных деятелей американского кино, ныне заключенных в тюрьму. В письме говорилось:

«Мы приветствуем Пятый международный кинофестиваль и очень сожалеем о том, что наше правительство помешало нам принять в нем участие. Киноискусство может и должно стать мощным рупором мира. Мы пытались средствами своего искусства бороться за мир на нашей родине, однако нас лишили работы и вместе с Говардом Фастом, Эженом Дени, Чарлзом Стерном, Эдуардом Борским, вместе с нашим товарищем по киноискусству Карло Марзани отправили в тюрьму. Мы надеемся, что мировое общественное мнение поддержит нас. Да здравствует мир!»

Письмо подписали Джон Говард Лоусон, Альберт Мальц, Альва Бесси, Сэмюэль Орниц, Эдуард Дмитрык, кинофабрикант Адриан Скотт и другие.

Год, прошедший со времени предыдущего фестиваля в Марианских Лазнях, был годом новых успехов кинематографии стран народной демократии. Впервые в Международном фестивале приняла участие молодая кинематография Народной республики Китая и Корейской народно-демократической республики.

Ряд капиталистических стран, и в том числе США, не участвовали в кинофестивале. Но на фестивале были показаны фильмы, созданные прогрессивными работниками кино США, Франции и других стран. Большой интерес вызвала поставленная в Англии картина «Дажды нам днесь» американского режиссера Эдуарда Дмитрыка, ныне томящегося вместе с другими прогрессивными киноработниками в тюрьме. С успехом демонстрировался фильм известного американского прогрессивного деятеля кино Лео Гурвица «Странная победа».

Советское киноискусство вновь одержало на фестивале блестящую победу. Первые премии, как и в прошлом году, завоевали советские фильмы. Главная премия — «Хрустальный кубок» — была присуждена выдающемуся произведению советской кинематографии — «Падение Берлина». «Премией мира» отмечен фильм «Заговор обреченных», «Премией труда» — «Кубанские казаки».

Китайский фильм «Дочери Китая» отмечен «Премией борьбы за свободу». Чехословацкой картине «Закаленные» присуждена «Премия борьбы за социальный прогресс».

Среди картин, награжденных почетными дипломами, — «Совет богов» (Германская демократическая республика), «Калин орел» (Болгария), «Звенит долина» (Румыния), «Плотина» (Словакия), «Странная победа» (США), «Дажды нам днесь» (Англия).

Участники совещания обратились к киноработникам всего мира с призывом — усилить борьбу за мир, за дружбу между народами.

В. МЕДОВ

А. М. Васнецов. СТАРАЯ МОСКВА.
Государственная Третьяковская галерея.

А. М. Васнецов. У МЯСНИЦКИХ ВОРОТ БЕЛОГО ГОРОДА В XVII веке. Акварель. 1926 г.
Музей истории и реконструкции города Москвы

Н. Я. Мясковский

9 августа в Москве скончался народный артист СССР Николай Яковлевич Мясковский. Советская музыка потеряла одного из крупнейших композиторов и музыкальных деятелей.

Свыше четырех десятилетий своей жизни отдал родному искусству Н. Я. Мясковский. Ученик Н. А. Римского-Корсакова и А. К. Лядова, он воспринял от своих учителей многие благородные черты и заветы отечественной музыкальной школы и прежде всего — органическую потребность неутомимого, вдохновенного труда, всегда отличавшую больших русских художников. С ними Мясковского роднила и искренность музыкального высказывания, простота и скромность внутреннего облика, суровая взыскательность к своему и чужому творчеству.

Н. Я. Мясковский родился в семье военного инженера и получил вначале военное образование, совмещая его с музыкальными занятиями. Лишь в 26-летнем возрасте он целиком посвятил себя любимому искусству. В 1911 году Мясковский окончил Петербургскую консерваторию. Первую мировую войну он провел на фронте и в армии же встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Почти вся творческая жизнь Н. Я. Мясковского протекала уже в нашу великую советскую эпоху. Новые идеи и образы вместе с традициями, унаследованными от русской музыкальной классики, определили глубину, значительность и размах выдающегося симфонического дарования Мясковского. Двадцать семь симфоний, немалое число других симфонических и камерных пьес и ансамблей — вот итог большого, напряжённого, порой противоречивого творческого пути искреннего, глубоко мыслящего и чувствующего художника.

Советское правительство высоко оценило достижения композитора, наградив его четырьмя Сталинскими премиями, орденом Ленина и присвоив ему звание народного артиста СССР.

Н. Я. Мясковский отдал все свои силы московской школе композиторского мастерства. Около тридцати лет преподавал он в стенах Московской консерватории и выпустил из своего класса более восьмидесяти композиторов. Многие из них завоевали ныне широкую известность.

Художник большого самобытного таланта, высокой нравственной силы и чистоты, Николай Яковлевич Мясковский пользовался огромным авторитетом у широкой музыкальной общественности.

У мичуринцев Казахстана

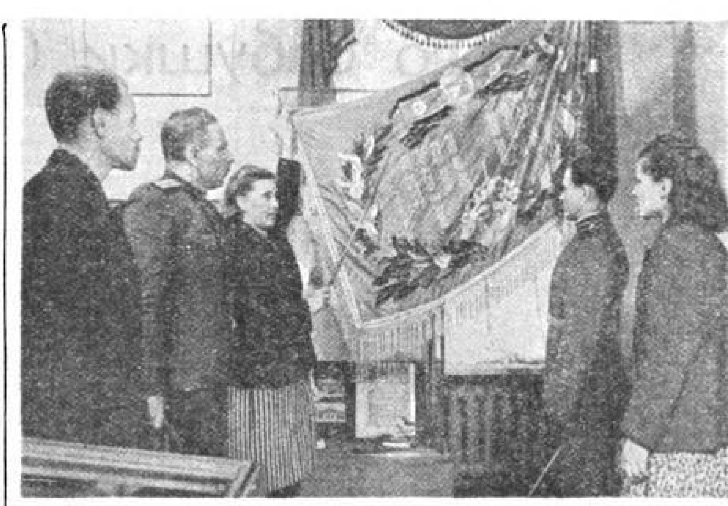
Дикие плодовые заросли покрывают горы Казахской республики. Здесь растут грецкий и кедровый орехи, яблоня и миндаль, абрикос и фисташка, алыча и малина. Долгие годы никто, кроме случайных путешественников, не обращал на них внимания...

Ими заинтересовались советские плодоводы. Научно-исследовательскую работу по изучению диких плодовых зарослей возглавил Аймак Джангалиев, директор Казахского института земледелия имени В. Р. Вильямса. И оказалось, что многие сорта диких плодов обладают редкими качествами. Из одних получают высокосортные вина, из других ароматный джем, мармелад.

На высоте 1300 метров над уровнем моря расположена горноплодовая группа института. Тут вам прежде всего с гордостью покажут молодой сад. Возник он необычно. В один из дней сурового, военного 1942 года в Мичуринске на самолет были бережно погружены черенки яблоневых гибридов — драгоценное наследие Ивана Владимировича и его последователей. Черенки доставили в Алма-Ату. Мичуринцы Казахстана привили их к молодым диким яблоням, внимательно и заботливо ухаживали за каждым деревцом и заставили жить редчайшие стебельки. Ныне на склоне безымянной горы раскинулся сад.

Ученые тесно связаны с мичуринцами-садоводами колхозов и совхозов республики.

С. ДИМИТРИЕВ

В Центральном музее Красной Армии. Экскурсанты осматривают знамя, подаренное советским воинам ЦК Трудовой партии Северной Кореи.

Фото Е. Умнова

Знамена Кореи

...Это было в октябре 1948 года. В городах и селах Северной Кореи люди выходили на улицы, проселочные дороги, чтобы в последний раз крепко пожать руки своим освободителям — советским воинам, возвращавшимся домой. Солдат забрасывали цветами. Мужчины, женщины, дети бурно выражали искреннюю благодарность И. В. Сталину, Советской Армии за освобождение их от японского ига, за оказанную помощь.

В один из таких октябрьских дней в деревне Ченчинли, что в провинции Хоанха-до, собралось все население от мала до велика, чтобы написать прощальное благодарственное письмо нашим воинам. Это коллективное послание начертано несмываемой черной тушью на чудесном розовом шелке.

«...Сегодня, собравшись всем селом, мы пишем это письмо, в котором приносим горячую благодарность армии Советского Союза, разбившей японских империалистов и являющейся настоящей поборницей освобождения нашей Родины.

...Решение Советского Правительства вывести советские войска до 1 января 1949 года с нашей территории говорит о том, что только Советский Союз стремится сохранить независимость нашей Родины. А намерение американцев продолжать оккупацию корейской территории говорит о том, что они хотят превратить нашу страну в свою колонию».

Письмо жителей деревни Ченчинли нам показали в Центральном музее Красной Армии. Оно хранится здесь вместе со многими другими благодарственными корейскими письмами, знаменами, штандартами, флагами, которые были вручены советским солдатам и офицерам в дни их возвращения на Родину.

В музее выставлено большое шелковое знамя. Это подарок от ЦК Трудовой партии Северной Кореи. Золотом вышиты слова:

«Великие подвиги Советской Армии, освобождением открывшей пути возрождения корейского народа, вечно будут прославлены на нашей земле».

Музей получил от Советской Армии 168 корейских знамен. Их вручили нашим воинам в 1948 году, когда они покидали территорию Северной Кореи.

Рядом со знаменем красуется штандарт — подарок от организации Трудовой партии уезда Тонгун. На красном шелке портрет И. В. Сталина, под ним надпись: «Да здравствует освободитель корейского народа Генералиссимус Сталин!»

На другом штандарте чьей-то рукой выведены русские слова:

«Мы вечно будем благодарить и поддерживать дружбу с Советским Союзом и его Вооруженными Силами, которые под Вашим руководством, товарищ Сталин, освободили Корею от японского ига. Октябрь 1948».

Глубоко трогательны письма корейцев доблестным советским воинам-освободителям. Тут искренние, идущие из глубины сердца слова рабочих, крестьян, студентов, профессоров, преподавателей. В одной из витрин выставлено написанное на белом шелке приветственное письмо Советской Армии от 287 преподавателей и студентов сельскохозяйственного техникума. А вот строки из письма советским воинам от работников государственного магазина в Хоанчу:

«Мы клянемся вместе с вами бороться до тех пор, пока сигнальный колокол не возвестит мир во всем мире».

Сыны корейского народа верны своей клятве. Они мужественно борются за мир во всем мире, защищая свою землю от американских интервентов, героически отстаивая свободу, которую пять лет назад принесла им Советская Армия.

Выдающийся русский художник Аполлинарий Михайлович Васнецов (1856—1933) широко прославился своими произведениями, в которых с любовью воссоздал облик старой Москвы — столицы Русского государства.

Сегодня мы публикуем четыре картины Васнецова, посвященные этой теме. Три из них находятся в экспозиции Музея истории и реконструкции города Москвы. Следует отметить, что работы Васнецова имеют не только художественную, но и историческую ценность. Редкое соединение таланта живописца и историка позволило Васнецову с исключительной прозорливостью заглянуть в прошлое. Картины его кажутся писанными с натуры.

С особенной любовью изображал Васнецов московский Кремль. На одной из акварелей мы видим Кремль при Иване Калите, то есть в XIV веке. В это время Москва стала столицей одного из наиболее мощных русских княжеств. В 1339 году Кремль обносится крепкими дубовыми стенами.

Художник изобразил Кремль со стороны Боровицких ворот. Внутри Кремля на высоком холме расположены княжеские хоромы. Ниже — увенчанный крестом дом митрополита Петра. Среди густой деревянной застройки высятся первые каменные церкви — Успенский и Архангельский соборы.

На первом плане место впадения речки Неглинки в Москву-реку. На берегу «по-черному» топятся бани. Из узких окон валит дым.

Кремль изображен и на большой, писанной маслом картине — «Красная площадь второй половины XVII века». Здесь в архитектурный ансамбль Кремля входят крепостные стены и Спасская башня, выстроенные при Иване III в 1495 году, и две кирпичных стены пониже, выложенные при Василии III. Между двумя меньшими стенами вырыт ров. Через подземный тоннель его наполняли воды Неглинки. Ров просуществовал до Отечественной войны 1812 года.

В глубине площади собор Василия Блаженного, построенный в честь победы над Казанским ханством замечательными русскими зодчими Постником Яковлевым и Бармой.

Слева торговые ряды. Возле них, на самой площади, в палатках и с рук бойко идет торговля. Справа на переднем плане здание Земского приказа. С его крыльца дьяк читает людям какую-то грамоту. В центре картины земские ярыжки (полицейские) ведут в приказ арестованного. На картине изображена и бревенчатая мостовая от Никольских ворот к Никольской улице. Из Кремля выезжает боярский возок. Тут же группа иностранцев с толмачом (переводчиком) осматривает площадь. Во второй половине XVII века площадь получила название Красной, то есть красивой.

Красная площадь изображена Васнецовым и в картине, где у книжных лавок собрались покупатели. Здесь отчетливее виден ров у Кремля. Через него перекинут у Спасской башни деревянный мост. Тесные лавчонки на нем тоже книжные. Картина изображает Москву первой половины XVII века.

Очень интересна и четвертая работа Васнецова. На ней запечатлены Мясницкие ворота Белого города в XVII веке.

Стены и проездная башня Мясницких ворот представляют собою часть огромной стены, которая была возведена под руководством мастера Федора Коня в XVI веке. Стена тянулась полукругом вдоль теперешнего Бульварного кольца — от устья Яузы и до Кропоткинских ворот.

История Мясницкой улицы восходит к концу XV века, когда Иван III поселил здесь семьи бояр и купцов из Новгорода. В XVI веке эта улица была большей частью заселена мясниками. У ворот расположились их лавки. Отсюда Мясницкие ворота, Мясницкая слобода.

Замечания по поводу...

Ход королем

(«СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ» ПАРТИЯ)

Американский план возвращения в Бельгию короля Леопольда и его сына принца Водуэна был осуществлен с помощью Спаака и других правосоциалистических руководителей, которые, по словам французской газеты «Се суар», оказались «настоящими спасителями монархии».

(Из газет)

Игра не ладилась сперва:
Свой страх прикрывши
гордой позой,
Король стоял Е2 — едва
И находился под угрозой.
И принц не двигался никак...
Их спас (истории насмешка!)
«Социалист» мосье Спаак —
Из США продвинутая
пешка!..

Эмиль КРОТКИЙ

Слово бабушки Олены

Народная сказительница Елена Васильевна Волкова.

Фото А. Сидорова.

В селении Петушки, возле старой Владимирской дороги, стоит дом, украшенный причудливой резьбой местных балясников. Здесь живет народная сказительница Елена Васильевна Волкова — бабушка Олена, как зовут ее в селе. Недавно общественность Владимирской области отметила семидесятипятилетие со дня рождения сказительницы. В Петушках была проведена сессия сельского совета, на которой односельчане тепло приветствовали юбиляра. Несколько раньше во Владимире вышла книга сказов и припевок бабушки Олены.

Лучшие песни бабушка Олена сложила в годы колхозной жизни. Она выступала в сельских клубах, на смотрах художественной самодеятельности. Во время Отечественной войны старая женщина дважды побывала на фронте и своим вдохновенным материнским словом звала советских воинов на подвиги. На один из участков фронта бабушка Олена была доставлена на самолете. Этому полету посвящен ее сказ «Уж как села я в самолет легкокрылый...». К тому же времени относится сказ Елены Васильевны «Уж как бы были у меня крылья сокола».

В счастливый День Победы Елена Васильевна выступала в Москве, на площадях столицы, перед ликующими советскими людьми. Бабушка Олена была в столице Родины и в те незабываемые дни, когда трудящиеся Советского Союза, все прогрессивное человечество отмечали семидесятилетие со дня рождения И. В. Сталина. В устах Елены Васильевны торжественно прозвучали слова «Величальной», посвященной великому вождю:

Величаем небес высоту,
Величаем земли красоту...
Величаем цветы на земле,
Величаем звезды в Кремле,
Величаем того, с кем мы счастливы стали,
Величаем тебя, дорогой наш Сталин!

Сказительница полна новых творческих замыслов. Недавно она поставила свою подпись под Стокгольмским Воззванием. Всю силу своего песенного таланта Елена Васильевна ныне отдает борьбе за мир.

...На сцену сельского клуба подымается старая женщина. Просто и задушевно ведет она свою напевную речь. И как бы раздвигаются перед слушателями клубные стены, словно видна огромная советская земля — от края до края. Когда Елена Васильевна произносит имя знаменосца мира во всем мире товарища Сталина, долго и горячо аплодируют ей колхозники. Тепло принимают они новый сказ — «Слово о мире»: в нем выражены думы и чаяния советских людей.

Е. ОСЕТРОВ

Сцена из 4-го действия оперы Эугена Каппа «Певец свободы». В роли Арм — заслуженная артистка ЭССР Эльза Маазик, в роли Раю — заслуженный артист ЭССР Тийт Куузик.

Фото В. Савостьянова (ТАСС).

«Певец свободы»

ОПЕРНЫЙ ТЕАТР «ЭСТОНИЯ» В МОСКВЕ

Гастролировавший в Москве таллинский театр оперы и балета «Эстония» с большим успехом показал столичному зрителю свою новую работу — оперу Эугена Каппа «Певец свободы». Премьера этой оперы состоялась в Таллине в дни десятилетия Эстонской Советской Социалистической Республики и встретила горячий прием.

«Певец свободы» — первая эстонская опера, в основе которой лежит современная советская тема. Перед зрителями проходят важнейшие исторические события последнего десятилетия, определившие судьбы эстонского народа.

Центральный персонаж оперы — поэт-патриот Раю, олицетворяющий великую творческую силу народа, его бесстрашие и неукротимое стремление к свободе.

1940 год. Раю и его друзья коммунисты-подпольщики, молодые рабочие, лучшие сыны и дочери Эстонии становятся во главе народных масс, выступающих против буржуазного правительства, за установление в республике советской власти. Народ сметает со своего пути реакционных последышей буржуазии, выведенных в опере в лице студента-корпоранта Мягера и его возлюбленной Герды.

Когда народ, познавший счастье освобождения, празднует первую годовщину образования советской власти, это торжество нарушают взрывы бомб сброшенных с фашистских самолетов. Вспыхнула мировая война.

Но народ не покорен. Поэт Раю и из одиночной камеры фашистской тюрьмы продолжает борьбу с врагами: он пишет боевые патриотические стихи, которые, проникнув на волю, воодушевляют народ на борьбу с фашизмом. Невеста Раю — Арм — читает его стихи партизанам, и страстные поэтические призывы к свободе порождают новые подвиги.

Советская Армия, поддерживаемая всем эстонским народом, изгоняет врагов. Но гибнет от предательской пули бесстрашная партизанка Арм. Освобожденный из фашистского застенка Раю тяжело переживает эту невозвратимую потерю. Однако он не одинок, с ним его друзья, победивший народ, которому Раю посвящает свою жизнь, свое творчество. Таков сюжет оперы «Певец свободы».

Суровой, романтически-взволнованной революционной песней начинается опера. Тема этой песни развивается как центральный музыкальный образ первого акта, завершаясь мощной оркестрово-хоровой кульминацией, передающей торжество народа, одержавшего победу над буржуазией.

Хоровые, массовые сцены оперы выписаны с подлинным мастерством. Хороши и отдельные арии Арм и ее песня-стихотворение, исполненная в лагере партизан. Не столь целостна и глубока, к сожалению, партия поэта Раю. Если песня на его стихи, воспроизводимая партизанкой Арм, звучит могучим боевым призывом, то его собственные арии, ариозо, речитативы временами несколько статичны.

Эуген Капп — композитор-реалист, творчески воспринявший традиции мировой и прежде всего русской музыкальной классики. И хотя опера «Певец свободы» грешит отдельными недостатками (незавершенность финала второй картины и эпизода в тюрьме, где поэт-узник вдохновенно слагает боевые стихи), все же эта первая эстонская опера на современную тему — значительнейшее художественное явление.

Успеху оперы у требовательной московской публики весьма способствовали прекрасные музыкальные коллективы театра «Эстония»: оркестр (дирижер — К. Раудсепп) и хор (хормейстер — Т. Таргама), талантливая режиссура (А. Винер) и художественное оформление (В. Хаас и Ф. Матт).

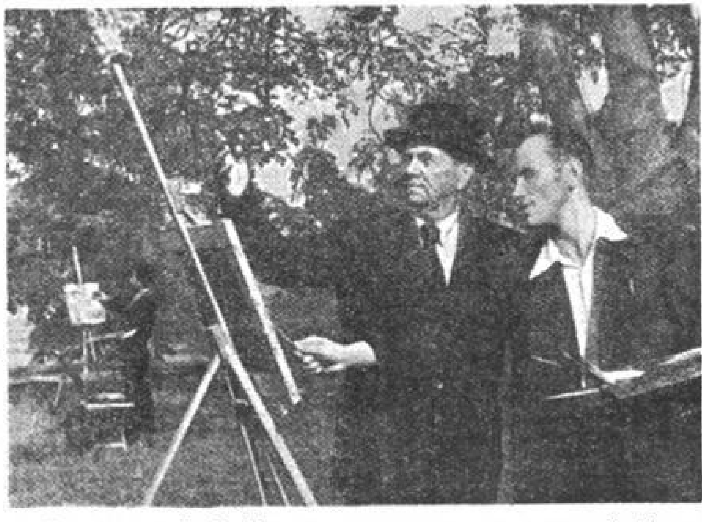
Высокую певческую культуру, отличную технику, чистоту интонации продемонстрировали солисты театра, особенно певцы Т. Куузик (Раю), хорошо знакомый москвичам по своим прежним концертным выступлениям, Э. Маазик (Арм), М. Тарас (Лайд), Э. Марипуу (Герда).

Кроме «Певца свободы», театр «Эстония» показал в Москве оперу Э. Каппа «Огни мщения» и его балет «Калевипоэг», оперу Г. Эрнесакса «Берег бурь» (об этих произведениях эстонских композиторов уже писалось на страницах «Огонька»), а также «Евгения Онегина» и «Травиату».

Гастроли государственного театра оперы и балета «Эстония» прошли с большим успехом. Особенный интерес московских зрителей вызвали произведения ведущих эстонских композиторов Э. Каппа и Г. Эрнесакса, музыка которых ярко раскрывает всю прелесть и обаяние эстонского народно-песенного творчества.

С. КОРЕВ

С этюдником в Коломенском

Профессор Г. К. Кравченко со своим учеником Б. Соковниным (на переднем плане).

Фото Н. Маторина.

Над воскресной Москвой едва занялась заря. На шумной Лесной улице, что около Белорусского вокзала, непривычная тишина. Но у пятиэтажного здания клуба имени Зуева, клуба рабочих городского коммунального хозяйства, один за другим появляются люди разных возрастов и профессий, похожие друг на друга только одним: через плечо каждого перекинут на ремешке плоский деревянный ящичек. Это этюдник. В нем уложены краски, кисти, кусочки загрунтованного холста или картона. А люди, спозаранку собравшиеся на Лесной, — любители-художники из клубной студии изобразительного искусства.

Слесарь Василий Бардошин приходит одним из первых. Ему всегда кажется, что собираются очень долго и зря уходят драгоценные утренние минуты.

Но вот наконец в сборе все. В студии занимается свыше шестидесяти человек, добрая половина из них — механики, фрезеровщики, шоферы, водители троллейбусов, слесари, чертежники, студенты, инженеры. Руководитель студии профессор Георгий Кузьмич Кравченко объявляет маршрут: село Коломенское, одно из любимых мест столичных живописцев.

Художники рассыпаются по всему селу. Каждый устраивается там, где ему кажется покрасивее. Одни пишут архитектурные памятники, другие — пейзажи: Москву-реку, овраг, поросший липами, или четырехсотлетние дубы. Бардошин выбирает мотив с дубами. Он намечает углем общую композицию, контуры деревьев и принимается за кисть.

Неожиданный ветер приносит на небо серые громады туч, заволакивающие солнце. Приходится ждать, пока распогодится. Василий ложится на спину, закрывает глаза и задумывается: вспоминает фронт, где был он старшим сержантом, артиллеристом-наводчиком... Всю войну провел Бардошин в армии и всю войну не расставался с маленьким альбомчиком: чуть только свободная минутка — он за карандаш.

После демобилизации Бардошин стал работать на заводе. Ему хотелось учиться живописи. Как-то он услышал, что в клубе имени Зуева есть студия. Рабочий показал профессору Кравченко свои фронтовые наброски. Профессор долго смотрел, затем улыбка просветлила его лицо: «Данные у вас есть, будете заниматься!»

И теперь четыре раза в неделю Бардошин посещает студию. Он уже участвовал в отчетной выставке студийцев.

— Скажи-ка, — спрашивает другой студиец, шрифтовальщик Б. Соковнин, — закончив заниматься у Георгия Кузьмича, что ты предполагаешь делать?

— Я еще не решил точно, — колеблется Василий. — Может быть, буду держать экзамен в Московский художественный институт имени Сурикова, стану профессиональным художником, а может, и не переменю профессии. Но все равно живописи не брошу...

Е. ХМЕЛЬНОВ

Комбайн ведёт Константин Борин

Ветер вольно гуляет по полю и гонит по пшеничному морю волну за волной. Солнце щедро заливает степь теплом и светом. Жара. Тихо кругом. Но вот доносятся какие-то неясные звуки. Они вплетаются в говор ветерка и, приближаясь, становятся яснее и яснее. Теперь уже можно уловить мерный, ритмичный рокот моторов.

Вскоре мимо нас проплывают сцеп двух комбайнов «Сталинец-6», а невдалеке — вторая пара — «Сталинец-6». На каждом сцепе надпись: «Героям Социалистического Труда тт. Борину К. А. и Кабан Т. Т.».

Плотный, широкоплечий человек среднего роста уверенно ведет передний сцеп. Командир «степного корабля», он то пристально всматривается в хедер, то прислушивается к работе мотора.

Это Константин Борин, депутат Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, проводит испытание нового комбайна. Вот уже на протяжении 15 лет он открывает в этой умной машине все новые возможности роста ее производительности. Его биография неотделима от «биографии» советских комбайнов.

...Знатный механизатор стоит на мостике экспериментальной машины «Сталинец-8». Немало бессонных ночей провел он, налаживая ее работу. Пришлось кое-что изменить, заменить, прибавить свое, «боринское». Все это уже позади. Сейчас Борин ведет сцеп двух «Сталинцев-8».

Советский патриот гордится прекрасной машиной, творением конструкторов завода «Россельмаш». Инженеры задались целью при том же расходе материалов изготовить машину, которая была бы проще, дешевле и в то же время производительнее.

Эта трудная задача с успехом решена. Сила мотора осталась та же, а производительность комбайна возросла в полтора раза.

Осваивая новую машину, К. Борин и его друзья одновременно вели жатву хлебов сцепом двух «Сталинцев-6».

В один из жарких дней уборки в полевой стан к Борину приехал его старый друг Иван Васильевич Полеводин. 15 лет назад они впервые встретились в Кремле, на Всесоюзном совещании комбайнеров и комбайнерок. Тогда это были рядовые молодые механизаторы. Сейчас Борин — агроном, с дипломом об окончании Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, а Полеводин — конструктор советских комбайнов.

Здесь, на поле, эти два человека рассказывали друг другу о своих успехах в труде, творчестве и больших планах на будущее. И каждому из них радостно было видеть, какие великие перемены произошли на колхозных полях за минувшие 15 лет и как изменились они сами, простые советские люди.

* * *

Уборка урожая на Кубани закончилась. Государственный план хлебозаготовок (без кукурузы и риса) край выполнил досрочно и значительно быстрее, чем в прошлом году.

В этой большой победе кубанских хлеборобов немалая заслуга и Константина Борина, инициатора соревнования комбайнеров. Убирая сцепом двух «Сталинцев-6» и одновременно осваивая новый комбайн «Сталинец-8», он снял урожай с 1594 гектаров, намолотив свыше 156 тысяч пудов зерна.

Ныне Константин Борин, в числе лучших комбайнеров Юга, приехал в Московскую область на уборку урожая. Он приступил к работе в Серебряно-Прудской МТС.

Вл. ДАРМОДЕХИН

На московской выставке цветов.
Фото Дм. Бальтерманца.

Праздник любителей цветов

Пожалуй, нигде не встретишь столь разных людей и по профессии и по возрасту, которые с такой легкостью находили бы общий язык, так дружно выражали бы восхищение, подолгу задерживались около одних и тех же экспонатов, как здесь, на московской выставке цветов. Выставка — настоящий праздник для любителей цветов.

Царствуют на этом празднике, конечно, флоксы. «Флокс» по-гречески — «пламя». Не сгорая, горят огромные благоухающие шапки. Розово-алые, белые, пестрые...

Воинственно подняли остроконечные шпаги крепких и высоких стеблей гладиолусы с массивными цветами: кумачово-красными, оранжевыми, даже сиреневыми или снежной белизны. И георгины. Такое множество их, и так все они хороши и так разнообразны.

Маки в виде больших лохматых шаров. Ромашка, столь громадная, что закроет ладонь с растопыренными пальцами. На высокой ножке горделивая недотрога — лилия регале. К бегониям надо хорошо приглядываться, покуда разберешься в почти невероятном разнообразии рисунков и расцветок листьев и цветов. Розы чайные, пунцовые, светлые.

Много здесь чудес. И главное из них то, что большинство этих цветов выращено не в ботанических садах и не в оранжереях специальных хозяйств, а на московских дворах и балконах, на клумбах школьных садов, в палисадниках перед окнами дачи. Собраны они здесь любительской рукой: выставка организована Добровольным обществом содействия озеленению Москвы.

Очень интересная организация—это Общество. Членов его встретишь во многих московских квартирах, почти в любой школе, на заводе и фабрике. Среди них свои энтузиасты-мичуринцы. Мария Павловна Бединггауз — автор книги о флоксах, написанной на основе длительного опыта выращивания цветов в одном из московских дворов. Лидия Александровна Миронова создала множество новых великолепных сортов георгин.

Члены Общества мечтают о насаждениях многолетних растений. О том, чтобы на дворах и в скверах Москвы росло как можно больше цветов. Они думают о регулярных сезонных выставках. Есть у них и свои претензии. Например, они считают, что не мешало бы комсомольским и пионерским организациям оказывать бо́льшую помощь Обществу. Нужна лучшая связь с городским Трестом зеленых насаждений и его районными конторами.

Советские люди, украшая родную землю, мирный труд, умеют выразить в этом стремлении и свои глубокие чувства. Посмотрите хотя бы, как называются цветы. Есть георгины «озирис», «рояль». Но есть и другие: «салют», «молодая гвардия», «Поль Робсон»... Среди гладиолусов: «красная звезда», «Ермолова», «Свободная Корея». Эти последние — яркие, похожие на красный флаг, а края их лепестков напоминают цветом небо в час восхода солнца.

В благоухании цветов, в ярких их красках частица нашего советского быта.

М. ГАЛЬЦЕВА

ГРЕБЦЫ ИЗ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В Москве уже гостили чехословацкие легкоатлеты, хоккеисты, пловцы, мастера теннисной ракетки... Теперь в гости к спортсменам столицы для совместных тренировок и товарищеских соревнований приехали чехословацкие гребцы.

Академическая гребля — один из популярных видов спорта в Чехословакии. На прошлогоднем первенстве Европы чехословацкие гребцы заняли ряд призовых мест.

...По широкой глади Москвы-реки скользят изящные скифы и клинкеры. На одних гребут гости из Праги, на других спортсмены «Динамо», «Крылья Советов», ЦДКА. После тренировок между спортсменами двух стран завязываются оживленные беседы, друзья обмениваются опытом.

10 — 12 августа состоялись товарищеские соревнования.

Гонку одиночек выиграл чемпион СССР И. Демьянов («Крылья Советов»), на втором месте оказался С. Шереметьев (ЦДКА), третьим пришел к финишу Ф. Врба (Чехословакия). В заезде скифов-четверок без рулевых соревновались с гостями чемпион СССР — команда общества «Крылья Советов», вторая команда этого общества и «Динамо». Первые и вторые места заняли команды «Крылья Советов», на третьем — гости, динамовцы оказались на четвертом.

Однако динамовцы взяли реванш в заезде распашных двоек. Молодые гребцы М. Плаксин и В. Багрецов обошли команду «Крылья Советов» и финишировали первыми. Гребцы Чехословакии заняли третье место.

Интересно прошли гонки скифов-четверок с рулевым. Со старта команда Чехословакии вырвалась вперед. Вскоре ее настигла ленинградская команда «Красного знамени». Затем в острую борьбу за первое место включилась и четверка «Крылья Советов».

Выиграли гонку ленинградцы. На второе место, обогнав на четверть корпуса гостей, вышла команда «Крылья Советов».

В гонках парных безрульных скифов победили спортсмены ЦДКА. Заезд «восьмерок» выиграли «Крылья Советов».

Команда «четверки» Чехословакии (слева направо): М. Мера, Я. Вавржена, Ф. Бартак (рулевой), Р. Герейк и К. Ванек.
Фото Н. Волкова.

На «Малой Южной»

До войны она славилась по всей нашей стране. Кто из советских школьников не слыхал о «Малой Южной»— детской железной дороге в Харькове! Гитлеровские оккупанты разрушили ее.

5 лет назад пионеры Харькова получили в подарок вновь отстроенную детскую железную дорогу. Комсомольцы заботливо восстановили «Малую Южную», она стала еще лучше, чем была.

На «Малой Южной» произошли большие перемены. Увеличилось количество вагонов, удлинились железнодорожные пути, радиофицирован подвижной состав. Пока зеленый поезд мчится через лесопарк, юные пассажиры слушают интересные радиопередачи.

Совершенствуется не только техническое оборудование дороги. Растут и кадры юных железнодорожников. Работа на «Малой Южной» — высокая честь. Ее удостаиваются лишь лучшие ученики харьковских школ, которые с детских лет осваивают свою будущую профессию.

Вот дорожный мастер Миша Дрогун и обходчик Вова Бабич тщательно проверяют состояние пути «катящимся шаблоном». Вова внимательно следит за показаниями стрелки прибора. Все благополучно. Отклонений нет. Дорога в полном порядке. Столь же тщательно проверяют свое хозяйство и осмотрщики вагонов. Наконец, наступает долгожданная минута. Главный кондуктор Слава Бондаренко подает сигнал отправления. Паровоз «ЛК 159-02» набирает скорость, и поезд с юными пассажирами, громыхая на стыках рельсов, мчится к станции «Лесопарк».

Сейчас проектируется дальнейшее увеличение — на полтора километра — протяженности Харьковской детской железной дороги. Поезд пойдет до новой станции — «Комсомольское озеро».

А. УМАНСКАЯ

На снимке: дежурный по станции «Парк» Рита Головченко сообщает об отправке поезда на станцию «Лесопарк».
Фото А. Коптюхина.

КОРАБЛЕВСКАЯ ТЕТКА

Рассказ

Ф. КНОРРЕ

Рисунки П. Голубь

Поезд уходил все дальше, а нити, связывающие Сергея Федоровича Апахалова с городом, с оставленной работой, все никак не хотели обрываться.

На первой крупной станции он не выдержал и побежал на телеграф, чтобы послать своему заместителю Макеичеву телеграмму с напоминанием о стахановском слете, намеченном на следующей неделе.

После этого на душе стало как будто поспокойнее, но очень скоро он опять поймал себя на том, что сочиняет в уме вторую телеграмму. С досадой завинтив вечное перо, Апахалов лег на диван, заложив руки под голову, твердо решив начать наконец отдыхать.

Так он и отдыхал добрый час, лежа с крепко сжатыми губами, уставясь на круглый медный вентилятор в потолке и одергивая себя каждую минуту, когда мысли сами собой возвращались к Макеичеву, к проекту нового стадиона, к тревожно близкому сроку пуска второй очереди городской электростанции, к областному слету, назначенному на будущей неделе...

Только на второй день пути мало-помалу его мысли приняли другое направление. Привычные разговоры, дела потихоньку стали отходить на второй план.

Теперь вспомнилось ему с полной ясностью, что ехал он, как это ни странно, по семейному делу. Давным-давно у него никаких семейных дел не бывало. Да и семьи никакой у него не было. Из родственников доживала век где-то в Кораблевской слободке одна тетка Паша, с которой они не видались, пожалуй, лет двенадцать.

Месяца три назад Апахалов получил очередную поздравительную открытку, написанную детской рукой. Подпись была: «Соня». Какая такая Соня, совершенно неизвестно. И только в конце была приписка рукой самой тетки: «Поздравляю и я тебя от всей души с Великим Праздником Первого Мая. Твоя старая тетка Паша». Она всегда про себя так и говорила: тетка. Кроме поздравления, в открытке вскользь сообщалось, что ей окончательно пришлось выйти на пенсию.

До революции тетка много лет работала воспитательницей в фабричном сиротском приюте, потом стала учительницей начальной школы. Он смутно ее помнил: костлявая, сухая, с желтыми волосами, жгутом закрученными на затылке.

В давно прошедшие времена, когда было еще на свете то, что называлось семьей Апахаловых, в этой семье ходили рассказы об ее упрямстве. Наверное, она со своими чудачествами, нажитыми в дореволюционные годы, когда жизнь так легко уродовала людей, теперь, на старости лет, одинока. Словом, надо посмотреть, как она там. И в случае чего, может быть, и взять ее к себе...

Проводник, постучав в купе, объявил, что сейчас будет Любавино.

За стеклом вагонного окна, по которому сползали крупные дождевые капли, было непроглядно темно.

Потом разом множество огней, далеких и близких, хлынуло навстречу, и поезд застучал по стрелкам.

Поежившись от сквозняка в коридоре, Апахалов вышел на площадку. На вокзале заиграло радио. Платформа была мокрая и скользкая.

Не оглядываясь на вагон, где осталось его купе с удобной постелью и оранжевой настольной лампочкой, Апахалов пошел под дождем к площади, где останавливались автобусы на Кораблевку, как до сих пор еще часто называли поселок текстильного комбината.

Совсем почти прекратившийся дождь поджидал пассажиров автобуса на последней остановке у поселка комбината. Но как только автобус остановился на кругу, дождь так и грянул о крышу машины и по деревьям сквера, точно крупным горохом.

Пассажиры сидели на местах, не решаясь выходить, молодой водитель смеялся и сочувственно качал головой. Некоторые женщины стали разуваться. Три девушки, подталкивая друг друга, с визгом выскочили из машины и побежали босиком через площадь к освещенному подъезду Дома культуры.

Апахалов шагнул с подножки прямо в лужу и зашагал широким шагом к перекрестку, который показал ему шофер.

Отсчитав третий переулок налево, Апахалов свернул и стал искать дом. Где-то глухо залаяла из будки собака. С ожесточением промокшего человека шлепая по лужам, Апахалов вошел во двор и постучал в дверь.

Чей-то голос повелительно закричал в темноту:

— Ну, чего же вы там под дождем мокнете? Входите скорей, дверь-то не заперта!

Женщина, стоявшая у дверей, сейчас же ухватила его за рукав и потащила за собой, показывая дорогу через длинные, темные сени.

В маленькой прихожей было немного посветлей.

— Эх, птичка, — ахнула женщина, — да ведь ты будто из болота выполз! Ну-ка скидывай скорей свою хламиду, вешай ее сюда!

Она отняла у него и шляпу и нахлобучила ее на колышек у двери. И со шляпы и с пальто стекала струйками дождевая вода.

Сергей Федорович с улыбкой слушал скрипучий голос тетки Паши, вытирая мокрое лицо носовым платком.

— Ну, марш в кухню, там, у плиты, посушитесь! — скомандовала тетка и, приглядевшись к нему, спросила: — А вы ко мне, что ли, или так, от дождя забежали?

— Да здравствуйте же, тетка Паша! — укоризненно пробасил Сергей Федорович.

Своими костлявыми сильными руками она ухватила его за плечи, повернула лицом к свету и вдруг разнеженно, коротко всхлипнула, сморщив свое и без того сморщенное, сухое лицо:

— Сережка! И я-то, старая скворешня, не узнала сразу, а ведь ты и не изменился нисколечко. Иди, поцелую!

Она потянула его за ухо, пригибая к себе, поцеловала в щеку, еще раз коротко и сухо всхлипнула и вдруг в голос закричала:

— Да ты что, заболеть решился, что ли? Снимай сапоги, снимай сейчас же все до нитки, без разговоров!

Когда они уселись друг против друга пить чай, Апахалов подумал, что вид у него сейчас довольно странный для немолодого, солидного человека: теткины войлочные шлепанцы, надетые на босу ногу, и поверх белья накинуто, как плащ, зеленое фланелевое одеяло, заколотое на плече булавкой.

Прихлебывая из пузатой чашки горячий липовый цвет, заваренный специально по поводу его предполагаемой простуды, Апахалов оглядывал комнату.

Зеленые половички шли через яркожелтый крашеный пол, на перекрестке расходясь в спальню и кухню. Подоконники были заставлены всевозможными банками, горшочками и горшками, в которых росли главным образом кривые палочки, на карточках детским почерком были выведены названия самых различных представителей растительного царства, от эвкалипта до овса.

— Рассказывай теперь все про себя, — приказала тетка, — я буду слушать. Женился ты наконец? Нет? Это почему же? Пора! Тебе сколько лет-то, я ведь уж и не помню!

Сергей Федорович засмеялся:

— К полсотне подъезжает, тетенька!

— Ну-ну, что это ты выдумываешь! Откуда это вдруг? Ты ведь вот какой был совсем недавно. Разве я не помню... Отчего же ты, однако, все не женишься?

Сергей Федорович вспомнил давнишнюю историю, решившую для него раз навсегда этот вопрос, и не нашел сказать ничего лучшего:

— Да вот так оно уж получилось!

Тетка, оказывается, кое-что знала. Она быстро сказала:

— Ведь это когда было! Сколько лет прошло! Другую какую-нибудь мог найти... Или нет?

— Нет,— сказал Апахалов, внимательно разглаживая пальцами скатерть.
— Вот оно! — с сокрушением тетка подняла палец кверху.— Это — все наше упрямство.
— Очень может быть. Да ты, тетка, вот тоже замуж не собралась.
Она пренебрежительно отмахнулась:
— Замуж! Я, птичка моя, в приют с восемнадцати лет воспитательницей поступила. И в ка-акой? Фабричный! Благотворительный. В Кораблевской слободке! Молебен отслужили, сунули мне на руки шестьдесят семь птичек этих, сироток. Одному седьмой год, другому пятнадцатый. Которые еще в куклы играют, которые уже водку пить научились, и все разутые, и есть хотят, а денег у приюта — кто сколько пожертвует... Где мне тут с мужем-то возиться было, что ты! Я как в этот омут попала, так и на всю жизнь.
Она потянулась к самовару наливать ему четвертую чашку.
Апахалов перехватил ее руку, чувствуя, что и так распарился, как в бане.
— Ну, так чего тебе дать?.. Ты ведь, небось, куришь? Приучился?
— Да нет, доктора не велят!
— Наверное, покуриваешь потихоньку! И очень плохо... Ну, если напился, карточки надо посмотреть. Ты ведь у меня не видал многих.
— Что ж, посмотрим,— согласился Апахалов.
Тетка зажгла свет в маленькой комнатке, где стояла ее плоская койка, покрытая чистым тканьевым одеялом.
Стена пестрела старыми фотографиями.
— Вот это тетя Вера. Помнишь? Ну, Лукашкова. Муж ее, высокий, здоровый такой, студенческие песни пел басом, его при царе в Сибирь сослали за беспорядки... А вот этого не узнаешь?
Апахалов нагнулся, вглядываясь. Желтые фигуры людей, очертания деревьев и дощатого забора еле выступали из общего желтого тона карточки. На лавочке у забора сидела старушка в черном платке. Вокруг нее стояли и сидели усатые мужчины в пиджаках и косоворотках и женщины в длинных юбках с короткими кофточками, подпоясанными широкими поясами. Два мальчика и неясная, смазавшаяся тень от собаки были на переднем плане.
— Это ты сам и есть.
— Хорош! — сказал Апахалов.— Только который же, собственно, я? В мятых штанах или этот, что арбуз лопает?
— Конечно, арбуз,— засмеялась тетка,— сразу догадаться можно. Все сели сниматься, как люди, а ему хоть по-глупому, да по-своему надо: вот в арбуз по уши впился. Одна корка и получилась. Безобразник!
Апахалов, усмехаясь, рассматривал бледную тень худенького стриженого мальчика, кусающего ломоть арбуза, потом женщину, стоявшую позади, и, запнувшись, спросил:
— А это позади стоит... мама? — и у самого что-то отозвалось внутри, до того странно было все: пятидесятилетний человек, придерживая на грузном плече одеяло, вдруг выговорил нечаянно «мама».
— Спасибо, хоть мать узнал, все-таки,— сказала тетка и вздохнула очень коротко.
Как все люди, много имеющие дела с малышами, она не была склонна к сентиментальности.
— Это не та Соня, которая мне к празднику открытки пишет? — Апахалов разглядывал карточку девочки лет двенадцати с гребенкой в волосах.
— Где? — удивилась тетка и, посмотрев, махнула рукой: — Ну, что ты! Это же моя Клава... Севрукова Клава. Она тебе ровесница. Надо тебя к ней сводить.
Апахалову послышался заглушенный тонкий смех из-за занавески в столовой.
Тетка, не оборачиваясь, позвала:
— Соня!.. Не спишь?
— А кто к нам приехал? — необыкновенно бойко протараторил голос из-за занавески.
— Ну, ладно, покажись, поздоровайся. Сережа к нам приехал.
Занавеска заколыхалась волнами, и в разрез высунулась раскрасневшаяся со сна худенькая востроносая девочка лет десяти. Она с любопытством обежала глазами Апахалова, потом всю комнату и накрытый стол и вдруг с размаху поклонилась, отчаянно мотнув встрепанной головой:
— С добрым утром!
— Петрушка! — тетка угрожающе постучала костлявым пальцем по столу.
Апахалов подошел поздороваться.
— Вы, значит, наши поздравления получили? Ну хорошо! — девочка кивнула.— Тетя Паша, я тоже хочу чай пить!
— Ну, хватит фокусов! — уже без крику, от которого делалось только веселей, а спокойно, но так, что приходилось слушаться, объявила тетка.— Спать, без разговоров! И тебе спать. Всем спать!
Тетка сама потушила лампу, и уложенный на диван Апахалов слушал в темноте, как тикают ходики. На столе самовар спросонья время от времени начинал потихоньку бурчать. За окном уже не было шума дождя, и только журчала по земле стекающая вода и капало с мокрых деревьев. Постепенно в темноте проступили неясные квадраты низких окошечек. Из открытой двери с кухни волной шло тепло и пахло березовыми вениками.
«Так вот и живем, так и живем...» — в такт ходикам вспоминал Апахалов прощальные слова тетки, поцеловавшей его на ночь.

Утром он услышал под окном сочные взмахи метлы, сгоняющей воду. Тетка гремела на кухне самоварной трубой. Солнечный зайчик на медном отдушнике разгорался все ярче, за окном одна половина двора была освещена солнцем и мокрое после вчерашнего дождя деревянное крыльцо дымилось на припеке.
«Мне-то здесь недельку, пожалуй, пожить можно просто превосходно, — думал Апахалов, — а каково старухе доживать тут свой век? Нет, вопрос решенный — пускай переезжает. Комната для нее найдется. Пускай за чем-нибудь следит там в хозяйстве. Собственно, неизвестно, за чем следить, но женщины как-то находят: суетятся, волнуются. Вообще следят. Вот пускай и следит, неважно, что хозяйства никакого вроде не нужно ему, ничего, пускай. Соню она, конечно, не бросит, тоже пускай. Конечно, непривычно будет, беспокойно, но раз решено, надо выполнять, дискуссия окончена. После чая сейчас же и поговорим».
За чаем ели горячие пирожки с горохом. Тетка слыла плохой хозяйкой, это уж всегда было известно, а пирожки оказались вкусные.
Тетка посмотрела слегка подозрительно, когда Сергей Федорович похвалил.
— Небось, все врешь? Нарочно хвалишь, чтоб подольститься? Или, правда, нравится? Ну так это Соня печет. Я кухарка никудышная, всю жизнь такая была. Да с меня и спросу нет: холостяк!
— А хорошо у вас тут! — мечтательно заметил Сергей Федорович. — Тихо, будто тебя врач выслушивает — пульс слышно.
— Да грому у нас особенного, правда, нет, это верно. А какая уж тут особенная тишина? Это ты привык там, у себя: в телефоны все разом кричат, трамваи звенят, кругом заседания. Вот тебе и кажется.
Дожевывая со вкусом пирожок, Апахалов откинулся на спинку стула и благодушно огляделся через плечо:
— Нет, у вас хо-орошо!.. Ходики тикают — на весь дом слыхать. Растут растения всякие тропические. Вот уродец какой-то сидит на этажерке. Что это он, кажется, язык показывает?
Соня вскочила и повернула к свету фигурку шершавого человечка, сделанного из сосновой коры:
— Нет. Разве не видно? Он жмурится, ему щекотно, а другой, который его щекотать должен, того нет, его ребятишки выпросили; всех растаскали, их у нас много было, а теперь только один этот и остался на память об Мукасее...
Апахалов спросил, что это за Мукасей.
Тетка объяснила, что это фамилия — Мукасеев, а не Мукасей.
— Ну, жил у нас тут один. Это Егорыч его ко мне как-то привел, вот он у меня и пожил тут немного, делать ему нечего было, он все сидел фигурки вырезывал.
Поглядев на часы, тетка сказала, что, кажется, пора собираться к Клаве.
— Ходики твои молодцом, — заметил Апахалов, машинально сверив стенные часы со своими, — а эти вон висят, не ходят — испорчены?
— Почему им надо портиться? — тетка встала и бережно повернула на четверть оборота головку толстенных золотых карманных часов, висевших на гвоздике. Озабоченно хмурясь, послушала, прижав часы к уху, и успокоенно нацепила обратно на гвоздик: — Пугаешь только, идут прекраснейшим образом. Чужие. Я и не завожу, чтоб они не портились.
— Ну, чудачка! Да от завода часы разве портятся?
— Как это так? Колесики вертятся? И зубчики цепляются. Значит, портятся. Каждая вещь портится.
— Ну, все-таки лет на двадцать—тридцать хватит!
— Так они на хранении у меня тоже не со вчерашнего дня. Мне уж давно их Марков оставил. Как еще на фронт ехал.
Она вздохнула и пошла на кухню убирать посуду.
Апахалов не знал никакого Маркова, но все-таки сочувственно осведомился:
— И никаких вестей?
— Открыточку только из Уфы прислал. И с тех пор ничего.
— Из Уфы? А ты сказала «на фронт»!

Тетка из кухни крикнула:

— А я тебе про что говорю! Марков с Колчаком ехал воевать, а ты не поймешь все никак.

— Ну-ну!— Апахалов с новым чувством посмотрел на часы.— С тех пор они у тебя тут и висят?

— Висят,— спокойно подтвердила тетка.

— А как мы их продавать хотели при фашистской оккупации,— напомнила Соня,— когда голод наступил...

— Хотела продать,— жестко подтвердила тетка,— да, хотела. Ребята голодные, и дать им нечего. Думаю: пойду на базар, продам или променяю на хлеб. Буду старой негодяйкой перед Марковым... Ну, Мотька, к счастью, все дело устроил, стали ребятам хлеб доставлять, так часы и остались.

— Теперь Мотька какой-то! — не пытаясь уж разобраться, пожал плечами Апахалов.— И откуда у тебя столько знакомых, тетя Паша?

Она засмеялась:

— Людей кругом и правда много. Только Мотька... какой он знакомый... Мотька!..— почему-то ей было очень смешно представить себе Мотьку в качестве «знакомого».

На улице глаза слепило яркое солнце, было беспокойно и весело от ветра, журчала, уходя по канавкам, дождевая вода.

Еще раньше тетка объявила Апахалову, что обязательно надо будет повидать Клаву. Клава была, как выяснилось, та самая приютская девочка, снятая на фотографии. Тетка взяла ее себе на воспитание лет сорок тому назад... в тот год, когда Сергей болел тифом. Он с этой Клавой играл и за косы ее таскал, так что должен обязательно ее вспомнить.

Апахалов силился припомнить, и в конце концов в памяти действительно стал вырисовываться какой-то дворик, поросший травой, громадная лошадь, прянувшая на дыбы, и он сам в тот момент, когда старался оттащить за руку какую-то девочку с челкой на лбу за железные кровати, сваленные в углу двора... Тетка пришла в восторг. Все так и было и именно вот в этом самом дворе...

В конце переулка трое малышей, сидя на корточках, с сосредоточенными лицами подталкивали кораблик, сидевший на мели в канаве. Издали увидав тетку, они вытащили из воды кораблик и побежали к ней навстречу.

— Куда пошла, а, тетя Паша? — крикнул, приближаясь, мальчик с туго замотанным вокруг шеи теплым шарфом. С кораблика, который он держал прямо за мачту, капала вода ему на пальто.

— По делам пошла,— сказала тетя Паша, стряхивая с него воду.— Дай-ка распущу шарф, неровен час, задушишься!

Мальчик закинул голову и, когда тетка ослабила шарф, ворчливо сказал:

— А когда нам в гости приходить?

— Ну, попозже!

Мальчик очень неохотно сдался:

— Ну, зайдем, попозже... Мы все вместе придем, да?

Теперь они вышли с теткой на улицу, по обе стороны которой стояли рабочие коттеджи. Женщина, которая развешивала вырывающееся из рук на ветру белье, поставила на землю таз и торопливо подошла к штакетному заборчику:

— Тетя Паша, как здоровье? Получше стало? — сказала она озабоченно и ласково.

— Когда докторов близко нету,— и вовсе хорошо! — не задерживаясь, ответила тетка, и Апахалов, оглянувшись, заметил, что женщина смотрела вслед улыбаясь, и сочувствие, беспокойство и восхищение вместе были в ее улыбке.

В это время встречный парень в распахнутом пиджаке и маленькой кепочке на затылке тоже поздоровался.

— Ты чего разгуливаешь? — строго удивилась тетка.

Парень охотно задержался и весело ухмыльнулся:

— Да я же в ночной работаю!

— А-а! — успокоилась тетка.— Ну так ворот застегни, простудишься!

Парень машинально дотронулся до расстегнутого ворота на здоровенной шее и ухмыльнулся.

— Тебя, кажется, тут все знают? — заметил Апахалов.

Тетка пожала острым плечом:

— Ты про Саньку говоришь? Ведь это Санька, Еремея Смородина. Не знаешь? Да откуда тебе знать! А в первый майский день в любом городе, выйди на любую площадь, посмотри на народ — кругом цветет еремеева работа, его рисунки и узоры на женских платьях. Первый художник на всем комбинате!

Тетка шла, глядя себе под ноги, и улыбалась своим мыслям, отрывисто приговаривая:

— Большой человек!.. Ценный получился человек из Еремки... Хм! А ведь вот тоже... такой же был чертенок...

Они вышли к Дворцу культуры, около которого Апахалов вчера слезал с автобуса. Громадные концертные афиши просыхали в своих зарешеченных рамах. Поперек улицы, как парус, надувался ветром полотняный плакат с громадными синими буквами: «КРОСС». Все это совсем непохоже было на вчерашнюю затопленную ливнем площадь...

«Надо, наконец, выбрать подходящий момент,— подумал Апахалов,— и предложить ей переехать».

— Ну, тетка,— протянул он, думая, как бы свернуть понемногу к задуманному разговору,— вот, значит, ты так и живешь... так и живешь...

— Так и живу,— сказала она и бесшабашно весело отмахнулась рукой, как всегда делала, когда разговор заходил лично про нее.

— Тетя Паша,— махнув рукой на всякие тонкие подходы, решился разом начать говорить про дело Апахалов,— давай поговорим мы с тобой, не откладывая. Не люблю я, когда нерешенные дела у меня висят на душе. Есть у меня к тебе разговор.

— Знаю,— быстро сказала тетка,— предупреждал уже, что есть. А я, может быть, даже наперед знаю, про что этот твой разговор будет. Так позволь, я тебе сперва сама скажу. Понял? У меня свой разговор к тебе есть. Скажи мне коротко и честно: у тебя на работе случились какие-нибудь неприятности? Только не виляй. Ну?

— Неприятности бывают, конечно,— удивился Сергей Федорович,— иногда по пять штук в день даже. Но бывает и хорошее, итог в общем положительный, я считаю.

— Ты мне зубы не заговаривай, по совести говори: может быть, тебя... сняли? А? Я знаю, ты парень в душе честный, на постыдное дело не пойдешь. Однако бывает: ошибся или не справился? А? Я тебя не допрашиваю, ты не думай. Но если ты заработался, остался не у дел, как говорится, Сереженька, ты слушай меня: поживи у меня, сколько поживется. Потом справишься, отдохнешь и можешь опять за дело приниматься, все наверстаешь, еще покажешь, на что ты способен, а? Я же чувствую, к чему ты все тишину нашу хвалишь. Вот и поживи в тишине. Если ты насчет денег, то и не думай об них даже. С деньгами мы управимся. У меня пенсия, потом еще на комбинате я получаю кое-что, и потом этот Мукасеев, чудак такой, мне все присылает каждый месяц... Какой? Ну который чертиков делал... когда тут у меня раненый прятался в комнате, его гестапо искало. Я его уж так ругаю, чтоб не смел больше присылать, а он все присылает, я, знаешь... и беру. Я Карасевым отсылаю, у Нины муж умер, ребят пятеро, так я ребятишкам посылаю на гостинцы. А я, старуха, знаешь, рада буду, если ты останешься. Очень рада. Ты все ж таки родной... Ну, вот тут и Клава работает. Пришли!

Они уже входили в проходную комбината. Апахалов понял, что разговор все равно сейчас продолжать никак не удастся, да и не нашелся бы, пожалуй, сейчас, что сказать.

Дежурный в бюро пропусков поздоровался с теткой, как со знакомой. Она сказала: «А это со мной»,— и Апахалов чуть не расхохотался.

— Скажи, с племянником пришла! Это племянник мой,— подсказала в телефонную трубку дежурному тетка,— пускай у Клавы спросят.

Пропуск выписали, и они, пройдя через громадный фабричный двор, жужжавший и гудевший от работы множества станков за стеклянными стенами, поднялись на второй этаж. Тут только Апахалов по надписям понял, что теткина Клава — директор текстильного комбината. Получилось неловко — пришли в рабочее время мешать.

Теткин скрипучий, но звонкий голос всегда был далеко слышен, и, заслышав его, Клавдия сейчас же показалась, распахнув двери своего кабинета.

На пороге они с теткой расцеловались.

Полная, чернобровая и плечистая Клавдия, смеясь от удовольствия, усадила гостей.

— Ну, с теткой Пашей всегда что-нибудь выйдет! Мне говорят: там, в проходной, пришла тетя Паша с племянником,— я и говорю: пропустите с мальчиком!..

Тетка напомнила историю со взбесившейся лошадью и железными кроватями во дворе. Клавдия Андреевна отлично все помнила.

Задумчиво щурясь, как будто вглядываясь в очень далекое, она смотрела на Апахалова.

— Так это вы тогда меня за кровати оттащили? А я вас, кажется, и не поблагодарила?.. Спасибо... Сережа! — она привстала и протянула ему через стол руку.

— А и подросли мы с вами с тех пор, Клава! — улыбаясь в ответ, сказал Апахалов, чувствуя какую-то невольную приязнь одновременно и к этой немолодой смешливой женщине, с такой бережной нежностью наклонившейся минуту назад поцеловать тетю Пашу, и к девочке Клаве в негнущемся приютском платье с обрубленной, как ножом, челкой на лбу.

— Даже утешительно наконец на настоящего племянника посмотреть. А то у тетки тут по поселку «племянников», «племянниц» да «внучат», вроде меня, не одна сотня ходит!

— Только и слышу,— поддакнул Апахалов,— то Соня, то Мукасей, то Клава, то Мотька...

— Какой же еще Мотька! — перебила, оборачиваясь к тетке, Клавдия Андреевна.— Этого что-то не помню.

— Как какой? Ну, Мотька. Который в пекарне работал.

Клавдия припомнила:

— Ах, с хлебозавода?.. Она вам это рассказывала?

Тетка, усмехаясь, буркнула:

— Что тут рассказывать?

— Да она вам, наверное, ничего и вообще-то не рассказывала? Ясное дело: ничего...

Тетка всполошилась.

— Пожалуйста... это зачем? Мое дело какое: возиться с ребятишками...

Она сердито отвернулась от Клавдии Андреевны и обращалась теперь к Апахалову:

— Это она хочет про то время: про фашистскую оккупацию. Детских садов, конечно, не стало. Матерей на работу гоняли. О мужчинах и говорить нечего. А ребят куда девать? Вот мне то одна приведет, до вечера оставит, то другая, а то и сами приходили... Набралось штук десять бесенят, а после даже и до тридцати доходило, ну, мы с ними и пойдем в рощу гулять, пока матери на работе... или, вообще, до вечера. Гуляем в нашей роще, сядем в кружок, песни поем. В игры играем. Книжку почитаем вслух. Басню учим. Или новую песенку. Тем более у меня голос природный!..— тетка, усмехаясь, покачала головой и вздохнула.

— Правильно,— тихо подтвердила Клавдия,— новые советские песни учили. И Первое мая в роще праздновали.— Она, выпрямившись, смотрела прямо в лицо тете Паше: — Да еще и кормила к тому же.

— Ну, матушка,— сердито захмурилась тетка,— это уж ты такие глупости говоришь! Чем это я их кормить могла? У самой ничего не было. Вот раз про Мотьку разговор, так это правда. Он на фабрике-пекарне работал. Я к нему пришла и говорю: «Так и так, Мотька, ребята голодные. Не знаю, какой ты сейчас есть человек, а мальчишка ты был довольно вредный, но все-таки, кажется, честный чертенок. Как,— говорю,— совести у тебя осталось немножко?» «Сколько было, столько,— говорит,— и осталось, в аккурат». «Ну,— говорю я,— тогда доставай нам хлеба, ребят кормить». Мотька тогда говорит: «Ладно, тетя Паша, толь-

ко надо мне с товарищами сговориться...» С тех пор каждый день они мне то две, то три буханки хлеба доставляли. Как-то уж там через забор, что ли, то в какой-то колясочке детской вывозили, уж не знаю, а ребятам каждый день по куску хлеба всегда было... А ты забыла, Клава, какой Мотька!

— И никто тебя не тронул, тетя Паша? — тихо спросил Апахалов.— Ведь видели же вас, как вы в рощу ходили и так далее?

Клавдия Андреевна негромко вставила:

— Ну, тут я могу лучше объяснить. Не тронули потому, что знали: кто тетку тронет, долго не проживет. Все равно убьют.

Тетя Паша посмотрела на нее с некоторым удивлением. Подумала.

— Пожалуй, и правда. Что ты думаешь?..

Наконец Клавдия Андреевна с теткой заговорили о своих делах. У них условлено было заранее сегодня отправиться навестить один из комбинатских детских садов.

Апахалов не стал дожидаться, пока подадут машину, попрощался и потихоньку пошел домой.

Во дворе теткиного дома Санька Смородин с товарищем, громко разговаривая и смеясь, кололи и складывали к крылечку дрова. Соня уже вернулась из школы и теперь хозяйничала на кухне. В столовой соседские ребятишки вчетвером, сидя на корточках, пыхтели от напряжения, стараясь усадить какой-то зеленый стебелек в громадную глиняную банку...

Тетка возвратилась скоро: видно, что спешила. Быстро поднявшись по ступенькам крыльца, она дышала часто и коротко. Уже войдя в комнату, раза два попыталась вздохнуть поглубже, прижимая руку к груди, и сказала как-то удивленно:

— Сердце, Сереженька!..— и сейчас же отмахнулась рукой.

За обедом опять было не до разговора: то кто-то приходил, то тетка сама начинала рассказывать к слову про кого-нибудь. И Апахалов уже не удивлялся нисколько, когда она, путая прежние мальчишеские клички с почтенными именами, отчествами, рассказывала про самых почтенных и уважаемых в городе пожилых людей...

Дольше других засиделся за вечерним чаем какой-то доктор Леонтий Михайлович. Проводив его до прихожей, тетка вернулась, хитро усмехаясь:

— Хитрит со мной! — объяснила она Апахалову.— Ходит, будто чайку попить, а сам норовит сердце выслушать. Да я не далась. Как будто я без его трубки не знаю, как у меня там дела идут!

Соня, объявившая полчаса назад, что все равно не заснет всю ночь, если ее раньше всех уложат спать, мирно посапывала за занавеской.

Апахалову тоже пришлось улечься, чтоб не спорить с теткой. В комнате было полутемно.

Из кухни через открытую дверь опять потянуло теплом и вчерашним запахом вянущих березовых веников. Ходики, будто дожидавшиеся весь день, пока не наступит тишина, защелкали на весь дом.

Тетка подошла и села в ногах у Сергея Федоровича, привычно поправив одеяло.

— Весь день провозилась, и поговорить было некогда... Да, так вот мы и живем...— она вздохнула и тихо сказала: — А ты бесстыдник, Сережка. Разве это так делают? Зачем тетку старую переконфузил? Я ведь сама у тебя стесняюсь спросить: думаю, у тебя, правда, неприятности какие-нибудь! А ты ничего не скажешь. Бесстыдник!

— Вот уж ничего не понимаю! — сказал Апахалов и даже сел на постели от удивления.

— Ложись! — тетка ткнула его в плечо пальцем, жестким, как карандаш. — Клава, и та про тебя больше знает. Я Клаве говорю про тебя, а она надо мной хохочет. Я говорю ей: «Откуда ты знаешь?» А она говорит: «Я, тетка, все газеты читаю: ведь он заслуженный человек, твой Сережа!..» Тебе это не стыдно, старуху конфузить?..— Она тихонько рассмеялась и быстро провела пальцем по своим тяжелым, морщинистым векам.— Ну, о чем же со мной говорить давеча собирался?

— По правде говоря, ведь я за тобой приехал. Звать тебя со мной жить... Думал, понимаешь ли, что тебе лучше будет со мной, все-таки не одна... большой город, и так далее... Не поедешь, чувствую...

Тетка долго молчала, покашливая и коротко вздыхая. Потом очень мягко, точно извиняясь, сказала:

— Ты только не обижайся, Сереженька. Спасибо тебе большое, да сам понимаешь...

— Как не понять, все понял...— Тихонько похлопывая ее большую морщинистую руку, лежавшую на одеяле, Апахалов вздохнул: — Попусту не стану уговаривать. А ты хоть посиди со мной немножко, давай о жизни с тобой поговорим.

— Посижу,— с облегчением сказала тетка Паша, усаживаясь поудобнее и подтыкая ему под ноги одеяло,— я посижу, а ты пока засыпай потихонечку. Ладно?..

Геворк ЭМИН

Лирика

Примета

Есть счастливая примета —
вместе с милой встретить
зори...
Посмотри:
в лучах рассвета
корабли уходят в море.
Проводи их долгим взглядом...
Оба — в солнечном сияньи;
им — двоим,— плывущим
рядом,
покорились расстоянья.

Ярость шквальную изведав,
неразлучны в море синем
горделивая «Победа»
и могучая «Россия».

А на западе сегодня —
там, где небо в дымной гуще,—
подлою рукою поднят
смрадный факел войн
грядущих.

Ветер вспенивает море...
Но, как прежде, величаво,
корабли плывут,
в просторы
пролагая трассу славы
по вскипающим равнинам,—
вечно рядом,
вечно двое...
Значит, и у нас с тобою
счастье будет нерушимым.

Облако

Дымок приплыл издалека
и в небе облаком повис...
К нему в лазоревую высь
березка тянется, легка...

Пейзаж, достойный жить века;
мгновение, остановись!

...И вот художник не спеша
загрунтовал кусок холста
и, краски яркие смешав,
составил нужные цвета,—
и озарила полотно
березы светлая листва...
А в небе облако
одно
успело превратиться в два.
Тогда, на миг оторопев,
в душе досадуя слегка,
художник пишет облака,
березы кончить не успев.
Потом, на землю с высоты
переведя усталый взгляд,
он ужаснулся:
все листы
забрызгал суриком закат.
Когда ж, переписав листву,
на небо глянул впопыхах,
увидел
только синеву,
а облако — увы и ах!
Художник лезвием ножа
соскреб с картины облака...
Но вряд ли стоит продолжать
рассказ про белого бычка.

Художник!
Наше ремесло
Не в том, чтоб миг зарисовать.
Пусть в дали облако ушло,
пусть растворилось —
наплевать!

А ты его по полотну
лететь заставь,
создай живым —
и я пойму, когда взгляну,
все то, что дальше будет с ним.

Перевел с армянского
Марк СОБОЛЬ

В НИКИТСКОМ САДУ

Ранним утром, когда в Никитском саду еще не слышно голосов экскурсантов и марлевые мешочки на ветвях влажны от росы, в пальмовой аллее появляется статный старик. Опираясь на палку, внимательно оглядываясь, он идет по саду, останавливается, поглаживает мохнатые пальмовые стволы и снова движется по аллее, которую посадил своими руками сорок лет назад.

Это Самойло Аверьянович Козейчук. Скоро минет полвека его работы здесь, в одном из старейших ботанических садов страны, но попрежнему свежа его память. Старый садовник укажет место, где росло первое посаженное им дерево — ива, которую буря сломала; помнит он и Льва Толстого, которого водил по саду, и Максима Горького, и его слова, сказанные на прощанье: «Живи сто лет, старик!»

— Вот я и живу,— говорит садовник.

В Никитском саду работают садовниками сын Самойлы Аверьяновича Тимофей Самойлович и внучка Валентина, учатся здесь в школе правнуки.

Козейчук помнит то время, когда в Никитском ботаническом саду занимались главным образом декоративным садоводством и аллеи были своего рода музеем деревьев и цветов, свезенных сюда со всех концов света. На глазах старого садовника сад превратился в огромную, сложную лабораторию, раскинувшуюся под голубым крымским небом.

Сидя ранним утром на скамейке под пальмами, Самойло Аверьянович то и дело снимает свою соломенную широкополую шляпу, раскланиваясь с научными работниками: селекционерами, физиологами, ботаниками, агротехниками.

На верхней террасе сада, господствуя над необозримой территорией плантаций, питомников, оранжерей, высится уединенный двухэтажный дом, в котором размещаются научные отделы Никитского ботанического сада имени В. М. Молотова. Там идет неустанная работа по созданию новых сортов черешен, вишен, инжира, миндаля, персиков и многих других ценных культур.

Десятилетия упорного, напряженного труда вложены в нежный плод персика, сливы, абрикоса.

В результате многолетней работы заведующему отделом южноплодовых культур И. В. Рябову и его сотрудникам удалось не только создать новые высококачественные отечественные сорта фруктов, но и изменить установленные природой сроки созревания плодов.

В отделе висит диаграмма, где дымчатое цветение деревьев, розовые, пурпурные, золотистые краски обильного урожая выражены сухими линиями чертежа. Эти линии очень красноречивы. Они показывают, что теперь на консервные заводы сырье будет поступать равномерно, без перерывов, с начала июня до октября.

Однако работа Ивана Николаевича Рябова и его сотрудников этим достижением не ограничивается. Они решают сейчас еще одну, не менее важную задачу — передвижку цветения южноплодовых культур на более поздние сроки. Это позволит развивать садоводство в тех районах, где деревья обычно страдают от весенних заморозков.

В Никитском саду выводятся новые сорта субтропических культур: гранатов, хурмы, фисташек, фейхои. Среди всех этих еще недавно экзотических для Крыма растений особое значение имеет маслина. Выведению и промышленному развитию маслины посвятил свою научную работу директор Никитского сада Анатолий Софронович Коверга. Но центр его опытов не только в Крыму, но и за тысячи километров к востоку, в пустынях Туркмении.

Ученого заинтересовала возможность использовать под плантации маслин многие тысячи гектаров пустыни. Коверга побывал в Туркмении, внимательно изучал местные условия и на основании собранных материалов разработал агротехнику неполивной культуры маслины в юго-западной зоне Туркменской ССР.

В начале 1949 года в Никитском саду появились посланцы Абхазии и Аджарии — эвкалипты и цитрусовые растения.

Они проходили в Никитском саду трудный процесс акклиматизации.

В Никитский сад прибыли с Кавказа опытные специалисты-цитрусоводы: Нил Васильевич Рындин, ученики Мичурина Константин Трофимович и Вера Николаевна Клименко. Нил Васильевич высадил в открытый грунт первую привезенную им партию морозостойких гибридов-цитрусов, около сотни саженцев. Но дальнейшая работа едва не была сорвана очень суровой зимой. На новых поселенцев обрушились жестокие морозы и суровые ветры. Только самоотверженные действия всех работников сада спасли растения от гибели.

Теперь никитские цитрусоводы говорят, что зима неожиданно оказалась их союзником: она помогла проверить жизнестойкость кавказских переселенцев в самых суровых условиях.

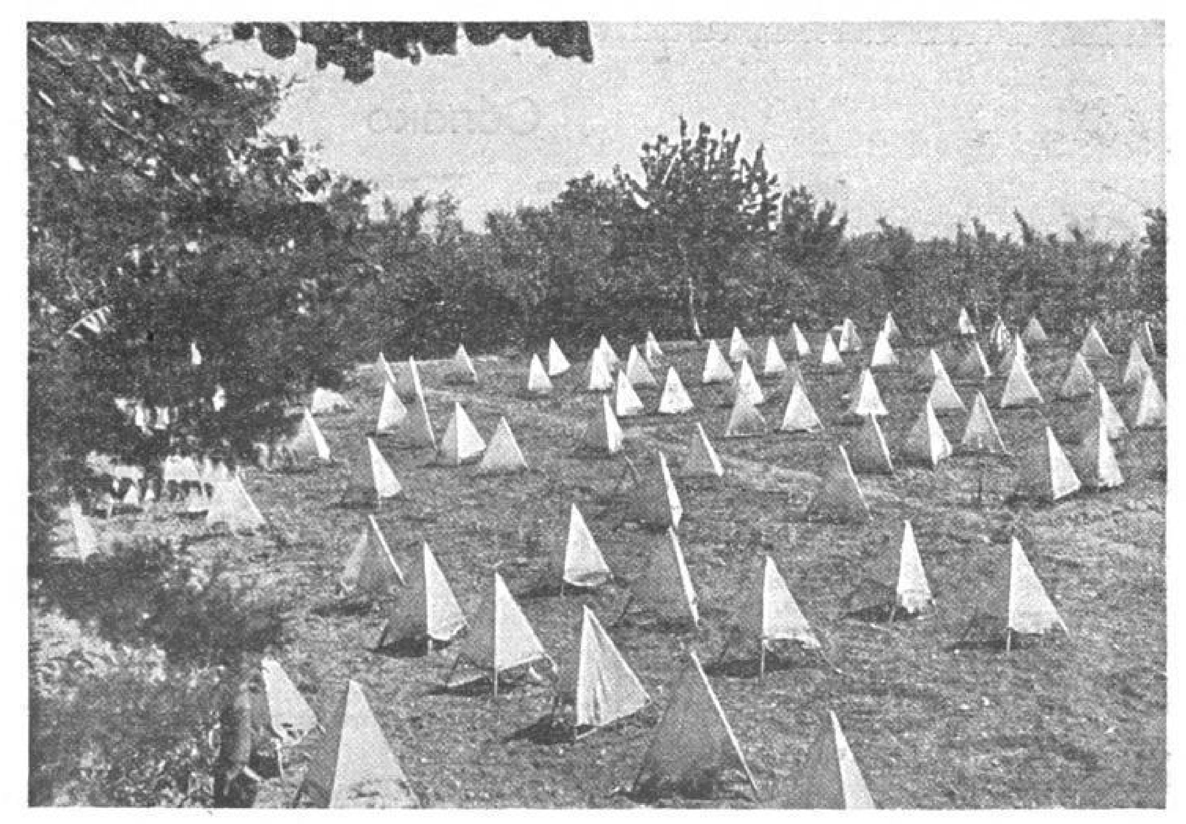
В Никитском саду создана плантация мандаринов, апельсинов и лимонов. Она расположена на мысу, который даже получил название «Цитрусового». Здесь ведется большая работа по созданию крымских сортов этих культур.

Многие поколения русских садовников, ботаников, агрономов создавали и выращивали Никитский сад. Каждое дерево здесь — памятник человеческого труда, неутомимого стремления проникнуть все глубже в тайны природы, чтобы заставить ее служить народу. Но никогда еще за все свои 138 лет существования Никитский ботанический сад не жил такой полной творческой жизнью, не решал таких важных исследовательских задач, как теперь.

Старый сад стал научной лабораторией, где успешно работают советские ученые — последователи Мичурина и Лысенко.

В. ЯКОВЛЕВ

На крымской земле появились уже плантации цитрусов. Молодые растения этого сада-питомника на Южном берегу прошли суровую закалку зимы. Марлевыми палатками заботливо прикрыты побеги.

Семья старейшего садовника Никитского ботанического сада имени Молотова Самойло Аверьяновича Козейчука. Слева направо: его сын Тимофей Самойлович — старший садовник оранжереи, Самойло Аверьянович Козейчук, его правнук Витя и внучка Валентина Филипповна Ардатьева — садовник цитрусового отдела.

Экскурсанты на веранде Никитского сада.

Посадки цитрусов.

В вегетационном домике. Слева направо: младший научный сотрудник Ю. М. Старков, директор Никитского ботанического сада А. С. Коверга, заведующий лабораторией П. Д. Снегирев и ученый секретарь Л. И. Сергеев.

ПЕРЕДОВАЯ ПАВЛОВСКАЯ ФИЗИОЛОГИЯ

Доктор медицинских наук, профессор Д. А. БИРЮКОВ

Созданное Павловым и Мичуриным учение — неотъемлемая часть мировоззрения советского человека. Сила его не только в значимости установленных фактов, но и в ясной, жизнеутверждающей материалистической идеологии. Павловская физиология — одно из воплощений нашего человеколюбия и гуманизма. Вот почему советский народ высоко ценит, бережет учение Павлова и его богатое научное наследие.

Что бы ни делал Павлов, он прежде всего ставил перед собой ясную цель — обеспечить человеку здоровую, счастливую жизнь, бодрое долголетие. Эта черта его учения непримиримо противоположна буржуазной физиологии.

Случилось так, что зарубежная физиология, плененная механистической, идеалистической догмой немецких физиологов М. Ферворна и И. Мюллера, уже в середине прошлого века отказалась от изучения функций человеческого организма. Амеба и человек предстали в глазах физиолога равнозначащими понятиями, а так как экспериментировать с амебой проще и доступней, то проблема жизнедеятельности человеческого организма вовсе ушла из поля зрения исследователей. Только великие русские естествоиспытатели Иван Михайлович Сеченов и Иван Петрович Павлов возвратили физиологии самое правильное и дорогое — необходимость служить человеку.

Павлов — дерзкий новатор и подлинный революционер науки — перестроил физиологию решительно и властно, выдвинув на передний план проблему человеческого организма.

Основной задачей физиолога он считал «указывать клинике и притом деловито, с полной компетенцией, на целесообразный образ действия». «Нужно доказать, что мы овладели процессами и ими командуем»,— добавлял он. Верная дорога, найденная им, повела его к научным открытиям, оценить величие которых мы не всегда еще можем.

Таков, например, предложенный Павловым хронический метод наблюдений. Раньше ученые довольствовались изучением органов; идея целостного организма, действующего в единстве со средой, отбрасывалась, как ненужная. Допавловские приемы несли разрушение и смерть. Животное наркотизировали и, грубо вскрывая внутренние полости, повреждали его органы. При таком положении можно было наблюдать лишь слабые, искаженные отблески жизненного процесса.

Под влиянием материалистической философии А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова Павлов наперекор недоверию коллег начал свои, оригинальные методы исследования. Он создал физиологическую хирургию, сделал ее «методом своего мышления». Обстановка опыта решительно изменилась. Экспериментатор отныне изучал хирургически подготовленное животное в условиях, близких к естественным: наркоз, нанесение ран, потеря крови были изгнаны из лабораторного обихода. Знаменитые павловские фистулы — выведение на поверхность кожи протоков различных желез — сделали доступным наблюдению любые органы.

Впервые были поставлены и разрешены такие насущные вопросы, как влияние приема пищи или питья на кровяное давление, аппетита — на работу пищеварительных желез. Стало ясно, как воздействует на функции организма голодание, насыщение, болезненное состояние, утомление, беременность, эмоции. Этот далеко не полный перечень показывает, насколько продуктивно повели вперед физиологию павловские методы.

Павлов расширил и углубил область наших знаний, посвященную физиологии сердечно-сосудистой системы. Он выдвинул один из важнейших принципов ее работы — саморегуляцию. Павлов убедился, что кровяное давление — не просто показатель, не мерка, а сложный процесс. Внутренние и внешние причины постоянно создают условия, могущие изменить кровяное давление, чему, однако, препятствует саморегуляторная деятельность организма.

Павлов вскрыл механизмы этого основного закона жизнедеятельности. Если в какой-либо области тела возникли условия, влияющие на кровяное давление, центральная нервная система получает соответствующие сигналы, и в ответ поступают импульсы на периферию, к кровеносным сосудам. Эти сосуды тогда расширяются или суживаются, и кровяное давление остается на обычном уровне. Особенно это разительно, когда наблюдаешь за кровопусканием у животного. Кровь покидает тело, и, по физическим законам, ее давление должно падать. Однако приспособительные, саморегуляторные функции центральной нервной системы долго еще удерживают кровяное давление на необходимом уровне.

Памятник И. П. Павлову в г. Рязани.

Естественен вопрос: как осуществляется эта замечательная функция?

Представление о рефлексе, привитое Павлову отцом русской физиологии И. М. Сеченовым, раскрыло сущность этого явления. Стало несомненным, что при потере крови, чрезмерном ее притоке или изменении состава стенки сосудов воспринимают определенные раздражения. Сигналы проникают в центральную нервную систему, откуда уже в обратном — отраженном — направлении как бы идет «команда» изменить просвет сосудов.

Это важное открытие повело к выдвижению новых проблем. Если сосуды воспринимают изменения количества или качества крови, значит, они обладают чувствительностью? Раньше физиология занималась различными органами чувств, например, глазами, ушами. Павлов заинтересовался «органами чувств», расположенными в кровеносных сосудах, во всех внутренних органах вообще. Так возникла проблема, теперь раскрытая советской наукой,— учение об интерорецепторах, то есть чувствительности внутренних органов. В наши дни академик К. М. Быков, ученик великого новатора, глубоко и всесторонне разработал эту область физиологии, имеющую выдающееся значение для медицины и психологии.

Открыв новый нерв, регулирующий работу сердца, И. П. Павлов, анализируя его усиливающее действие, пришел к убеждению, что здесь обнаружилась нетронутая область явлений — влияние центральной нервной системы не на возникновение или прекращение функций, а на их качество. Такое влияние он назвал трофическим. Если оно нарушено, появляется болезненное состояние.

Павлов говорил, что разумеет под понятием «нервизм» влияние центральной нервной системы на весь организм. Он доказал торжество этого принципа блестящими открытиями, совершенными им при изучении пищеварительных органов. После его работы учение о пищеварении приобрело кристальную ясность и играет огромную практическую роль.

В тот же период оформилась гениальная идея Павлова о синтетической физиологии. Мысль о целостности организма, учение о его единстве со средой слились в философско-научное направление, которое определило развитие прогрессивной физиологии и экспериментальной биологии. Идеи, истоки которых восходят к Н. Г. Чернышевскому и которые сделались руководящими для К. А. Тимирязева и И. В. Мичурина, явились фундаментом выдвинутой Павловым теории.

Создав учение о высшей нервной деятельности, Павлов доказал материальность так называемой психической деятельности и навсегда изгнал из физиологии, психологии и философии идеалистические домыслы. Открытые им условные рефлексы не только позволили понять физиологические процессы, которые лежат в основе психических явлений, но и стали безупречным методом для дальнейших, беспредельных исследований высшей нервной деятельности.

Теория условных рефлексов увенчала павловское учение о нервизме. Было доказано, что любое явление внешнего и внутреннего мира может вступить через условный рефлекс во временную связь с любым органом тела, с любой его функцией. Физиологические процессы оказались подчиненными закону условных рефлексов. Стало ясным, что в основе многих болезненных явлений лежат условные, патологические рефлексы. Этим И. П. Павлов сблизил свое учение с непосредственными запросами медицины. Он выступил с предложением развивать экспериментальную терапию, подчеркивая, что медицина и физиология по существу едины.

Выдвинутая им проблема — влияния среды

на функции организма — породнила теорию условных рефлексов с дарвинизмом. Однако Дарвин, дав точное представление о приспособлении животного к окружающей среде, не вскрыл физиологической природы этих явлений.

Это сделала павловская теория. Именно условные рефлексы представляют те реакции организма, с помощью которых животное способно изменять свое отношение к окружающей среде. И. П. Павлов признавал, что некоторые приобретаемые формы условных связей наследуются.

Две линии современной прогрессивной биологии — мичуринское учение и павловская теория — слились воедино, подняв дарвинизм на более высокий творческий этап развития, справедливо называемый советским дарвинизмом.

Павлов указал пути изучения особенностей высшей нервной деятельности человека в учении о второй, как говорил он, сигнальной системе условных рефлексов, которая специфична только для людей и где реальным условным раздражителем является слово. Пополняемое тезисом Павлова «о возделываемости человеческой природы», это учение открыло широкие перспективы исследований не только в области физиологии, но и психологии, педагогики, многочисленных отделов медицины.

Проблемами богатого павловского наследства занималась научная сессия, созванная в Москве Академией наук СССР и Академией медицинских наук СССР. Свыше 1400 ученых, прибывших со всех концов нашей страны, прослушали содержательные, насыщенные фактами доклады академика К. М. Быкова и профессора А. Г. Иванова-Смоленского.

«Советский народ и все передовое человечество,— сказал, открывая сессию, президент Академии наук СССР С. И. Вавилов,— не простят нам, если мы не используем должным образом богатства павловского наследства. В его развитии — опора нашего дальнейшего понимания самых сложных форм жизни и новые перспективы медицины».

Основные докладчики и многие выступавшие в прениях указывали, что развитие павловского учения не получило должного размаха, несмотря на исключительную материальную и моральную поддержку, оказываемую партией, правительством и лично товарищем Сталиным.

Следуя указаниям нашего великого вождя товарища Сталина, сделанным в его работах по вопросам языкознания, участники сессии по-деловому обсуждали вопросы, выдвинутые докладчиками, развернули свободную критику и самокритику, невзирая на авторитеты и «традиции», невзирая на лица.

Всем участникам стало ясно, что некоторые советские физиологи, слепо воспринявшие догму буржуазной физиологии, попали в тупик. В первую очередь это относится к группе физиологов, в свое время объединявшихся Штерн (Кассиль, Хволес, Шатенштейн, Ефимов и др.). Построив гнилую концепцию так называемого кровемозгового барьера, пытаясь упрощенно оценить состояние центральной нервной системы по количественному соотношению отдельных ионов, присутствующих в спинномозговой жидкости, эти исследователи игнорировали павловское учение.

Они защищали неправильное положение, что химические процессы, связанные с головным мозгом, играют главную роль в регуляции функций. Отрицая целостность, нервизм, влияние на организм среды, они довольствовались наблюдениями над изолированными органами или даже «фаршем» из них. Вместе с тем они пытались сделать далеко идущие выводы, касающиеся и основных физиологических состояний центральной нервной системы и многих вопросов патологии.

Антипавловская сущность, ненаучность этих, с позволения сказать, исследований была полностью разоблачена на сессии.

Основные докладчики и многие выступавшие подвергли резкой критике направление работ главы грузинской «школы» физиологов академика И. С. Бериташвили. Отойдя от павловского учения и цепляясь за идеалистические представления, он, по существу, занял враждебные позиции относительно теории условных рефлексов.

Считая, что теория условных рефлексов недостаточна, чтобы объяснить поведение животных, И. С. Бериташвили заявил, что в основу поведения надо положить не условные рефлексы, а «представления», и рассматривал поведение, как особую «психо-нервную деятельность» животного. Эту идеалистическую точку зрения упорно отстаивал на сессии ближайший сотрудник И. С. Бериташвили — профессор Н. Н. Дзидзишвили. Его неудачная попытка свернуть физиологию с павловского пути на реакционную, идеалистическую дорогу встретила резкую отповедь со стороны участников сессии.

Докладчики и выступающие проанализировали многочисленные ошибки академика Л. А. Орбели. Фактически приняв в свои руки основные учреждения, где работал великий ученый, он не сумел направить усилия большого коллектива на глубокое развитие павловского идейного наследия. Основное внимание Л. А. Орбели и его ближайших сотрудников профессоров А. Г. Гинецинского и А. В. Лебединского привлекли вопросы, стоявшие в стороне от главных проблем.

Генетика высшей нервной деятельности, завещанная И. П. Павловым, захирела. Занялись ею формальные генетики, да и сам Л. А. Орбели придерживался их установок. На задний план отошло экспериментальное изучение второй сигнальной системы условных рефлексов человека. Именно эта важнейшая область павловского учения позволяет вскрыть взаимную связь и взаимное влияние человеческого организма и среды, «как общеприродной, так и нашей, социальной», указывал И. П. Павлов.

Значительно ослабла связь научных институтов, возглавляемых Л. А. Орбели, с клиниками, вследствие того, что вопросы патофизиологии высшей нервной деятельности были забыты. Это нанесло значительный ущерб медицине.

И. П. Павлов, последовательный воинствующий материалист, никогда не упускал случая разоблачить всякого рода идеалистические измышления, неустанно боролся с ними. Эту сторону его идейного наследия Л. А. Орбели забросил. Вот почему безнаказанно разгуливали антипавловские теорийки.

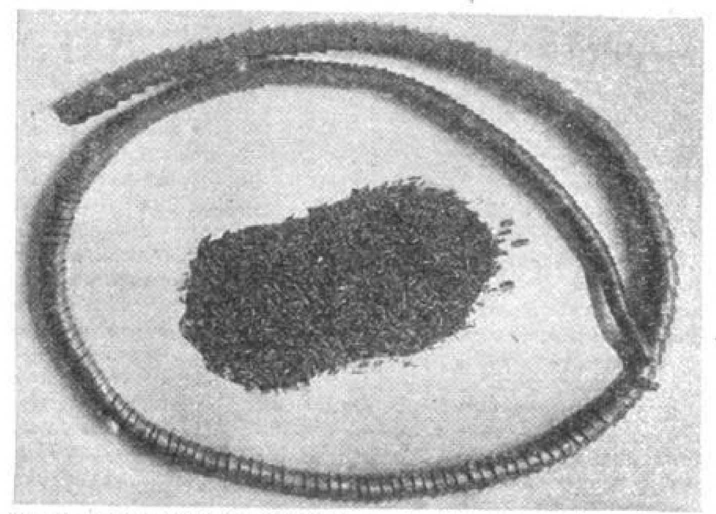
Л. А. Орбели предпочитал идеи своих, как он называл, западноевропейских учителей — Геринга, Ланглея, Гартена. Критическое обсуждение его философских взглядов показало, что он совершал грубые ошибки, выраженные им в оценке субъективного и объективного. Забывая основной тезис материалистического учения Павлова об их слиянии и единстве, Л. А. Орбели считал, что явления внутреннего субъективного мира человека можно изучать только методом субъективных наблюдений.

Только беспечностью и стремлением подравняться под американскую нейрофизиологию можно объяснить серию ошибок, которые были раскрыты на сессии в работах другого ученика Павлова, профессора П. К. Анохина. Именно этим вызваны его попытки ревизии павловского учения и формулирования собственных запутанных и туманных положений.

Не свободен от ряда ошибок и академик А. Д. Сперанский, несмотря на то, что он стремился перенести павловское учение в патологию, использовать его принцип нервизма как надежный фундамент для построения теории медицины. Несколько отойдя от павловского учения, он подменил его конкретный тезис о регулирующем влиянии коры головного мозга собственным неясным понятием о некоей «нервной сети». Это привело к тому, что роль коры головного мозга и блестяще развитое советскими физиологами учение об интерорецепторах долгое время недооценивались А. Д. Сперанским.

Дискуссия показала, что наша страна располагает значительными кадрами научных работников, способных на благо народа творчески развивать и смело внедрять учение И. П. Павлова во все области физиологии, медицины, психологии, в педагогику, гигиену.

Двойник стали

Сверхпрочный чугун пластичен и крепок; стружка вьется, как стальная. В середине — стружка обычного чугуна.

Под микроскопом гладкая чугунная пластинка, протравленная кислотой, неузнаваемо преображается. Поверхность становится похожей на рельефную географическую карту горного района с хребтами и ущельями, прорезанными черными жилами графита. Эти прослойки — самое слабое место чугуна. Он ломается, когда его растягивают, сгибают или скручивают, потому что графит непрочен. Каждому известно, что графит ломается, если посильней нажать карандашом на бумагу.

Из чугуна выжигают нежелательного спутника. В мартеновских печах выгорает значительная часть включений, и хрупкий металл превращается в крепкую эластичную сталь.

Но всегда ли графит приносит вред? Нет, иногда он бывает верным другом. При производстве ковкого чугуна, когда металл почти пять суток нагревают в печи, графит образует шарики. Здесь уже нет слоев, по которым чугун разрушается. Значит, зло не в графите, а в его строении.

Ковкий чугун пластичен, как сталь, но гораздо менее прочен, потому что длительный разогрев ослабляет металл.

Нельзя ли сократить обжиг, заставив графит быстрее складываться в шарики? Тогда чугун будет не только пластичным, но и прочным.

Инженеры-металлурги Б. С. Мильман, А. А. Василенко, Е. П. Унксов, И. О. Цыпин, Ф. Н. Сызранкин, И. Б. Меерович, П. В. Березин, И. С. Григорьев несколько лет работали над этой проблемой, пока, наконец, не нашли способ получения ковкого чугуна, по прочности равного стали. Авторы оригинального метода удостоены высокой награды — Сталинской премии.

Сверхпрочный чугун обладает большими преимуществами — дешевизной и простотой выработки. Его можно производить в обычной вагранке. При падении он не ломается, легко переносит удары молота, скручивается, гнется и растягивается. Металлические мышцы, упираясь в графитовые своды, выдерживают сильные напряжения. Из сверхпрочного чугуна делают части машин. Например, двухтонный коленчатый вал сразу отливают в форме, отходов почти нет. Такой же стальной вал приходится вытачивать из болванки, весящей 9 тонн: 7 тонн металла идет в стружку. Новому виду чугуна принадлежит будущее.

Я. КОРШ

БРИТАНСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ И БОРЬБА ЗА МИР

Вильям ПИРСОН,
генеральный секретарь профсоюза горняков Шотландии

Борьба британского профсоюзного движения за мир имеет большое международное значение. Она исключительно важна и для самих английских рабочих.

Угроза новой, третьей мировой войны резко отрицательно сказывается на заработной плате и всем материальном положении рабочего класса нашей страны. В нынешних условиях, когда тратятся огромные средства на гонку вооружений, не может быть и речи о повышении жизненного уровня трудящихся Великобритании.

Мы живем в такое время, когда цены все время растут, а заработная плата остается на одном и том же уровне. Горняк, который получал в 1947 году 5 фунтов стерлингов в неделю, живет в наши дни на эту заработную плату намного хуже. Политика подготовки войны порождает не только падение реальной заработной платы, но и недостаток жилищ, больниц, амбулаторий и многих других социальных учреждений, которые так нужны стране.

Адвокаты военного курса несут всю полноту ответственности за тяжелое положение рабочего класса. Именно ему, рабочему классу, приходится пожинать плоды этой политики — плоды, надо сказать, весьма горькие.

Подлинный прогресс в стране тормозится тем, что экономика Великобритании прикована к военным планам американского империализма. Для того, чтобы страна двигалась вперед, надо разорвать эту цепь.

За все 40 лет моей работы в рабочем профсоюзном движении я не помню времени, когда это движение так сильно страдало бы от отсутствия хорошего руководства. Никогда еще профсоюзное руководство не доходило до такого жалкого падения, как сейчас, и никогда я не знал руководителей, которые так поливали бы грязью все прогрессивное в профсоюзном движении.

Вот, например, как выражается по адресу движения сторонников мира сэр Вильям Лоутер, председатель национального профсоюза горняков: «Тот, кто имеет дело с этим движением, — глупец, а глупцы рождаются каждую минуту». Сэр Вильям Лоутер забыл, что сам он тоже родился — и, должно быть, именно в эту самую минуту. Выпад сэра Лоутера — яркий пример того, как человек может растерять и забыть то, чему он учился в прошлом. А ведь Лоутер в свое время весьма сочувствовал подобным движениям и не далее как в 1947 году разоблачал еще американский империализм и поддерживал мирную политику Советского Союза...

Другой пример — статья сэра Винсента Тьюсона, генерального секретаря Британского конгресса тред-юнионов, напечатанная в июне этого года. Сэр Винсент заявляет, что движение в защиту мира — это... надувательство. Разумеется, он не приводит в подтверждение ни одного факта. Правда, он пользуется при этом бредовыми «аргументами» тех, кто не в состоянии вообще связать концы с концами. В этом смысле его заявление — своего рода «образец» профсоюзного руководства.

Из статьи Тьюсона получается, что движение за мир — это «заговор», направляемый «из Москвы». Странный язык употребляет сэр Винсент, который сам не прочь слыть «миролюбцем»! Он попросту копирует многих буржуазных наемных писак, которые на всех перекрестках кричат то же самое. Возьмите и сравните статью Тьюсона с любой из последних речей Черчилля, и вы не найдете существенной разницы. Подобные статьи — позор, они недостойны ответственного представителя британского профсоюзного движения. Эта открытая солидарность с поджигателями войны должна насторожить всех деятелей профессионального движения и еще больше усилить нашу борьбу за мир и прогресс.

Низко, крайне низко пали те, кто тормозит участие британских профсоюзов в борьбе за мир и за запрещение атомной бомбы! Вот некоторые примеры.

Шотландское отделение Национального профсоюза горняков внесло резолюцию на обсуждение ежегодной конференции союза в Ллачдудно, состоявшейся в начале июля. Резолюция призывала правительство поддержать через ООН запрещение атомной бомбы и другого оружия, служащего массовому истреблению людей. Следует отметить, что в резолюции не было ни слова, которое осуждало бы одно правительство или одобряло другое.

Джон Вуд, вице-председатель Шотландского отделения Национального союза горняков, привел яркие доводы в защиту резолюции. Он указывал на страшные разрушения, причиненные атомной бомбой в Японии, и говорил о том, какие последствия могло бы это иметь в такой стране, как Англия. Он настоятельно просил конференцию утвердить резолюцию. Один из противников движения за мир спросил: «А кто собирается сбрасывать атомные бомбы?». Вуд тут же ответил: «Америка это уже однажды сделала». Тогда «оппоненты», которые не могли ничем опровергнуть существо резолюции, начали просто поливать сторонников мира грязью и пускать в ход самые нелепые измышления, лишь бы добиться провала резолюции. «Запрещение атомной бомбы — это трюки коммунистов!» — кричали одни. Слушая их, можно было подумать, что бороться за мир — это тягчайшее преступление. «Запрещение атомной бомбы — это политика Коминформа!» — завывали другие. Кричали о «советском империализме», но ни слова не было сказано этими господами об американской интервенции в Корее. Мой ответ на всю эту ложь и бессмыслицу был следующий: «Лучше быть борцами за мир, чем адвокатами войны».

Резолюция была на конференции провалена, но надо сказать, что горняки Шотландии, Уэлса, Кента, Кумберлэнда и Ноттингэма — все стоят за мир; и если бы было проведено голосование среди всех горняков, огромное большинство, безусловно, голосовало бы за эту резолюцию.

Ряд крупных английских тред-юнионов поддерживает запрещение атомной бомбы и борется за сохранение мира: таковы союзы электриков, пожарных, литейщиков, строительных механиков, табачников и других. Сейчас, когда большинство рабочих Англии отвергло замораживание заработной платы, можно быть уверенным, что при боевом руководстве рабочие выскажутся против политики подготовки войны и поддержат требование о запрещении атомной бомбы.

Рабочие все больше начинают понимать, что их борьба за более высокую заработную плату неразрывно связана с борьбой против политики подготовки войны. Они поймут, и уже понимают, что низкие заработки и тяжелые условия быта — это часть той цены, которой мы оплачиваем эту политику. Нельзя одновременно гнать производство пушек и масла. Здесь надо выбирать. И я знаю, что ответ рабочих будет единодушным: «Масло, а не пушки!»

Не так уж много лет тому назад любое выступление против мира в рядах британских профсоюзов встретило бы резкий отпор тех самых лидеров, которые злобно нападают сейчас на движение за мир. Эти лидеры скрывают от масс угрозу атомной войны. И какой только вздор городят эти «вожди» о движении сторонников мира! Свои «доказательства» они словно берут из помойных ям. Разговаривая с народом, они старательно обходят факты и громоздят самые фантастические небылицы. И, чем нелепее выдумка, тем охотнее они пускают ее в ход.

Так, например, они тщатся доказать, что нарушителем мира является Советский Союз и что всякий, кто борется за мир, есть враг своей собственной страны. Я был в Советском Союзе в августе прошлого года и видел прямо противоположное этим утверждениям. Таков же вывод, к которому пришли пять других членов делегации шотландских горняков. В нашем печатном отчете мы заявили: «Делегация убеждена, что Советский Союз не хочет войны, а желает жить в мире и восстанавливать то, что разрушено войной». Таково было твердое убеждение нашей делегации, и ничто не может поколебать этого убеждения.

Один из делегатов, Хью Геддас, член лейбористской партии, заявил в своем выступлении по радио из Москвы: «Мы должны ответить поджигателям войны укреплением дружбы с советским народом, как мы это и сделали, приехав в Советский Союз. В этом я вижу фундамент длительного мира».

Другой делегат, Джон Маклин, сказал: «Вопреки тому, что мне не раз говорили, я нашел в Советском Союзе свободный народ, пользующийся всеми благами демократии и желающий только одного: сохранить мир и жить в дружбе со всеми другими народами».

Я убежден, что эти заявления выражают подлинные чувства и желания подавляющего большинства членов профсоюзов в Англии.

Конгресс профсоюзов Шотландии, представляющий 700 тысяч членов профсоюзов, принял резолюцию, призывающую к миру и запрещению атомного оружия. Правда, Генеральный совет конгресса пытался аннулировать эту резолюцию, запретив членам профсоюзов участвовать в движении в защиту мира. Однако ничто не может изменить того факта, что шотландские профсоюзы против войны и за запрещение атомного оружия. Профсоюзное движение в Англии старо годами и опытом, оно должно стать молодым в своей решимости и действенности, когда решается вопрос: война или мир.

Время не ждет. Мы не можем позволить себе сидеть и ждать, ибо заговорщики против мира день и ночь готовят величайшее бедствие всех времен, бедствие, которое прежде всего поразит трудящихся. Ни в коем случае наше рабочее движение не может допустить, чтобы его сделали орудием политики Черчилля и войны. Мы не можем поддерживать политику правительства, которая может привести нас к великой катастрофе.

Рабочие помнят о Хиросиме! Они помнят смерть и разрушения, которые были причинены там. И они знают, что враги мира готовят бомбы, обладающие еще большей разрушительной силой. Если мы хотим избежать этого ужаса, мы должны стремиться к тому, чтобы убедить все профсоюзное движение в правоте дела борьбы за мир.

Надо приложить все усилия к тому, чтобы британские профсоюзы вернулись в ряды Всемирной федерации профсоюзов — этого подлинно мирового объединения рабочих. Всемирная федерация профсоюзов ведет борьбу за мир, и она должна быть поддержана в этом всеми возможными средствами. Единство рабочего класса всех стран мира — таков путь предотвращения войны, голода и вырождения.

Профсоюзы были созданы для того, чтобы защищать жизненные интересы народа. Противодействуя планам поджигателей войны, преследующих только цели разрушения, можно добиться и лучших жизненных условий для трудящегося народа.

Профсоюзы создавались у нас такими зачинателями рабочего движения, как Бен Тиллет, Том Манн и Боб Смилли, не для того, чтобы помогать империалистам в их политике разбоя и эксплуатации.

Борьба за мир должна еще более расшириться в предстоящие месяцы, и все должно быть сделано для того, чтобы сомкнуть британское профсоюзное движение с общим фронтом мира и прогресса.

Перевод с английского
Л. ВЕТРОВА

Андре СТИЛЬ

Рисунки О. Верейского

Андре Стилю 29 лет. Сын кустаря-ремесленника, он провел детство на севере Франции, в шахтерском поселке. В этом же районе прошла его юность, здесь же по окончании среднего учебного заведения он был некоторое время учителем начальной школы, здесь же он примкнул к движению Сопротивления и вступил в коммунистическую партию.

После войны он стал корреспондентом газеты «Се суар». Рукопись своих первых рассказов он послал на отзыв Луи Арагону. Вместо отзыва Арагон через месяц прислал Стилю корректурные листы его книги «Слово «горняк», товарищи .» Эта книга имела большой успех у читателей и критики, и Стиля стали называть «надеждой французской литературы».

Отличный знаток рабочей жизни, Стиль и после своего успеха не порвал связей ни с рабочей средой, ни с журналистикой. Он вел партийную работу, все плодотворнее сотрудничал в «Се суар», принял горячее участие в движении сторонников мира. На последнем съезде коммунистической партии Франции два писателя были избраны в состав ЦК: Арагон и Стиль. Совсем недавно Стиль стал одним из редакторов «Юманите».

Рассказ «Стальной цветок» входит во вторую книгу Стиля — «Сена» выходит в море и шесть других рассказов в защиту мира». Это название само говорит о том, в чем видит свою писательскую задачу автор Действие его новых рассказов протекает снова на севере Франции, в рабочих районах; герои этих рассказов — шахтеры, ткачи, мелкие кустари. Как и «Стальной цветок», рассказы посвящены судьбе и борьбе рабочего класса, борьбе повседневной, упорной, лишенной внешней пышности, но подлинно героической, всенародной, неизменно возглавляемой коммунистической партией. В «Стальном цветке» читатель увидит, на какие жертвы способен рабочий класс в борьбе за мир и как отвечает всенародной воле лозунг, провозглашенный Морисом Торезом: «Народ Франции не будет, никогда не будет воевать против Советского Союза!»

Даже мелкие буржуа, подобно хозяину мастерской, в которой должен был быть изготовлен «стальной цветок», в конце концов должны считаться с волей трудового народа.

О. САВИЧ

СТАЛЬНОЙ ЦВЕТОК

Рассказ

Как хорошо, что снова есть работа!

Все шестеро встретились во дворе, между двумя клумбами, которые начинают покрываться цветами. Сильный ветер треплет надвинутые на глаза каскетки и береты. Здороваясь, товарищи с любопытством рассматривают друг друга. Сколько за две недели передумано! Сейчас каждый вглядывается в лица товарищей, стараясь понять, что они пережили за это время.

Старик Леон говорит полушутливо, полусерьезно:

— Пахнет затхлым!

Труднее обычного открывается железная дверь. Леон нажимает на нее плечом. Проклятый ветер врывается вместе с ним в холодную мастерскую и гонит по широким черным плитам тонкую ржавую стружку.

— Скорее! Она сейчас захлопнется!

Прежде чем переодеться, они переступают железный порог, входят в мастерскую и смотрят, нет ли каких перемен.

— Надо бы пройтись тряпкой,— говорит один из рабочих, пальцем снимая с ремня ржавую пыль, покрывающую все вокруг.

— Не волнуйся, он все выметет, а заодно и прочистит нам уши...

Да, ветер действительно буйствует. Маленькая примитивная мастерская построена из гофрированного железа. Длинные матовые стекла перечерчены проволокой. Замазка большей частью отлетела, а вокруг заклепок на стенах образовались ржавые дыры. Похоже на то, что это сооружение поддерживают сквозняки. Все дрожит, свистит, поет. Тихонько, с любопытством школьников, возвращающихся в класс после каникул, входят рабочие в мастерскую. Странные, конечно, каникулы... Ветер стучит железом — так в театрах изображают гром.

— Юпитер-громовержец! — говорит Тонтон, ученик, работающий только по четвергам (в другие дни недели он ходит в школу). Сегодня как раз четверг.

— Ну что, сам ты Юпитер! — говорит старик Боннэр, поднимая на лоб, чтобы лучше видеть, свои железные очки с потрескавшимися стеклами и перевязанными дужками.

Он переступает с ноги на ногу: ветер задувает под его веревочные подошвы песчинки, древесные и железные стружки, бумажный мусор, листья, засохшие веточки из хозяйского сада. Впечатление такое, будто мастерская стоит на сваях из ветра. Ржавчина проела полоску вокруг всей мастерской на уровне пола. Сквозь эту полоску пробивается дневной свет. Каркас напоминает колокол или капюшон, которым накрыли рабочих, станки, старые машины. Ветер разгуливает здесь, как у себя дома. Ногам всегда холодно, как будто стоишь в воде.

— Ничего себе продувает, а, Боннэр?

Попрежнему среди всего этого стоит древняя, вся во вмятинах печь — настоящий рекламный щит. Ничего нет холоднее потухшей печи в прохладный день. А нельзя сказать, чтобы в апреле выдалась погода... На полу извивается кочерга, похожая на мертвую змею: хитрый на выдумку Боннэр вбил в нее медный гвоздь вместо глаза. Все то, что две недели тому назад, перед уходом, было написано зеленым мелом на шатающейся трубе — она, несмотря на ветер, не падает и доходит до крыши,— все это сохранилось: рожа Блюма с усами в форме шляпы и со шляпой в форме усов; сердце, пронзенное стрелой,— повидимому, работа Тонтона; нарисованные на этом сердце серп и молот; надписи «Вперед, Лилль!» и «Собрание завтра», а когда завтра,— неизвестно, и под ними перевязанные обрывком бумажной веревки, порыжевшие от огня, в котором перед уходом жгли стружки и мусор, старая, тоже порыжевшая статья да уморительный рисунок из «В. У.» [1]. Все это устарело и вызывает удивление рабочих. До чего же быстро все меняется сейчас, особенно после двухнедельной безработицы!

Когда сюда спускается хозяин, он с удивлением поглядывает на всю эту выставку, но никогда ничего не говорит. Печь как будто бы больше принадлежит им, чем ему. Хозяин промолчал и тогда, когда они написали специально для него: «Да наши 25 процентов...»; чтобы прочесть дальше, ему пришлось обогнуть трубу: «...мы их добьемся!»

Чугунную крышку, расколотую пополам и скрепленную толстой проволокой, приподнимает Габриэль. У холодной золы очень неприятный запах. Печь напоминает огромную потухшую трубку... Полное запустение. Ветер засыпает им лицо и глаза облаком колющего старого, белого пепла. Габриэль поспешно захлопывает крышку.

Три недели тому назад Богар, хозяин мастерской, вызвал рабочих к себе в кабинет. Они отправились все вшестером. В кабинете был и Жирарден, шофер, который то развозит на грузовичке небольшие заказы, то ведет легковую машину Богара, когда тому надо в дороге с кем-нибудь побеседовать, а сидя у руля, он не смог бы этого сделать.

В кабинете рабочих ожидал поднос с аперитивами, за подносом уже сидел хозяин. В такой момент аперитивы! Весь Богар сказывался в этом. Ведь рабочие уже догадывались, что́, собственно, он собирается объязить им!

Случалось даже, что он приглашал то одного, то другого рабочего к себе домой выпить рюмочку или на воскресный обед. «У нас,— говорит он,— не так, как на крупных заводах. У нас все по-семейному». Несмотря на то, что все в таких случаях чувствовали себя стесненно, не в своей тарелке, никто не решался отказаться от приглашения, за исключением Жака, коммуниста, секретаря профсоюзного городского комитета в Туркуане. Непринужденности не могло быть: хозяин остается

[1] «Ви уврнер» — «Рабочая жизнь», газета Всеобщей конфедерации труда.

хозяином, и, как ни старайся, этого не забудешь. Может быть, все, что подавала молоденькая прислуга-полька в белом передничке, и очень вкусно, но нельзя отделаться от чувства, что это подачка, и разговор не клеился. Чтобы чем-нибудь заняться во время пауз, возникавших между блюдами, приглашенный не без интереса поглядывал по сторонам, стараясь в то же время не казаться слишком любопытным. По своему отражению в большом зеркале над белым мраморным камином он понимал, как неуклюже выглядит. Нелепо было и то, что тебе подает девушка, которая, быть может, и образованнее и богаче тебя. И все время хотелось сказать ей: «Не надо, не беспокойтесь!»

— На сей раз конец: все заказы иссякли,— сказал Богар.

Потом пошли слова о том, чего это ему стоит. Может быть, он говорил и искренно, но плевать им на его искренность. От этого ничего не меняется. Каждому в голову лезли мысли о жене, о том, как ей сказать. Это не первое предупреждение. В течение последнего полугода работы бывало только на месяц. Один раз — всего на две недели, но потом поступил заказ, и мастерская продолжала работать. Женам рабочие ничего не рассказывали. Но в этот раз работы осталось всего на неделю. Да, не жирно. И аперитив, этот идиотский аперитив, казался безвкусной водой. Что можно ему ответить? Он говорит, что он не при чем, что... Словом, он чувствует себя вынужденным приносить извинения! И поэтому выглядит виноватым. Рабочие смотрят через окно кабинета на крыши Туркуана. Дом стоит на горке: видны заводы, канал, вокзал... Сегодня один из тех пасмурных дней, когда кажется, что нет неба. Серый дым, грязное и горячее дыхание прядильных фабрик — все это не может создать неба, в особенности, когда знаешь, что на многих заводах, как и здесь, только видимость работы... Разве имеют смысл слова: «...нет неба, в особенности, когда...»? А безработица — разве это не бессмыслица?

Затем для всех наступили две недели без дела. Но об этом теперь не стóит говорить. Поставим крест. Раз все кончилось... Сегодня, совершенно неожиданно, начинается месяц работы!

Снаружи доносится грохот падающего железа и дребезжание звонков: ветер свалил один велосипед, и за ним покатились все остальные.

— Это мой,— говорит Поло. Он узнал его по надтреснутой деревянной ручке руля.

— Эй ты, Юпитер! Сходи подбери их!

Тонтон делает вид, что это не относится к нему. Ему совершенно не хочется, чтобы кличка осталась за ним.

Рабочие снова открывают железную дверь и, борясь с невероятным сквозняком, выходят во двор.

— С дней войны не было такой бури!

Ветер забивается в карманы, надувает рукава, как у пугал, толкает, подбрасывает, раскачивает из стороны в сторону, и кажется, что рабочие, поднимая велосипеды, чтобы поставить их в чулан, танцуют какой-то причудливый танец...

Этот чулан выходит в запущенный коридор, ведущий в хозяйскую квартиру и даже составляющий часть этой квартиры. При входе в коридор стоит шкаф для рабочих. «По-семейному»,— как сказал бы Богар. Сюда все они засовывают свои рабочие блузы, береты, а те, кто, уходя, надевают ботинки, складывают сюда и тапочки. Здесь лежит и их общее хозяйство: колода карт, три игральные кости, фишки и распавшаяся на три части грязная, пропитанная смазочным маслом и на редкость зачитанная книга с заголовком «Большой заговор против...», остальное оторвано. В течение рабочего дня дверь остается открытой. Рабочие заходят сюда, когда им вздумается. Закрывается дверь только вечером, и кто-нибудь, уходя, кладет в карман ключ, а Жирарден запирает тяжелые ворота на хозяйском дворе.

* * *

Напротив шкафа — натертая до блеска лестница с медным шаром у начала перил; она ведет в кабинет хозяина. Жак поднимается по ней, но задерживается, прежде чем постучаться.

В его обращении к хозяину чувствуется какая-то неуверенность. Так, когда он его называет «месье Богар», ему кажется, что это слишком пышно, но он не может сказать коротко: «Богар» или «месье Люсьен»,— и ему не нравится, что хозяин называет его просто Жаком.

В тот знаменательный вечер с аперитивами Богар попросил его остаться после других. Жак не знал, как поступить, и посоветовался с Боннэром.

— А кто его знает? Может, о безработице, может, о профсоюзе,— ответил старик.— Останься, увидишь...

У Богара не оказалось никакого определенного дела.

— Жак, вы не знаете, что можно придумать, чтобы выйти из этого положения?

Знает ли Жак? Конечно, знает. Но это слишком долго объяснять. К тому же такие вещи не делаются в пять минут, да и зависят не только от них обоих. И потом... потом у него в этот вечер не было никакого желания вести политические разговоры. Правда, создавалось впечатление, будто хозяин говорит не так, как обычно, ему явно неприятно закрывать свою лавочку, и он ищет поддержки. Но разве можно доверять этому? Разве можно полагаться на подобные впечатления? Жак в ответ пожал плечами, засунул руку в карман и, повернувшись спиной к Богару, стал рассматривать в большое окно Туркуан, как бы обдумывая ответ.

— Знаете, Жак, для меня это тоже тяжелый удар.

— Не может быть никакого сравнения! — раздраженно бросил Жак.

— Конечно... Но у меня создалось впечатление, что вы злитесь на меня, как будто я виноват в случившемся... Будь у меня фабрика с пятьюдесятью рабочими...

Вечно он со своим коньком: «Я маленький хозяин, у меня не то, что у других!» Ладно, все это так. Ну и что дальше? Небось, когда они предъявляют ему свои требования, он такой же, как и другие! Никогда еще добровольно ни в чем не уступал. Вечно нужно спорить, объявлять забастовку. Правда, он не долго сопротивляется, но по доброй ли это воле или потому, что он иначе не может поступить? А его приглашения к обеду, а аперитивы, а всякие фокусы с празднованием годовщины фабрики или дня святого Элуа и все остальные номера? Разве это не штуки? Во всяком случае, одна из таких штук — это прошлогодняя поездка к Туке, когда Богар повез их на так называемое «моральное перевооружение»; хозяева и рабочие вместе обедали, и им преподнесли лекции о примирении капитала с трудом да американскую пьесу «Форгет Фактор» или что-то в этом роде, нечто до крайности антикоммунистическое. Увидев, что рабочие возмущены, Богар стал уверять, что он этого не знал, что просто хотел повезти их к морю и т. д. Но дело было сделано.

Богар сел за стол перед пустыми стаканами из-под аперитива.

— Во всяком случае, месье Богар, расплачиваемся всегда мы.

И Жак вышел, стукнув сильно дверью.

Этого он не хотел.

В течение двух недель, пока он ходил в поисках работы с предприятия на предприятие, он несколько раз вспоминал об этом разговоре. Не так уж все просто обстоит и с профсоюзными и с партийными делами в мастерской, где всего шесть рабочих. Дело даже не в том, что точно думает Богар и поступает ли он искренно или из денежных интересов, а главное в том, как вести себя по отношению к нему. Бороться за заработную плату и за все остальное гораздо легче на крупном заводе. Там видна линия фронта. А тут Богар бывал врагом, а мог стать и союзником. Жак вступил в партию только после освобождения. Ему всего двадцать пять лет. Ему поручили ответственную работу со словами: «Если гордишься доверием, то будь его достоин! А если еще не гордишься, так научишься!» Конечно, он горд, но это не разрешает всех вопросов. Пойди пойми, когда ты слишком уступчив и можешь скомпрометировать этим себя, партию? Когда ты слишком резок, вместо того чтобы спорить, убеждать? Где граница? С таким человеком, как Богар, нелегко...

Не говоря уж о том, как трудно в повседневных отношениях. Вот сижу я сейчас у него в кабинете. Слышно пианино... Играет его дочь. Она одного со мной возраста. Красивее она Жаннеты, когда та нарядная, или нет? У этой всегда нарядный вид, надо отдать ей справедливость... Скорее всего, не такая красивая, как Жаннета... Ладно. Даже, когда ты только что узнал, что остался без работы, нельзя на нее злиться за то, что она играет... Тем более что она всегда так приветливо улыбается. Кто знает?.. В партии есть студенты и побогаче ее. Например, Портье в Лилле...

А вот в прошлом году на Лилльской ярмарке, когда Жак стоял и рассматривал выставленную новую модель токарного станка... Он любит машины. Это был великолепный, мощный и точный агрегат. Казалось, что станок действует без человеческой помощи. Вот бы нам такой! Ему захотелось толкнуть локтем соседа, так просто, чтобы сообща насладиться. Любуются машиной наверняка одни металлисты! Он посмотрел на этого соседа... Вот так встреча!

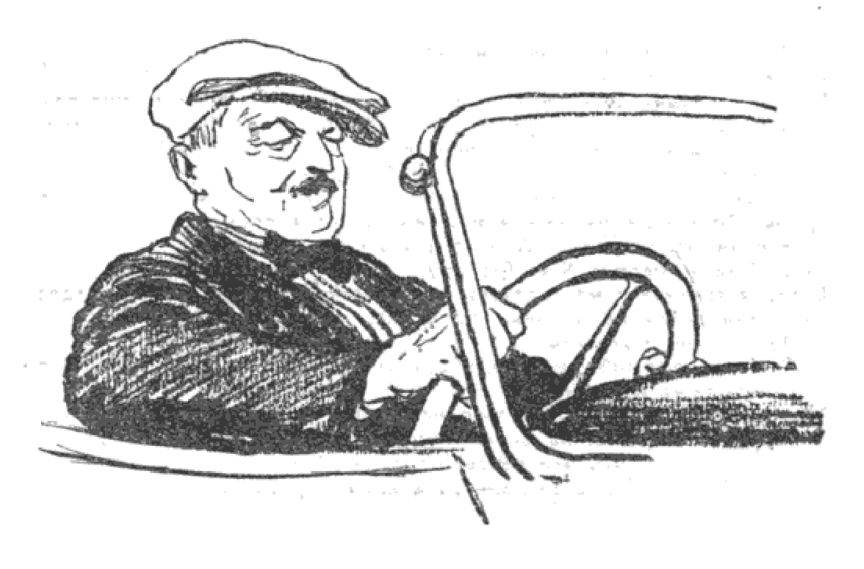
— Вас это тоже интересует?

Богар предложил отвезти его в Туркуан на машине. Но Жак под каким-то предлогом отказался и вернулся через Монжи.

А сегодня, когда хозяин резко затормозил у дома Жака и, разбрасывая во все стороны мусор, побежал по грязному дворику, пролез в дверь и, задыхаясь, крикнул: «Я достал работу! Предупреди товарищей, пускай перестанут бегать по другим фабрикам!»,— казалось, что он искренно рад. Но так ли это? И был ли он рад за них или за себя?

Когда Богар бежал по двору, он попал в лужу. Теперь каждый раз на поворотах, когда он нажимает или отпускает акселератор, его ботинок чавкает. А сколько поворотов при выезде из Туркуана на Лилль!.. Он вспоминает дворик, посредине водопроводную колонку с вечно повисшей на носу каплей, кран закутан в тряпье: только что кончилась зима. Как темно в доме Жака... Когда Богар сунул туда голову, чтобы прокричать приятное известие, там было темно и прохладно, как в погребе! Стоял круглый стол с неточно пригнанными досками и черными следами от стаканов. Соломенное кресло, которое приняло форму тела Пепера — отца Жака. Богар его хорошо знал, будучи еще ребенком. Пепер уже работал в мастерской его отца, тогда она была еще меньше: всего четыре рабочих. Во время обеденного перерыва Пепер сажал Богара к себе на колени и давал ему одну за другой ягоды черной смородины, покалывающие нёбо и язык... Пепер долго болел и умер чуть ли не в этом кресле... В комнате стоит еще этажерка с книгами и брошюрами. Книги... Он безумец! Да одна еще лежала открытой на круглом столе! В таком месте — книги! Безумие! Какие же книги?..

Проезжая на большой скорости по мосту при выезде из Туркуана, Богар вспоминал дворик, все, что он на ходу успел в нем заметить,

и одновременно свой разговор с Жаком две недели тому назад. Конечно, сравнения быть не может: они лишились работы, а у него закрыта фабрика. Но все-таки жизнь остается жизнью и привычки привычками. Это ясно... Для него это тоже было тяжелым ударом... Надо следить за дорогой, и это освобождает его от обязанности последовательно мыслить. Тем лучше. От этих мыслей ему становится почти страшно, почти стыдно. Они где-то затаились в глубине...

Через год Ренэ кончит. Даже если все пойдет наихудшим образом, он успеет ей купить кабинет... с его связями в суде... Она пробьется. Без блеска скорее всего, но все-таки пробьется... А он, в худшем случае... Терьез уже предложил ему помочь, предложил купить мастерскую. У Терьеза рядом завод... А дом?.. Вот еще вопрос с домом...

Что касается остального, он все-таки инженер! С его связями... Он несколько раз повторяет это, как бы стараясь себя убедить. Но все же это не кажется ему убедительным... Снова работать на других! Это ему совершенно не улыбается.

А если будет еще хуже... если все, что составляет его жизнь с тех пор, как умерла жена, во время летних каникул 1938 года, сидя в такой же машине, когда они проезжали по мосту, в очень ветреный день; аперитив в кафе «Жан», «Дунайский клуб», Жози, которая так чудесно заменяет жену. Жена и не может быть такой красивой... Ведь это — ее единственное занятие... Она слишком красива, чтобы принадлежать ему одному... Безработица... Для Жози безработица не существует... А ежемесячные поездки в Париж, а песенки, которые он там слушает об этих идиотах из правительства и из парламента... обо всех этих идиотах... тра-ля-ля... приятно слушать правду... тра-ля-ля-ля...

Заказ был быстро оформлен. Впервые его не заставили ждать. До чего все надменны на этих крупных предприятиях! Кажется, что они хотят сказать: вам предлагают выполнить заказ, но мы можем обратиться и к другим. Мастерских, которые берутся за него, десятки и сотни. Так что держись... Стоя на плотном сером ковре, Богар слышал, что промокший ботинок продолжает чавкать. Машинально он шевелил пальцами ноги. В общем он нервничал. Наконец бумаги с заказом на руках. Богар спешит уехать, как бы боясь, что их у него отнимут.

— До скорого, господин директор. Что-то вас не видно в кафе «Жан»?

— Там очень много набивается народа, дорогой мой.

— До свидания, господин директор. До свидания!

Сколько денег выброшено здесь во дворе на засыпку гравием... Из-за дождей трудно ехать... достается же моему мотору! Уф! Наконец-то шоссе!

«Южиперваль»... Что-то знакомое. «Южиперваль»... Да, явно знакомое. Где-то я видел эту сталь... да, где-то, тра-ля-ля-ля...

Ладно, посмотрим, когда нам привезут ее! Странно, все-таки странно... «Южиперваль» звучит, как магическое слово, как каббалистическая формула... Что-то от дурного гения, от колдовства. Даже удивительно... Может быть, из-за засекреченности...

Маленький цилиндр... маленькая пластинка... специальная сталь...

— Дело идет о двух совершенно разных деталях, месье Богар... Мы сами не знаем, для чего они предназначены...

И все с тем же видом: хотите — берите, не хотите — не надо.

Секрет производства. Не так уж это редко...

Что-то ему мешает там, где карман. Так бывает, когда имеешь при себе слишком много денег. Это чувство неудобства исходит от сложенных бумаг с чертежами непонятных деталей. Они давят, как будто они уже из стали.

«Южиперваль».

Напоминает мои детские книги. Сезам, откройся... Зачарованный лес... У меня тогда были голубые глаза. Говорят, что глаза редко меняют окраску. Я читал, лежа на толстом ковре... Но все-таки предпочитал конструктор... Да, конструктор!..

* * *

Их это тоже мучает... Это и ветер... Ветер, пронизывающий уши и мозги. Чувствуешь себя неустойчивым, как свечка.

Через полчаса работы мастерская уже прогрелась. Пуская в ход токарные станки, социалист Гаспар, с вечно завязанным вокруг шеи, как лассо, черным толстым шарфом, и Жак волновались: все ли в порядке? Такое же чувство бывает, когда после многолетнего перерыва снова ныряешь в воду. Станки работают! Потом были пущены в ход оба пресса, которые начали жевать свою еду, вернее, прожевывать, как полусонные животные. «Юпитер» работал напильником и напевал, заполняя время от времени и оглядывая свою работу.

— Что ты там ни говори,— сказал старик Боннэр,— не люблю я не знать, что делаю!

— Во всяком случае, сталь мировая!

— На что это похоже?

Гаспар, закончивший первый цилиндр, вытирает руки и тщательно протирает деталь, как бы наводя блеск. Тяжелую, пропитанную маслом тряпку он кладет на холодную печь рядом с собой, ногой откидывает в сторону стальные стружки с тем, чтобы освободить место для законченных деталей. Он цепко обхватывает цилиндр и вертит его во все стороны. Товарищи окружили его. Им хочется посмотреть, взять деталь в руки, взвесить ее... Для чего это может служить?

— Дай-ка,— говорит Жак Гаспару.

Ветер встряхивает мастерскую, как палатку. Голубые лампы медленно раскачиваются на длинных проводах.

— Так можно и улететь!

— Тонтон, черт тебя побери, убери свой шарф! Чуть не попал в ремень. Отойди-ка от станка!

Тонтон смотрит на вертикально натянутый ремень, который вертится и, когда шов попадает на блок, хлопает — раз внизу, раз наверху.

— Не понимаю, что это такое,— говорит Жак, тихонько поглаживая пальцем отверстие для винта.— Во всяком случае, пойду покажу ему.

* * *

Богар звонит по телефону.

Увидев Жака с деталью в руках, он прикрывает аппарат ладонью.

— А! Ладно...— и знаком показывает, чтобы Жак положил цилиндр на стол, смягчая улыбкой слишком повелительный жест.

Жак поворачивается, чтобы уйти. Богар снова прикрывает аппарат рукой и спрашивает:

— А пластинки?

Жак жестом объясняет, что сейчас принесет их.

Богар вешает трубку.

Жак уходит.

Теперь, в свою очередь, Богар берет в руки тяжелый цилиндр. «Южиперваль»... Уже два дня, как он думает об этом «Южипервале». И вот сегодня утром, проснувшись, он совершенно необъяснимым образом неожиданно вспомнил... В 1939 или 1938 году он уже работал с этой сталью. Но вспомнить, что он из нее делал, невозможно. Потом придет. А пока что странное слово продолжает вертеться в голове и не дает ни о чем другом думать. Оно сверлит мозг... Для чего же нужен этот цилиндр? Богар проводит пальцем вокруг отверстия с нарезкой.

Он кладет цилиндр на кучу бумаг и думает о другом. Он вспоминает каникулы — не с умершей Мари, а с Жози — в прошлом году, в Туке, куда он повез своих рабочих потому, что ему предложили для них дешевые места в автобусе Терьеза. Жози не любит воду, морскую воду, но зато любит песок. Она кажется созданной для того, чтобы лежать на песке и улыбаться, улыбаться среди песка и солнца.

Машинально карандашом он рисует на бюваре один цилиндр, второй, третий и разбросанные пластинки... Бювар — это пляж. Бювар — это песок, бювар рядом с чернилами, как песок у моря... Маленькие пластинки похожи на крылья, как лепестки цветка, а цилиндр может быть... да, один, два, три, четыре лепестка вокруг цилиндра. Красивый цветок, прекрасный стальной цветок, можно преподнести его Жози...

Открывается дверь. Жак принес первые пластинки. Так вот они! Он кладет их на стол и рассматривает: странные вещички.

* * *

Плюнуть на это! Не портить те четверть часа, которые Жак проводит с Жаннетой, не портить!..

И так уже с Жаннетой не все просто. Если б она жила в Туркуане! Но она каждое утро приезжает из Сен-ле-Нобля, возле Дуэ, в тридцати километрах отсюда... Автобус прибывает как раз к началу работы и уходит сейчас же после конца смены. Туркуан она видит только во время обеденного перерыва. Единственный раз, когда на прядильной фабрике объявили забастовку, Жаку удалось побыть с Жаннетой подольше и познакомить ее со своей матерью.

При встречах они всегда ждут той минуты, когда сирена огромной прядильной фабрики, где работает Жаннета, обволакивает весь город своим воем, как густой сетью. Все время, пока они гуляют вдоль канала, они ждут сирену.

Жак и Жаннета встретились совершенно случайно. За две недели до забастовки на прядильной фабрике Жаку предстояло выступить перед работницами после конца смены. Нелегкое это дело... Всегда страшновато и знобит даже в очень жаркий день, когда приближается момент выступления! И хотя Жак выступал далеко не в первый раз, он все же нервничал, как заметили товарищи в маленьком кафе, где он ждал звонка, который раздается в коридорах за несколько минут до сирены. Одинокий и странный, как всякая вещь не на своем месте, стоял перед фабричными воротами взятый в кафе стул, на котором Жак должен был выступать.

Лишь бы не подъехала в это время машина... Но вот раздался звонок! Жак немедленно влез на неустойчивый стул. Страха как не бывало. Здесь не до записок, как во время выступлений в зале. Нужно говорить напрямик и успеть все сказать за пять минут, иначе все разойдутся, а самое важное — в конце. С девушками гораздо труднее, чем с рабочими. Те интересуются, останавливаются. А среди девушек многим по четырнадцать, пятнадцать лет. Они хихикают, подталкивают друг друга локтем, держат друг дружку под руку, делая вид, что удерживаются от смеха... Разглядывают: что это за тип влез на стул посредине улицы? Потом убегают... В автобусе мало мест... а проделать тридцать километров стоя нелегко! Вот заведены моторы, надо их перекричать... Только те, кто постарше, да несколько рабочих с фабрики останавливаются и слушают. Жаннета дослушала до конца. Один бог знает, насколько в подобные минуты он был далек от мысли о любви! А всетаки потом, когда он узнал, что Жаннета немного занимается профсоюзной работой, он был рад. Они встретились снова. У нее хорошо подвешен язык, и во время поездки в автобусе она не умолкает. Товарки слушают ее.

Некоторое время они идут рядом вдоль канала, изрытого беспорядочными черными волнами. Ветер гонит воду то в одну сторону, то в другую. Хотя дождя и не было, речники сушат свои кожанки, промокшие от брызг. Левой рукой Жак ведет велосипед, который ему одолжил Поло, чтобы он смог сюда добраться. Велосипед подпрыгивает на старой мостовой, и время от времени треснувшая деревянная ручка руля прищемляет Жаку руку. Жак и Жаннета останавливаются за углом фабричной стены; здесь они защищены от ветра и можно отдышаться. Такая погода, как сегодня, одновременно раздражает и вызывает желание смеяться. Невозможно вымолвить ни слова.

— Единственный выход, Жак,— это пожениться!

Конечно, при существующих условиях даже охота целоваться пропадет... Все четыре месяца знакомства они видятся по четверть часа в день. Что же дальше? Так продолжаться не может! Только дети целуются тайком.

— Как-нибудь выкрутимся.

— А если мастерская остановится снова и надолго...

— Вот именно, Жак. Вот именно... Если то же самое случится и со мной...

Между ними как бы проносится струя холодного воздуха.

Да, если она лишится работы в Туркуане, это будет самое ужасное. Она будет сидеть в своем далеком Сен-ле-Нобле. А тогда все может быть. Может настать и конец. Уже по воскресеньям, когда он представляет себе, что она вечером отправляется в кино или танцевать, что она веселится без него...

— Ты права, Жаннета. Раз я снова получил работу... Нет никаких причин, чтобы нам не повезло!

Какие у Жаннеты глаза! Особенно вблизи!.. Они способны заставить забыть и ветер и сирену... Они способны заставить полюбить ветер и сирены..

* * *

До сих пор всех, как и Жака, одолевало лишь любопытство. Внезапно в его памяти возникли рисунки хозяина на бюваре. Это его навело на мысль.

Цилиндр и пластинки составляют одно целое.

Ему не хотелось делиться с другим своим открытием. Прежде надо самому убедиться. Тайком, как школьник, теребящий разные бумажки под партой, Жак соединяет детали у своего станка. В его промасленных пальцах они производят не больше шума, чем шуршание бумаги.

Теперь, когда в закутке для пайки, куда он ушел, чтобы наскоро соединить четыре крыла и цилиндр, он все понял,— им овладевает чувство опасности. Одновременно в нем поднимается безудержный гнев: «Сволочи! Сволочи!»

Конечно, он знал, что это такое!

Сквозь цветное стеклышко маски, которую он придерживает левой рукой, Жак видит, как подпрыгивает паяльник, и резиновая тяжелая трубка, и длинный тонкий ствол, выплевывающий пламя. У него дрожат руки, а ему хочется спаять детали как можно скорее, как можно скорее, как будто за ним гонится сама смерть.

«Сволочь!»

Еще еле держатся спаянные вместе части, но Жак уже несет огненную деталь, как осколок снаряда, выхваченный из раны... И, пробегая по мастерской, он показывает другим:

— Вот что он хотел заставить нас делать!

Товарищи ничего не успевают разглядеть: слишком быстро он промчался по цеху, перебрасывая в пальцах обжигающую деталь.

— Что с Жаком?

Они не могут понять и, стоя около Габриэля, который ближе к двери, все ждут возвращения Жака...

Жак, перескакивая через ступеньки, несется по лестнице, без стука, рывком открывает дверь в кабинет хозяина. Ему хочется кричать, но он сдерживается и говорит очень тихим голосом:

— Так вот что вы хотели заставить нас делать!

— Что это? — спрашивает вскочивший Богар. Он с удивлением рассматривает черный предмет в дрожащих руках Жака.— Что это такое?

Похоже, что хозяин не знает. Жак совершенно сбит с толку. Все, что он собирался выкрикнуть, ни к чему. Он с минуту колеблется, потом, не зная, почему он это делает, поворачивается и, унося деталь, скатывается по лестнице.

В мастерской, окруженный товарищами, он кладет деталь на станок.

Вот что это такое!

Ему приятно от нее избавиться.

Боннэр немедленно берет деталь в руки.

— Дай-ка посмотреть, черт побери! — кричит Поло.

— Боже мой! — говорит Габриэль.— Это же стабилизатор!

Боннэр внезапно бросает деталь обратно на станок, как отвратительного ядовитого зверька.

— Да, стабилизатор бомбы!

— Хвостовая часть ракеты!

Затем они замолкают. Они даже перестают слышать вой ветра.

Да, это напоминает зловредного зверька, который держится на двух маленьких, продырявленных крылышках, два других задрав вверх, как отвратительные колючие плавники, с разинутой пастью отверстия для винта и разбросанными черными прыщами — каплями от поспешной пайки... Настоящая жаба...

Рабочие смотрят на Габриэля; тот вынимает коробочку, медленно открывает ее, вырывает из красной книжечки листок... узловатыми пальцами берет щепотку табака... Все дрожит в его руках, сильно дрожит. Как обычно делает в самые трудные моменты жизни, он скручивает папиросу.

Богар пришел вслед за Жаком. Он не знает, как понять их молчание, и довольствуется тем, что берет со станка деталь, ничего не говоря, и уносит ее.

Боннэр прерывает молчание:

— Если не мы, найдутся другие...

Но говорит он это неубежденно. Видно, что он и сам сознает всю чудовищность сказанного. Все на него смотрят.

Они чувствуют, как в их груди поднимается все возрастающий протест.

Боже, сколько других вещей можно делать!

На черную клеенку вышедшего из употребления станка падает с крыши кусок стекла. Все вздрагивают и смотрят в ту сторону.

Сколько других вещей можно делать!

Они все согласны с Жаком.

И он снова поднимается по лестнице, упрекая уже себя: «Что за паника! Почему надо то подниматься, то спускаться, бегать взад и вперед... «Что он скажет?».

— Так вот, месье Богар, мы этого делать не будем!

Богар стоит в кабинете против света, и Жак не видит его лица. Кажется, что у него нет лица. Он ничего не отвечает, но показывает на что-то ногой.

На полу стабилизатор, но он принял странную форму, два крылышка согнуты и расплющены, как будто его со всей силой бросили о стену.

И на самом деле, на уровне человеческого роста в стене виднеется углубление.

Жак снова спускается по лестнице.

Товарищи ждут его внизу. Настроение, конечно, не радужное. Но в их глазах светится гордость. А Жак сквозь то горячее, что застилает ему глаза, что дрожит у него на ресницах, но не скатится и чего никто не увидит, потому что мы не дети,— Жак видит товарищей маленькими и расплывчатыми, танцующими, безликими, они кажутся ему десятками, сотнями людей, и затем они превращаются в миллионы, которые кричат:

— Нет! Нет! Нет!

Перевод с французского
Ирины ЭРБУРГ

Загадки магнита

С глубокой древности люди знают, что магнит притягивает железо и указывает страны света. Но не довольствуясь этим, они наделяли его волшебной силой исцелять болезни и открывать золотые россыпи.

Магнит в те времена именовался «мудрое железо», или «царственный камень». Считалось, что для сбережения его чудесной силы магнит следует хранить в красном сукне, как бы в царском одеянии. И до сих пор магниты обычно красят в красный цвет, хотя мало кто знает, что это пережиток седой древности.

Шли века. Но вместо того чтобы разгадать тайны магнита, люди наталкивались на все новые и новые его загадки.

Оказалось, что магнитная стрелка не точно указывает страны света, а направлена на магнитные полюсы земли, не совпадающие с географическими.

Затем мореплаватели заметили, что во многих местах стрелка компаса не хочет указывать и на магнитный полюс, а упрямо отклоняется в сторону.

Во время исторического дрейфа корабля «Георгий Седов» советские ученые записали целую серию таких отклонений, или, как говорят физики, аномалий. Обработав эти наблюдения, проф. Б. П. Вейнберг пришел к заключению, что в северном полушарии должен быть не один магнитный полюс, а два. Позже этот второй полюс был действительно найден, и ему присвоили имя Седова.

Еще Колумб во время своего знаменитого плавания заметил, что его компас «стал безумным», и путешественник из-за этого едва не повернул обратно. Изучая подобные «магнитные бури», когда стрелка мечется по циферблату, указывая все страны света, ученые установили связь этих явлений с солнечными пятнами и полярными сияниями. Само Солнце оказалось гигантским магнитом, а его пятна — источниками особых электрических лучей.

Но почему может быть магнитом Солнце, на котором железо существует лишь в газообразном виде? Этого никто не мог объяснить.

Для того чтобы проникнуть в тайны земного магнетизма, ученым понадобилось изучить магнитное прошлое Земли. Но как узнать, каким было магнитное поле сотни лет назад, если тогда его напряжение не записывали? Как определить, где находились магнитные полюсы Земли в те времена, когда еще не было компаса?

На это отвечают новые разделы науки о магнитах—магнитная история, археология и геология.

В старину географические карты составлялись не по географическим, а по магнитным меридианам. Сравнивая современные карты с картами «Атласа земли Русской» времени Бориса Годунова, К. Б. Вейнберг составил магнитную карту Сибири для конца XVI века.

Сейчас наши магнитологи измеряют старые церкви и даже едва сохранившиеся развалины. Ведь церкви всегда строились алтарем на восток, а направление это даже в глубокой древности определялось по компасу.

О напряжении магнитного поля в отдаленные эпохи рассказали магнитологам глиняные вазы и обыкновенные кирпичи. Выяснилось, что глиняные предметы во время обжига намагничиваются и сохраняют это свойство неизменным много столетий.

Советские ученые сумели заглянуть даже в столь далекое прошлое магнитной истории земли, когда еще не было человека. Проф. Б. П. Вейнбергу удалось установить, что потоки лавы, вылившейся при извержении вулканов, намагничиваются при остывании так же, как намагничиваются изделия из обожженной глины. Теперь, изучая в лаборатории образцы камней, ученые могут прочесть «магнитную летопись скал» за несколько тысячелетий.

Но магнит не только притягивает железо, он еще отталкивает, хотя и очень слабо, некоторые тела, например, уголь, медь, воск, стеарин и металл висмут. А при сверхнизких температурах эта сила отталкивания огромна.

Удивительный опыт магнитного отталкивания проделал член-корреспондент Академии наук СССР В. К. Аркадьев. Он охладил небольшую свинцовую тарелочку до температуры 269 градусов ниже нуля, а затем бросил на нее стальной магнит. Но магнит не упал, он только упруго подпрыгнул и неподвижно повис в воздухе над тарелочкой.

Разгадка «парящего магнита» оказалась простой: электрические токи в свинце, появляющиеся под влиянием магнетизма, при сверхнизких температурах очень велики. Они-то и отталкивают магнит, не давая ему упасть.

Но разгадывая загадки магнита, ученые одновременно заставляли его работать на нас.

— Знание свойств магнита столь же важно для конструктора электрических машин,— говорил великий русский ученый А. Г. Столетов,— как знание свойств пара необходимо для конструктора паровых машин.

В своей работе «Исследование функции намагничения мягкого железа» А. Г. Столетов заложил основы современной научной электротехники. Магниты работают не только в электрических машинах, но и в телеграфных и телефонных аппаратах, громкоговорителях и станках-автоматах.

Мощные магниты извлекают из глаз металлические соринки, магнитные искатели отыскивают осколки, застрявшие в теле раненых.

Изучая магнитную аномалию около города Курска, академик А. Д. Архангельский открыл самое большое в мире месторождение железной руды. Недавно молодой изобретатель А. А. Логачев сконструировал столь чувствительный магнитометр, что залежи металлов можно им обнаруживать даже с самолета.

Так в руках советских ученых магнит действительно превратился в открывателя подземных кладов.

Люди превзошли природу. Проф. А. С. Займовский из немагнитного алюминия и слабо магнитного никеля создал сплав «магнико», необычайной магнитной мощности.

Тайна же земного магнетизма до сих пор все еще не раскрыта.

— Быть может, все вращающиеся тела образуют вокруг себя магнитное поле? — Такую мысль высказал великий русский ученый П. Н. Лебедев сорок лет назад. Он поставил много тончайших и остроумнейших опытов, чтобы проверить свое предположение, но смерть прервала его работу.

Тогда наука знала лишь магнетизм земли. Теперь ученые измерили довольно точно магнитное поле Солнца и очень приблизительно — нескольких звезд. Все эти данные подтверждают теорию П. Н. Лебедева.

Наши приборы еще слишком грубы, чтобы проверить ее в земных условиях, где мы находимся в самом магнитном поле. Но, вероятно, недалек день, когда ракета с грузом научных приборов будет выброшена в сторону Луны. И показания чувствительного магнитометра, переданные по радио, позволят нам определить магнитное поле нашего спутника и тем самым окончательно подтвердить теорию великого русского физика. Так одну за другой ученые разгадывают тайны магнита.

К. АНДРЕЕВ

80 МЕТРОВ ШВА В ЧАС

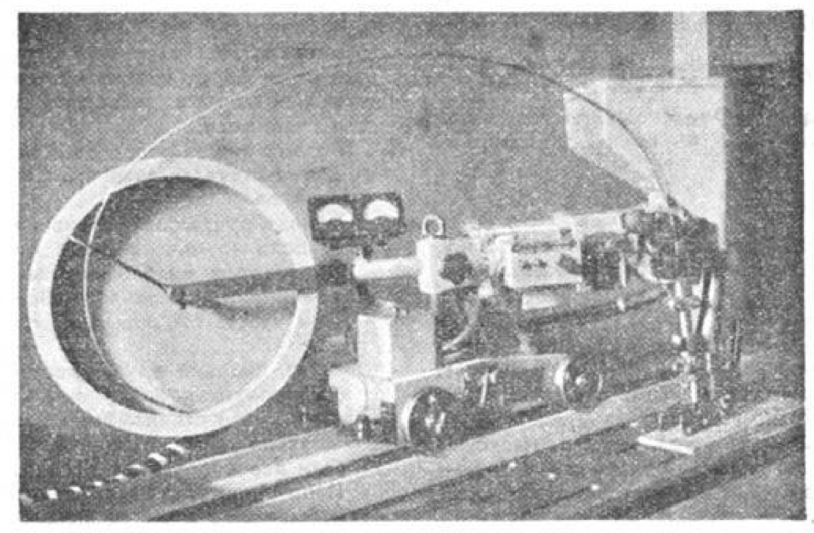
Вдоль двух лежащих рядом стальных листов движется небольшая машина. Там, где она прошла, остается блестящий стальной шов. Листы сварены один с другим так прочно, что составляют теперь одно целое.

Но вместо привычной фигуры сварщика в защитной маске, предохраняющей глаза от ослепительного сверкания электрической дуги, мы видим юношу даже без темных очков. Установив машину, он нажимом кнопки привел ее в действие и следит за работой. Всю операцию сварки машина делает сама. Тонкой струйкой сыплется на место будущего шва флюс — измельченная масса, защищающая плавящийся металл от воздействия воздуха. Медленно разматывается из касеты стальная проволока. Под слоем флюса скрыта электрическая дуга, которая сваривает края листов. Это универсальный сварочный трактор «УТ-1250».

Вся история электросварки связана с именами русских ученых, инженеров и конструкторов. Шестьдесят лет тому назад горный инженер Н. Г. Славянов запатентовал изобретенный им метод электросварки, принятый затем во всем мире. В 1923 году советский инженер Д. А. Дульчевский предложил новый способ автоматической электросварки, под слоем флюса.

Однако первые сварочные автоматы были очень громоздки и не могли поэтому соперничать с ручной сваркой. Только последние работы наших конструкторов позволили найти правильное решение задачи. В нынешнем году начат серийный выпуск электросварочного трактора «УТ-1250».

Советский сварочный трактор освобождает руки рабочего. Сварочной головке можно придать любое направление и любое положение. Не нужно электродов специального состава — материал для шва дает обычная стальная проволока.

Подготовка опытного сварщика-ручника требует продолжительного обучения и длительного навыка. Управление новой машиной настолько несложно, что с ним справляется ученик после десяти—пятнадцати дней практики. Производительность автоматической сварки в три—шесть раз превосходит ручную, достигая в некоторых случаях восьмидесяти и более метров шва в час.

Характерно, что американцы приписали себе изобретение Дульчевского через пятнадцать лет после его опубликования. Но в Америке не сумели создать сварочного автомата, который хотя бы приближался по своим достоинствам к «УТ-1250». В отличие от американских машин в советском сварочном тракторе перемена скорости не требует остановки процесса. Перестройка машины на различные режимы сварки также осуществляется на ходу. Вся электрическая часть машины несравненно проще, весит «УТ-1250» почти вчетверо меньше. Переноска его не представляет затруднений.

Универсальный сварочный трактор сконструирован инженерами Центрального института технологии и машиностроения М. Хробастовым, В. Глухаревым и В. Якушкиным под руководством кандидата технических наук И. Бринберга и начальника отдела сварки К. Удотова.

А. ДОРОХОВ

А. М. Васнецов. МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ ПРИ ИВАНЕ КАЛИТЕ (XIV век). Акварель. 1921 г.
Музей истории и реконструкции города Москвы

А. М. **Васнецов.** КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ 2-й ПОЛОВИНЫ XVII **века.** Масло. 1925 г.
Музей истории и реконструкции города Москвы

«Воевода» в Ленинградском государственном Малом оперном театре. В роли Марьи — В. Кудрявцева, Бастрюкова — Ф. Андрукович.

Фото А. Горнштейна

В июле в Москве с успехом прошли гастрольные выступления Ленинградского Малого оперного театра. Репертуар гастролей составили главным образом произведения русской классической и советской музыки, воплощенные театром за последние годы: опера Мейтуса «Молодая Гвардия», балеты Чулаки «Юность» и «Мнимый жених», «Шехерезада» Римского-Корсакова, «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» Лядова и Дешевова и др.

Читатели «Огонька» знают уже о современных постановках театра — «Юность» и «Молодая Гвардия»: этим спектаклям были посвящены статьи, опубликованные в предыдущих номерах журнала. Сегодня мы рассказываем о постановке оперы П. И. Чайковского «Воевода», впервые осуществленной на советской сцене.

Когда вечером 28 сентября 1949 года в затихшем зрительном зале Ленинградского Малого оперного театра прозвучали первые такты увертюры к опере П. И. Чайковского «Воевода», о радостном значении этого события подумали, вероятно, многие.

Это не было простым возвращением на сцену незаслуженно забытого произведения гениального русского композитора. То, что произошло в Малом оперном театре в тот знаменательный сентябрьский вечер, может быть по праву названо вторым рождением оперы «Воевода».

Первое оперное произведение Чайковского «Воевода» было написано на сюжет пьесы Островского «Сон на Волге» и поставлено в Московском Большом театре 30 января 1869 года.

«Не только друзья и почитатели молодого автора выражали живейшее участие к его произведению,— писал об этом спектакле безвестный рецензент газеты «Русские ведомости»,— но и вся остальная часть публики громкими рукоплесканиями высказывала свое сочувствие; в небольшом же кружке музыкальных знатоков слышится единодушная похвала автору и признание в нем неоспоримо замечательного таланта. В настоящее время, когда умер Даргомыжский, г. Чайковский — один из тех русских композиторов, на котором более всего останавливается внимание почитателей музыкального искусства, и мы имеем повод думать, что автор «Воеводы» оправдает те большие надежды, которые он подает в настоящее время».

Но то, что волновало и радовало лучших представителей русского общества, было чуждо и непонятно тем, кто вершил судьбы и определял репертуар Московского Большого театра. «Высшие» московские круги интересовались почти исключительно итальянской оперой, а ко всему русскому относились с нескрываемым высокомерием и безразличием. Того же взгляда держалось и театральное начальство.

Разученная в предельно короткий срок под руководством бездарного дирижера Мертена, опера была приготовлена крайне небрежно и обезображена большим количеством купюр, зачастую совершенно искажавших замысел композитора. Партию Воеводы исполнял посредственный итальянский певец Финокки, плохо владевший русским языком.

«Постановка оперы, — вспоминает брат композитора М. И. Чайковский, — была до невероятности скудной, все было сделано из сборных декораций и кое-каких костюмов».

После пятого представления Чайковский забрал из театра партитуру «Воеводы» и вскоре уничтожил ее.

В течение долгих лет опера считалась безвозвратно утраченной. Вопрос о ее воссоздании на основе отдельных сохранившихся фрагментов не раз поднимался музыковедами.

Почетная задача возрождения первой оперы Чайковского, написанной им в юношеские годы, оказалась под силу только деятелям советского музыкального искусства.

В результате большой и упорной работы в архивах бывшего издательства Юргенсона и Московского Большого театра были найдены 3-й акт клавира оперы для пения с фортепиано с пометками Чайковского, хоровые и оркестровые партии и пять партий солистов.

И все же недоставало еще очень многого. Не было партий четырех главных действующих лиц (Воеводы, Марьи Власьевны, Олёны, Недвиги), двух второстепенных (Прасковьи Власьевны и шута) и нескольких ансамблей. Не было партитуры.

Восстановлением фрагментов и созданием партитуры занялись советский музыковед П. А. Ламм и композитор В. Я. Шебалин. Путем тщательного изучения разрозненных набросков Чайковского и привлечения ряда других материалов исследователям удалось выполнить эту трудную задачу.

Когда полностью был восстановлен музыкальный материал произведения, стало очевидным, что музыку «Воеводы» Чайковский ценил очень высоко. Фрагменты из уничтоженной оперы композитор перенес и в «Опричника» и в «Лебединое озеро», а отдельные темы и музыкальные обороты широко использовал в «Кузнеце Вакуле», Первой симфонии, Торжественной увертюре «1812 год».

Это отношение Чайковского к музыке его первой оперы не случайно. Неисчерпаемое богатство мелодии, глубокая народность музыки — все эти черты, присущие всему творчеству Чайковского, нашли яркое отражение и в этой первой опере великого композитора.

Перед исследователями возник вопрос: почему же Чайковский уничтожил свою первую оперу?

Ответ нашелся в одном из писем композитора.

Оценивая свое первое оперное произведение через десять лет после его постановки на сцене Московского Большого театра, Чайковский указывал на недостатки музыкальной драматургии оперы, статичность либретто, отсутствие широко развитого действия.

Возрожденная опера Чайковского была принята к постановке Ленинградским Малым оперным театром.

Перед театром открылись две дороги: или исполнить произведение в его подлинном виде со всеми присущими ему недостатками или пойти по пути смелой переработки оперы с целью усиления ее музыкальной драматургии.

Театр избрал второй путь.

Началась большая и увлекательная работа по созданию новой сценической редакции оперы.

В тесном контакте с постановщиками спектакля — дирижером Э. Грикуровым и режиссером Б. Покровским — композитор Ю. Кочуров и либреттист С. Спасский пересмотрели драматургию произведения.

В сентябре 1949 года опера с большим успехом была показана ленинградскому зрителю. Блистательная творческая победа дирижера Э. Грикурова и руководимого им оркестра очевидна и бесспорна. С большим художественным тактом, темпераментно и интересно прочтена Грикуровым партитура оперы.

«Воевода» — это прежде всего опера о простых и смелых людях, большом и цельном человеческом чувстве. Именно эта тема простого и сильного человека и проходит красной нитью в исполнении В. Овчаренко (Олёна) и Л. Петрова (Роман Дубровин). Едва ли не лучшим моментом спектакля является сцена встречи Романа и Олёны в третьем акте. Пережившие много горя, испытавшие много лишений, но не сломленные, не покорившиеся — такими предстают они в этой сцене. Несколько «переходя» за отведенные им композитором границы, Дубровин-Петров и Олёна-Овчаренко становятся подлинными героями спектакля.

Тему простого человека несет и В. Кудрявцева. Ее Марья Власьевна — меньше всего дочь именитого купца. Лукавая, озорная, она как бы нарушает чинное, неторопливое течение жизни в доме купцов Дюжовых. Очень хорошо исполняет Кудрявцева ариозо третьей картины. Некоторая пассивность вредит актрисе в последнем акте.

Авторы новой редакции «Воеводы» стремились предельно активизировать поведение главного героя оперы — Бастрюкова. Это удалось им лишь частично, и исполнитель партии Бастрюкова (Ф. Андрукович) лишь в незначительной степени преодолевает известную статичность роли.

Просто и выразительно поет партию Воеводы Н. Бутягин.

Возрожденная из пепла первая опера Чайковского вновь обрела жизнь на сцене Ленинградского Малого оперного театра.

Нет сомнения, что «Воевода» в скором времени прочно войдет в репертуар многих оперных театров страны и станет одним из любимых произведений широких кругов советских слушателей.

Н. САВИНОВ

Происхождение удачи

Сцена из спектакля «2 : 0 в нашу пользу» в Центральном театре кукол. Верочка, Загогулин, Пещеряков и Поднебескин в кафе.

Татьяна ТЭСС

В жизни каждого театра есть поворотные, «узловые» спектакли, которые ложатся в основу его дальнейшего творческого развития. Между такими спектаклями всегда существует преемственность, и, знакомясь с новой этапной работой театра, можно не только представить его намечающийся путь в будущее, но и припомнить прошлое данного театра, припомнить предшественников этой работы, как бы проложивших ей дорогу. Думается, что к числу подобных спектаклей принадлежит «2 : 0 в нашу пользу» В. Полякова, поставленный в Государственном центральном театре кукол под художественным руководством С. В. Образцова.

Режиссер ставит перед куклами различные задачи. Он может потребовать, чтобы куклы выполняли только то, что недоступно человеку. Так появляются на сцене кукольного театра сказки, подчиненные законам фантастики и условности, и куклы изображают зверей, птиц и волшебников, куклы двигаются, прыгают, танцуют или переживают горести так, как этого никогда не делает человек. Все это может быть талантливым, чудесным и, как принято говорить, вполне отвечать природе кукольного театра.

Но представьте себе нечто совершенно иное.

Перед вами кукла, которая делает именно то, что делает человек. И оказывается, что это и есть настоящее театральное чудо.

Если на сцене актер ляжет на диван, накроет ноги пледом и снимет телефонную трубку, это оставит вас совершенно спокойным. Но если то же самое проделает кукла, вы ахнете от удивления. С почти детским восхищением вы следите за тем, как естественно, с какой свободной грацией и простотой кукла катается на коньках, прыгает с вышки в воду, раскачивается на турнике, как она передает чувство влюбленности, сомнение, веселье, озорство... И чем ближе кукла к человеку, тем более она удивительна.

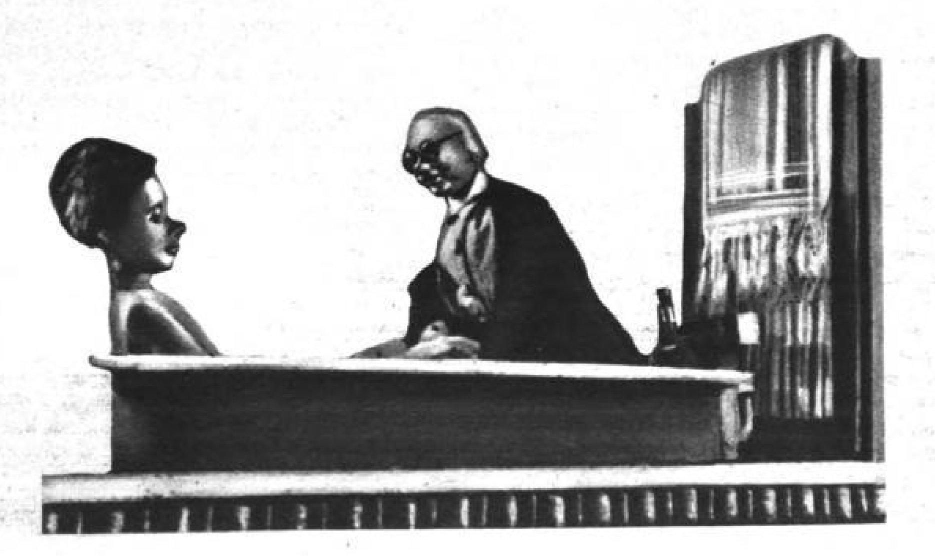
Но тут возникает другой вопрос: нет ли в этой удивительной «человечности» некоей навязчивой имитации живого актера? Не подделывается ли кукла под человека, не берется ли она с помощью игрушечных средств выразительности выполнить непосильные для нее задачи? Быть может, кукла бесцеремонно пытается проникнуть в заветную область подлинных чувств, и тогда чрезмерность подобных эмоциональных претензий спугнет, оттолкнет зрителя?

Уберечь режиссера от всего этого может лишь безошибочность художественного чутья и вкуса, «абсолютный слух» мастера. Этими качествами С. В. Образцов обладает в высокой степени. В спектакле «2 : 0 в нашу пользу» сохранены во всей чистоте законы «кукольности». С. В. Образцов доверил куклам передачу только тех чувств и движений, которые им под силу. Он не потребовал от них показа высоких страстей, очень точно ощущая грань, перейти которую куклам не дано.

На сцене кукольного театра после сказочных персонажей, после добрых и злых духов появилась кукла, одетая в пиджак или обычное платье. Кукла сморкается, чихает, поплевывает на горячий утюг, она живет и действует в условиях обычного быта. К такому «переключению» куклы театр подошел не сразу. Спектаклю «2 : 0 в нашу пользу» предшествовали сатирическая трагикомедия «Под шорох твоих ресниц» и пародийный «Обыкновенный концерт». Преемственность этих работ очевидна. Припомнив их, можно увидеть то новое русло, которое прокладывает в своей работе коллектив Государственного центрального театра кукол.

Верочка и Загогулин на катке.

Перед прыжком с вышки Пещеряков учится в ванне нырять. Около ванны бабушка.

«2 : 0 в нашу пользу» — пьеса, написанная на советскую тему, герои ее — наши современники. Это лирическая комедия с крошечным, «однозначным» сюжетом.

В комедии рассказывается о том, как молодой научный работник по фамилии Пещеряков, человек мнительный, хлипкий, боящийся сквозняков и простуды, влюбляется в мастера спорта Веру Петрову и ради любви «идет на подвиг». Не умея по-настоящему плавать, он прыгает в воду с вышки; не умея кататься на коньках, он мужественно отправляется на каток; он борется со своей робостью, застенчиво-

стью и маленькими страхами, он тренируется, закаляется, и наконец мы видим, как боязливый «хлюпик» превращается в румяного крепыша.

И вдруг после всех его подвигов любимая девушка все же отказывается выйти за него замуж. Почему? Бедный Пещеряков перестарался. Он с такой страстью добивался спортивной закалки, что любимая девушка решила: у него нет иных интересов, кроме спорта. Сама же Вера Петрова — не только мастер спорта, но и будущий геолог. Тут-то выясняется, что Пещеряков — научный работник, известный палеонтолог, и все события приходят к счастливому финалу.

В пьесе существуют: традиционная добрая бабушка; жизнелюбивый, шумный профессор астрономии Поднебескин; покладистый доктор с частной практикой, который охотно наводит научный лоск на пустяковую диэту; простодушная продавщица мороженого; высокомерный и ограниченный спортсмен Загогулин; куча озорных чудесных мальчишек — на катке, на стадионе, на водной станции...

Встречаем мы в пьесе пионерок, учениц третьего класса, пришедших в музей палеонтологии, и радуемся тому, с какой нежностью, с каким теплым юмором они показаны. Знакомимся мы с милягой-стариком, сторожем музея, старательно, но не без некоторого скептицизма рассказывающим пионеркам о скелете допотопного животного. Все эти персонажи отлично получились в спектакле. Они сделаны весело, изобретательно и смело.

Лучший образ в пьесе и в спектакле — это главный герой, Пещеряков. Думается, что больше всего этот образ удался потому, что в нем есть то «преувеличение характера», которое, очевидно, очень нужно для куклы. Пещеряков наделен массой примет, характерных для мнительных, боящихся сквозняков и простуды «хлюпиков», которые подчас встречаются в нашем быту; над такими людьми мы охотно подшучиваем и с удовольствием их перевоспитываем.

Интересно видеть, как Пещеряков преодолевает свои внутренние страхи, как он борется с самим собой и выходит победителем в этой маленькой борьбе. Интересно наблюдать и те превращения, которые по ходу сюжета происходят с куклой; это, пожалуй, первый случай в кукольном театре, когда одного и того же героя последовательно изображают свыше десяти различных кукол, чтобы показать все изменения в его характере и внешности.

Слабее всех других образ героини — спортсменки Веры Петровой. Он вял и беден по тексту, невыразителен и неточен по воплощению. И, главное, этот образ лишен той живой и щедрой характерности, которая присуща многим персонажам этого спектакля. Кукла не справилась со своей задачей, и расплата за это пришла немедленно: героиня выглядит марионеткой среди других исполнителей, живых и веселых.

«2 : 0 в нашу пользу» тепло встречен зрителями. Это не случайная удача. Секрет успеха, очевидно, лежит прежде всего в том, что театр, впервые взявшись за постановку пьесы на современную тему, интересно и талантливо решил эту задачу. Перед зрителями Москва, московские стадионы, катки и водные станции, московские ребята и болельщики, московские люди, близкие и веселые,— живая жизнь, живые события и чувства, перенесенные в театр кукол. У героев, если можно так сказать, есть адреса, они жизненны, ощутимы, куклы изображают их легко, выразительно, и режиссерская выдумка поистине неистощима.

Спектакль поставлен очень любовно, с кропотливой, вдумчивой взыскательностью к каждой детали, каждой черточке образа. Работа постановщика С. В. Образцова превосходна. По актерскому мастерству очень хороши Пещеряков (И. Дивов), бабушка (Л. Казьмина), доктор Ребров (З. Гердт), Поднебескин (С. Самодур), сторож в музее (М. Петров), продавщица мороженого (С. Мей).

Пьесу «2 : 0 в нашу пользу» В. Поляков написал специально для театра кукол. Ее нельзя механически перенести на сцену обычного театра: пьеса построена по законам данного жанра. В этом безусловная заслуга автора, создавшего пьесу на современную тему с учетом возможностей и выразительных средств театра кукол.

В. Поляков при построении сюжета во многом удачно использовал специфику театра кукол. Прыжок Пещерякова с вышки, первые шаги на катке, работа на турнике — все это выглядит в пьесе не вводными, занимательными трюками, а логически связанными главами сюжета. Автор добился четкости и пластичности в обрисовке большинства персонажей, роли очень контурны, выигрышны для куклы-актера.

Есть в этой лирической комедии привлекательная внутренняя чистота. В. Поляков много и трудолюбиво поработал вместе с коллективом над пьесой. Но все же в пьесе встречаются иногда и досадные пустоты, и излишнее кокетство остротами, и вялость отдельных диалогов, когда куклы после точных и ярких реплик вдруг начинают «топтаться на месте», перебрасываясь репликами, бледными и излишне многословными. Хорош текст песен Е. Сперанского, поэтический и прозрачный, как бы расширяющий границы пьесы.

Центральный театр кукол в работе над этой пьесой открыл новые качества, новые творческие резервы своего талантливого коллектива, любимого советскими зрителями.

ОБРАЗЫ РУССКИХ ЛЮДЕЙ

Картина «Степан Разин на пути в Москву» висела на одной из передвижных выставок. Василий Иванович Суриков минут пятнадцать стоял у картины и, по обыкновению, молчал. Затем он повернулся к Минченкову, устроителю выставки, ныне известному своей мемуарной книгой о передвижничестве.

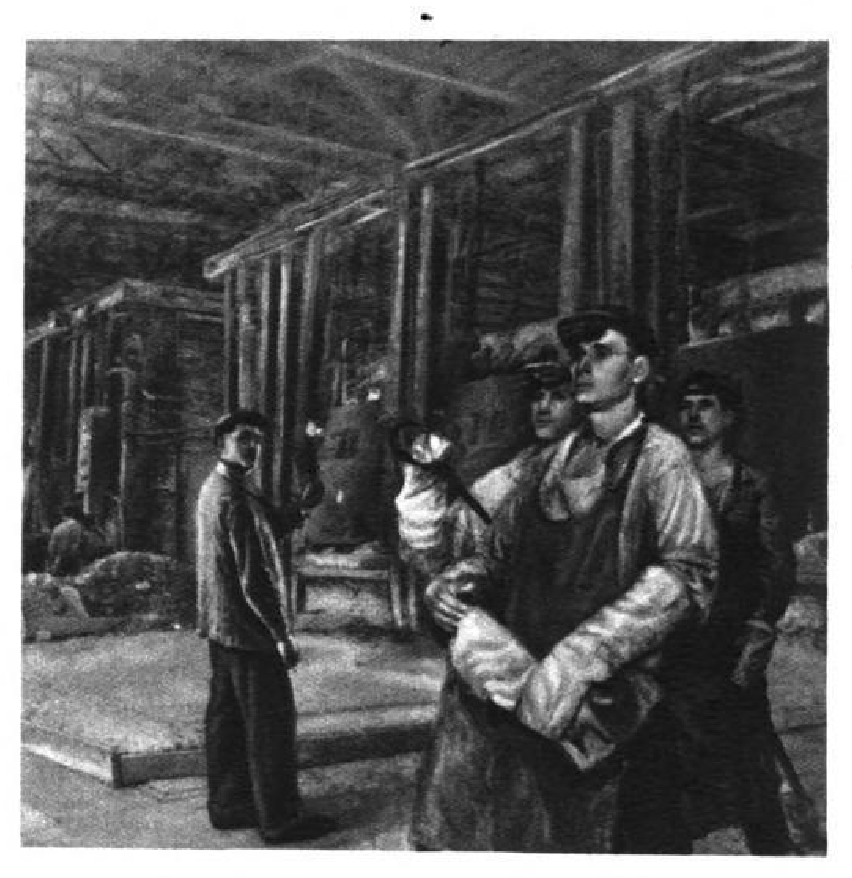
— Будет из него исторический живописец,— сказал Суриков.

Автор понравившейся Сурикову картины был ученик Петербургской академии художеств Гавриил Никитич Горелов.

Горелов, сын крестьянина села Покровского, Клинского уезда, прошел трудную школу, прежде чем стал студентом академии. Был он учеником у «богомаза», ставил самовары и растирал краски. Но к пятнадцати годам он уже стал работать самостоятельно.

Вечерами юный иконописец посещал рисовальную школу художника Большакова а затем, махнув рукой на недурные заработки, уехал в Пензу, в художественное училище, которым руководил К. А. Савицкий, передвижник, автор «Ремонтных работ на железной дороге».

Горелов успешно закончил училище и был принят в Академию художеств без экзаменов. Сам Илья Ефимович Репин взял его к себе в мастерскую.

Г. Горелов. Знатный сталевар завода «Серп и молот» М. Г. Гусаров со своей бригадой. 1949 год.

О том, с каким вниманием относился Илья Ефимович к своему ученику, говорит следующий факт.

Горелов писал заданный сюжет, типично академический: «Чудо при погребении Александра Невского». В мастерскую пришел Репин, поглядел на картину и вдруг сказал:

— А я вам для митрополита попозирую.

И тотчас встал на нужное место, придав лицу необходимое выражение. У Горелова от волнения задрожали руки:

— Илья Ефимович, что вы... Помилуйте...

— Пишите! — Репин нетерпеливо топнул ногой, и Горелов писал минут десять.

Молодой художник понял: этим поступком Репин лишний раз подчеркивал, что надо всегда работать с натуры.

Всю жизнь Горелов следует завету своего великого учителя.

Учеба у Савицкого, Репина, Чистякова, выступления в Товариществе передвижных выставок — все это давало основание думать, что в Горелове русская живопись обретет мастера-реалиста, который неуклонно будет держаться избранного пути.

Русский народ, творец истории,— вот ведущая тема творчества Горелова. Его герои — Разин, Болотников, Пугачев.

Недавно Г. Н. Горелов на юбилейной выставке, посвященной 50-летию его творческой деятельности, показал гигантский холст «Восстание Болотникова», две картины о Степане Разине и полотно «Новгородское ополчение на пути к Москве». На каждом из них десятки людей, десятки различных лиц. Вот «Восстание Болотникова» (1944 год). Облик каждого крестьянина отличается индивидуальным своеобразием. Но все персонажи картины объединены общим стремлением к победе, к уничтожению ненавистного боярского ига.

Среди картин о Степане Разине лучшая, датированная 1946 годом,— «Казнь Степана Разина».

То, что подчеркивает Горелов в русских людях прошлого,—беззаветную смелость, веру в идеал, высокий патриотизм,— он увидал воочию в своих современниках и показывает, в частности, в портретах стахановцев завода «Серп и молот». Серией этих портретов, отмеченных Сталинской премией, он подытожил свою пятидесятилетнюю творческую деятельность.

Планы у Горелова широкие. Тут и портреты Российского, Быкова, и картина «Суриков, Третьяков и Стасов в репинской мастерской», и многое другое, не менее интересное.

Несмотря на свой преклонный возраст, Гавриил Никитич Горелов много и упорно работает.

Е. БРАГИН

В. ВИКТОРОВ

Перед матчем Венгрия — СССР в Москву съехались лучшие легкоатлеты. Прибыл из Таллина и Эрик Веетыусме — чемпион и рекордсмен страны в беге на полторы тысячи метров. Целый год Веетыусме не бывал в Москве, и когда впервые вышел он через решетчатые железные ворота к подножию огромных трибун, когда увидел прохладное, дышащее ароматом свеже политой травы поле, у него перехватило дыхание, как в памятный день бега с чешским мастером Чевоной. Вон там, у Южной трибуны, стояли они тогда на стартовой черте и ждали выстрела судейского пистолета.

У каждого человека есть в жизни самые трепетные, самые ликующие моменты, которые никогда не гаснут в памяти. Одним из таких моментов для Эрика Веетыусме был бег на полторы тысячи метров на матче Чехословакия — СССР. Те, кто видели этот бег, надолго запомнят его стремительное и непрерывно меняющееся течение: уверенный и широкий шаг чеха, внезапный рывок молодого бегуна Сидоренко и снова Чевону впереди. А когда до финиша оставалось четыреста метров, когда казалось, что результат предопределен и вот-вот победа Чевоны станет фактом, произошло то, что заставило взволноваться трибуны. Впереди внезапно оказался Веетыусме. Невысокий, даже чуть-чуть коренастый, он словно вырос. Зрители, вскочившие со своих мест, видели, как чех пытался держаться за советским бегуном, но разрыв между ними стал увеличиваться, и вот, уже напрягая последние силы, пронесся Веетыусме мимо судейской вышки, мимо секундометристов, сжимающих в ладонях хронометры.

Есть! Остановлены стрелки секундомеров, стадион замолк, и тут же с новой силой возникла овация: диктор объявил время победителя — одна минута пятьдесят одна и четыре десятых секунды. Это был новый всесоюзный рекорд...

Вот здесь, на этой беговой дорожке, перед лицом этих трибун он бежал год назад. Но для Эрика Веетыусме главная радость того дня заключалась не в победе над сильнейшим бегуном Европы и не в том, что в этой борьбе он перекрыл рекорд сильнейшего советского бегуна Александра Пугачевского. Для него этот бег выходил за рамки стадиона, он его оценивал не на секунды, пусть даже рекордные, а на годы жизни. Для Веетыусме это была победа не только над Чевоной и Пугачевским, но прежде всего над самим собой, над образом мыслей, которые вкоренялись в него с раннего детства.

Его детство прошло на хуторе, в сельской глуши, где от жилища до жилища не так-то уж и далеко, но вокруг не увидишь чужого человека. Дом, рощица, поле — вот центр мира, а за их границами все чужое, враждебное, откуда нельзя ждать ни помощи, ни поддержки.

По воскресеньям загорелый молчаливый паренек ходил в городок Харьюмаа. Там на маленькой спортивной площадке собиралась молодежь. Здесь семнадцатилетний Эрик попробовал свои силы на дистанции полторы тысячи метров. И осенью он добился своего — опередил всех.

Но скоро с ним произошло необъяснимое: результаты перестали расти, исчезла скорость. Куда же девалась былая легкость? Некому было объяснить хуторскому пареньку, что все дело в неправильной системе тренировки, что в семнадцать лет еще рано бегать полторы тысячи метров — это дистанция сильных — и что в юношеские годы надо прежде всего развивать скорость — драгоценный дар молодости, основу всякого бега.

В 1937 году Эрик вынужден был покинуть родные места. Он стал рабочим Таллинской бумажной фабрики, а рядом с фабрикой помещался стадион, и, конечно, он пришел туда посмотреть, как бегают городские.

Это был заносчивый народ, который сразу дал понять пареньку, что Таллин — не Харьюмаа. На стадионе могли заниматься только настоящие спортсмены, члены клуба, а не всякие там деревенские увальни. И, может быть, из чувства протеста Веетыусме стал снова тренироваться — не на стадионе, куда его не пускали, а на соседнем пустыре. И несмотря на то, что рядом, за забором, были тренеры, опытные спортсмены, спросить ему совета попрежнему было не у кого, как и в Харьюмаа.

Почти тайком, из-за угла, следил Эрик за тренировкой «клубников», как называл он знаменитых бегунов.

«Клубники», высокомерно улыбаясь, одобряли его усердие. Но, странное дело, чем больше он старался, тем худшее время показывал секундомер. И понял Эрик, что советы, которые он получал, были советами людей, желающих выбить его из строя. Вот почему Веетыусме решил рассчитывать только на себя и тренироваться каждый день, не жалея сил.

Он сказал себе: «Я пробегу тысячу метров в две минуты тридцать семь секунд или окончательно брошу беговую дорожку». И вот после трехнедельной ежедневной тренировки он вдруг почувствовал былую легкость и в самом деле пробежал тысячу метров за две минуты тридцать семь и три десятых секунды.

По тем временам это был отличный результат, и «клубники» только разводили руками. После этого ему наконец разрешили тренироваться на стадионе, а через год Эрик Веетыусме стал лучшим бегуном Эстонии.

Однако этот успех только укрепил его во мнении, что тренироваться надо одному, подальше от нескромных взглядов и непрошенных советчиков. И он теперь так же тщательно скрывал от бегунов свою систему, как раньше они все скрывали от него.

В 1940 году лучшие результаты Эрика Веетыусме все же не превышали разряда средних. Когда Эстония стала советской республикой и в Москву приехали ее лучшие спортсмены, Веетыусме не обратил на себя внимания. Замкнутый, молчаливый человек с волевым лицом боксера, он держался как-то в стороне, даже когда стоял рядом с другим бегуном на старте.

В 1945 году, после окончания войны, Веетыусме снова приехал в Москву, в спортивный лагерь для тренировок. Все надо было начинать сначала, и он не знал, удастся ли ему восстановить то тончайшее сочетание быстроты и выносливости, без которой не существует бегуна на средние дистанции.

Как и раньше, он готов был тренироваться в одиночестве, но скоро убедился в том, что советские бегуны не имеют секретов друг от друга. Никто ничего не скрывал, никто никого не обманывал, не толкал товарища на ложный, вредный путь. Пугачевский не прятался от него, Веетыусме, хотя тот и был его конкурентом (это слово еще прочно сидело в его сознании). Больше того, Пугачевский пригласил его тренироваться вместе.

Э. Веетыусме рассказывает своим ученикам о тактике бега на средней дистанции.
Фото А. Бочинина

Матч СССР — Венгрия. Э. Веетыусме ведет бег на полторы тысячи метров.

Самый молодой

Ночь выдалась на редкость теплой. Небо густо усыпано звездами, словно чья-то аккуратная рука развесила по воздушному океану миллионы фонарей.

У самолета собрались шесть человек. Они были одеты в зимние комбинезоны, широкие мохнатые унты и меховые перчатки. Плечи плотно перехватывали белые лямки парашюта.

Взревели мощные моторы, и машина после разбега оторвалась от бетонной дорожки. Более получаса продолжался подъем. На аэродром доносился лишь глухой гул самолета, и среди звезд едва можно было различить сигнальные огни машин. Наконец, бортрадист сообщил: «Высотомер показывает 6500 метров, температура воздуха минус 32 градуса, спортсмены готовятся к прыжку».

Через одну — две минуты небо озарилось вспышками шести зеленых ракет. Это означало, что все парашютисты уже отделились от самолета, раскрыли парашюты и спуск проходит благополучно.

В ту ночь наша страна обогатилась выдающимся авиационно-спортивным достижением.

Одним из участников прыжка был электромонтер комсомолец Владимир Иванов — самый молодой рекордсмен страны по парашютному спорту.

Не так просто и легко прошел Владимир Иванов путь от заводского рабочего и курсанта аэроклуба до искусного летчика, первоклассного парашютиста. Собственно говоря, этот путь измеряется всего-навсего шестью годами, но каждый из них был заполнен кропотливой учебой, настойчивыми тренировками, прыжками, сложными полетами.

Есть в биографии советского юноши Владимира Иванова два факта, которые как бы раскрывают весь смысл его жизни, его призвание и любовь к своей воздушной профессии. Эти факты гласят: 267 парашютных прыжков, 940 часов налета на разных самолетах.

Если подробно рассказать о каждом совершенном прыжке или полете, получилось бы длинное повествование о мужестве молодого человека, о смелом риске, основанном на точном расчете, повествование о честном и самоотверженном служении своей социалистической Родине, летном мастерстве советского воздушного спортсмена.

Постоянное стремление к новым успехам, желание прославить нашу страну новыми рекордами — вот чем живет Владимир Иванов.

Еще свежи были в памяти впечатления о первом рекордном прыжке, а он уже лелеял мечту о новом рекорде — прыжке из нижних слоев стратосферы. И вот в ночь на 22 июня 1949 года Владимир Иванов в группе с известными советскими парашютистами П. Полосухиным, В. Кривым, С. Коробовым и другими участвует в новом выдающемся ночном прыжке с еще большей высоты — 10 370 метров. Это уже нижний слой стратосферы!

Вся советская и иностранная печать высоко оценила исключительную выдержку и самообладание, храбрость и отвагу смельчаков и отметила их высокое мастерство. Это был второй всесоюзный рекорд Владимира Иванова — рекорд, которого не имеет ни один парашютист ни одной другой страны мира.

В конце августа 1949 года состоялись Всесоюзные соревнования спортсменов-парашютистов. В течение одиннадцати дней в небе над Тушинским аэродромом свыше ста парашютистов оспаривали личное и командное первенство. Упорно и напряженно проходила борьба. Вместе с прославленными мастерами в состязаниях приняла участие способная молодежь.

Команда парашютистов, возглавляемая Владимиром Ивановым, с каждым новым упражнением набирала все больше очков. Настал заключительный день. Владимир Иванов и его ученики Юрий Рагозин и Алексей Калинин показали в этот день лучшие результаты. В общем итоге — по сумме всех упражнений — команда во главе с Владимиром Ивановым заняла первое место, завоевав переходящий приз Центрального комитета ДОСАВ — серебряный кубок. Это была достойная награда.

Владимир Иванов — разносторонне развитый спортсмен. Он не только замечательный парашютист. Юноша прекрасно летает на всех типах спортивных самолетов, мастерски парит на безмоторных планерах. Как летчик он в 1948 году участвовал в празднике в честь Дня воздушного флота СССР. За высокое воздушно-спортивное и летное мастерство советское правительство наградило его медалью. В прошлом году на авиационном празднике в Тушине Владимир Иванов демонстрировал свое высокое искусство затяжного прыжка перед руководителями большевистской партии и советского правительства, перед великим Сталиным.

И вновь замечательное мастерство спортсмена было отмечено большой наградой — орденом.

* * *

В солнечный июньский день нам довелось побывать на одном из подмосковных аэродромов. В воздухе было оживленно. Индивидуальный пилотаж сменялся групповым. Летчики расчерчивали небо сложными узорами разнообразных фигур. Но вот небо стало свободным и целиком предоставлено в распоряжение парашютистов.

Издали показался двухмоторный самолет. Он медленно плыл к границам аэродрома. Над центром летного поля машина чуть-чуть замедлила полет, и в это время мы увидели, как от борта отделилась черная точка. Стремительно падая вниз, точка все росла. Но вот в небе раскрылся и вспыхнул шелковый шатер парашюта. Плавно покачиваясь, парашютист медленно приближался к земле. А в это время из самолета один за другим выпрыгнули еще четыре спортсмена.

Руководитель тренировочных прыжков, стоявший с секундомером в руках неподалеку от нас, удовлетворенно заметил:

— Точно, секунда в секунду. Молодцы! Ведущий правильно рассчитал!

Вскоре пять парашютистов приземлились и с веселой песней шагали по зеленому ковру аэродрома к своим палаткам. Впереди шел красивый юноша с бронзовым от загара лицом — ведущий этой пятерки мужественных и умелых — Владимир Иванов.

Ал. ФРИДЛЯНСКИЙ, Вс. ИГНАТЬЕВ

Парашютист Владимир Иванов.

«Как же это так? — спрашивал себя не раз Веетыусме. — Ведь завтра же я встречусь с ним на соревновании и буду делать все, чтобы его обогнать. Зачем же он мне все рассказывает?»

И прошел не один день, пока эстонский спортсмен разобрался в необычной для него обстановке и понял, что хуторская обособленность и тут отошла в прошлое, что нет у него на советских стадионах врагов, готовых в любой момент устроить ему подвох. Рядом с ним были друзья.

Вернувшись в Таллин, Веетыусме, вместо того чтобы посвятить все свое время личной тренировке, пришел в спортивное общество «Калев» и сказал, что хочет заниматься с молодежью. Пусть ему дадут группу способных ребят, он будет работать с ними...

С того дня прошло четыре года, и теперь главный тренер «Калева» Эрик Веетыусме окружен большой группой перворазрядных бегунов. Вы никогда не увидите его одного на тренировке. Рядом с ним берут старт его ученики. Все, что мог им дать Веетыусме, он дал. Он научил их не жалеть сил на тренировках, он закалял их характер и приучал к трудной борьбе на последней прямой. И то, на что ушло у Эрика Веетыусме без малого четырнадцать лет, его воспитанники освоили за три—четыре года.

Маневальд Валикиви, Антс Кыверьяли, Алексей Ильвес, Рудольф Кальм, Сергей Протонин, Арнольд Рист, Эрих Марипу — школьники, студенты, моряки, молодые рабочие — собираются на том самом стадионе, куда был закрыт когда-то доступ их учителю и где теперь они вместе с ним дружно и успешно работают.

Как изменилась жизнь Эрика Веетыусме! Теперь он был не одинок, и победа его над чешским бегуном Чевоной доставила ему такую большую радость потому, что она была результатом дружных совместных усилий его самого, товарищей, лучших тренеров.

Вот чем дорог был Веетыусме московский стадион «Динамо»! Здесь пять лет тому назад впервые почувствовал он, что люди, стоящие с ним рядом на старте, не конкуренты, а товарищи. Здесь он провел свой лучший бег, здесь побил рекорд Александра Пугачевского. И первым, кого увидел теперь Эрик Веетыусме, был сам Александр Пугачевский. Он бежал через футбольное поле, но был одет не в спортивный костюм, а в макинтош: его товарищ на этот раз выступал не в роли участника, а тренера. В забеге на восемьсот метров принимал участие атлет, которого Пугачевский готовил к побитию рекорда, своего последнего уцелевшего рекорда.

А через два дня Эрик Веетыусме сам готов был взять старт. Разминаясь в сторонке, он видел, как начался бег на 10 тысяч метров, как вперед устремился Никифор Попов. Тут же заметил он на трибуне Феодосия Ванина, рекордсмена страны на эту трудную дистанцию. Ванин сидел среди зрителей, сжимая в руках секундомер.

Забыв о том, что через несколько минут ему самому нужно будет выступать, Веетыусме следил за бегом. Он чувствовал по движениям Попова, по волнению Ванина, по результатам отдельных кругов, что сейчас решается судьба нового рекорда, и видел, как Ванин бросился на поле, догнал закончившего бег Попова и обнял его.

Еще не смолк взволнованный гул трибун, как уже дали старт забегу на полторы тысячи метров, а Эрик Веетыусме, устремившись вперед, все еще видел перед собой взволнованные и счастливые лица двух бегунов.

Снова Эрик Веетыусме бежит по кругу московского стадиона. Та же дистанция перед ним — полторы тысячи метров. Она измеряется все тем же количеством шагов, теми же усилиями, теми же биениями сердца, но для него она стала другой, совсем другой, чем в то далекое время, когда он в каждом бегуне видел конкурента, когда он всегда чувствовал себя одиноким.

Легко, стремительно, непринужденно, вместе с другими бегунами несся Эрик Веетыусме по кругу к финишу, к победе.

* * *

А еще через неделю снова стоял Эрик Веетыусме на старте перед переполненными трибунами, снова рядом с ним были зарубежные друзья, на этот раз не чехи, а венгры, и снова в борьбе, требующей от него всех сил, всей воли, улучшил он свой всесоюзный рекорд на полторы тысячи метров. Секундомеры показали еще более высокое время: три минуты пятьдесят и четыре десятых секунды.

Летний день

Борис ЛАСКИН

Рисунок А. Каневского

Если закрыть глаза и дышать медленно-медленно, можно, чего доброго, заснуть. Заснуть и все проворонить. Нет, спать нельзя. Лучше просто лежать в гамаке, смотреть на высокие сосны, слушать голоса птиц и ждать, пока подойдет мама и скажет: «Аленушка, вставай. Пошли встречать папу!..»

Папа приезжает на дачу каждое воскресенье. Во-первых, он обязательно привозит что-нибудь совершенно замечательное: или куклу, которая кричит, если ее потянуть за ниточку, или утюжок, внутри пустой, с красными цветочками на боках. Мало ли что может привезти папа! Он еще издали начинает сигналить: «Тааа-тааа-та-тата». И тогда Аленушка открывает калитку и бежит по просеке. Папа останавливает машину, и в ворота дачи Аленушка торжественно въезжает на сером «москвиче».

Аленушка лежит в гамаке и прислушивается. Поют птицы. Потом где-то вдали пролетает шумная электричка. И вдруг в наступившей тишине отчетливо доносится: «Тааа-тааа-та-та-та...»

— Мама! — кричит Аленушка.— Я побежала. Открывай ворота!

Папа целует ее, машина трогается, и Аленушка видит рядом с папой незнакомого дядю. Он ласково смотрит на нее, улыбается, и Аленушка замечает, что черные волосы у дяди блестят, как пианино.

— А это, Ференц, моя дочь,— говорит папа, — знакомьтесь.

— Ференц Ковач, — серьезно представляется незнакомец и протягивает Аленушке руку, большую и сильную, как у папы.

Первой из машины вылезает Аленушка, за ней — ее новый знакомый и, наконец, папа. Он здоровается с мамой и говорит:

— Тонечка, позволь представить тебе нашего гостя. Это Ференц Ковач, товарищ из Венгрии. Он приехал в Москву в составе делегации, и я утащил его на денек к нам на дачу.

— Очень приятно,— говорит мама,— милости просим.

Наступает короткая пауза, и Аленушка с нетерпением ждет, что же будет дальше. Папа достает из машины сверток:

— Аленушка, это тебе. Будешь кукол чаем поить.

В свертке маленький чайный сервиз. И тут Аленушка забывает про гостя.

Всласть налюбовавшись сервизом, она приходит на террасу.

— Антонина Михайловна,— говорит гость, и Аленушке кажется, что он плохо знает слова — так трудно ему их выговаривать,— с вашим супругом Николаем Ивановичем Зыковым я познакомился у нас в Венгрии, в Будапеште. Николай Иванович посетил наш завод, и мы попросили его показать, как он работает. И он показал. Он подошел к станку и дал семьсот оборотов. И тогда Гомбаш — наш инженер — сказал: «О, это много выше нормы!» А Николай Иванович улыбнулся, вот точно так же, как сейчас, и ответил: «Спокойно, друзья, без паники!..» Мы все смеялись, как он это сказал. Потом он прибавил оборотов и обработал деталь за сто пятьдесят секунд. А по норме мы имели на эту деталь один час двадцать минут. Вы понимаете?

Аленушка тоже слушает гостя. Правда, она решительно ничего не понимает, но догадывается, что гость говорит о чем-то очень важном.

А потом говорит папа:

— Хорошо, Ференц, все это после. А сейчас лучше искупаться.

— О, с удовольствием!

— И я пойду с вами. Ладно?— спрашивает Аленушка.

— А как же! — отвечает папа.— Собирайся.

Он говорит маме:

— Тонечка, мы пройдемся до озера и через часик явимся к обеду. Не возражаешь?

— Пожалуйста. Только очень прошу: не опаздывайте к обеду.

И вот Аленушка уже сидит у папы на плечах. Папа и гость нетоpoпливо идут по просеке. Они разговаривают, но Аленушка их не слушает. Она думает о том, как приятно будет искупаться в такой жаркий день.

— Вы знаете, Николай Иванович?..— начинает Ференц.

— Просто Николай.

— Хорошо. Просто Николай. Вы знаете, когда мы вчера приехали к вам на завод и увидели, как работают ваши люди...

Папа опускает Аленушку на землю:

— Вперед, дочка, а мы за тобой.

— Так работают,— продолжает он,— не только на нашем заводе. Посмотрите, вон за озером виднеется здание. Это ремонтные мастерские. Там и токарей-то, пожалуй, не больше десятка. А работают любо-дорого!.. Если хотите, можно туда заскочить на минутку.

Аленушка оборачивается:

— Папа, что же вы отстали?

— Идем!.. Идем!..— кричит папа, а сам не трогается с места. Он ждет, пока с ним поровняется кто-то, идущий позади. Аленушка видит: это дядя Вася, их дачный сосед. В руке у него удочки. Вот дядя Вася здоровается с папой, потом с дядей Ференцем. Они идут и о чем-то говорят, Аленушка не слышит. Но вот уже можно разобрать голоса.

— Вы здесь и будете рыбачить? — спрашивает папа.

— Посижу часок, — отвечает дядя Вася. Голос у него, как паровозный гудок, низкий, с хрипотцой.

— Могу я вам на несколько минут Аленку оставить?

— Оставляйте. Будет в полной сохранности. Как в сберкассе.

Папа наклоняется к Аленушке:

— Дочка, посидишь с дядей Васей немножко?.. Он рыбку ловить будет...

Дядя Вася находит заветное место и закидывает удочки. Сразу со всех сторон сбегаются ребятишки. Они садятся рядом и ждут, неотрывно глядя на поплавки.

— А к нам дядя Ференц приехал,— вдруг говорит Аленушка,— он из Венгрии приехал.

— Из народной демократической? — солидно спрашивает мальчик в мокрых после купанья трусиках.

Аленушка не знает, что ответить, но на всякий случай утвердительно кивает.

— А он кто?

— Он, как мой папа,— отвечает Аленушка,— токарь. Только венгерский.

— А он случайно в футбол не играет? — спрашивает рыжий паренек, весь в веснушках.

Аленушке это неизвестно, но раз вопрос задан, надо на него ответить.

— Играет.

— В команде «Вашаш»?

— Ага.

— В нападении?

— Да.

— А он что, с командой приехал?

Чтобы не повторять все время «да», Аленушка для разнообразия говорит:

— Нет. Он в гости приехал.

— Р-раз! — восклицает дядя Вася и вытаскивает сверкнувшего на солнце карасика.

Аленушка сидит долго. Час, а может быть, даже два. Дядя Вася наловил уже целое ведерко рыбы, а папы все нет и нет.

Наконец он появляется вместе с дядей Ференцем. Оба они запыхались. Наверно, очень спешили.

— Соскучилась, дочка? — спрашивает папа.— Ничего, сейчас искупаемся.

Аленушка замечает, что папа и дядя Ференц перепачкались. У папы нос в чем-то черном, а руки!.. Руки у обоих такие, что и представить себе невозможно.

— Не будем мешать рыболову,— говорит папа,— пошли.

Папа выбирает хорошее место. Сперва он старательно отмывает руки, потом раздевает Аленушку, и она входит в воду.

Вода теплая-теплая. Аленушка хлопает ладошками по воде, делает вид, что плавает, и вылезает на прибрежный песок.

— Посиди. Теперь наша очередь.

Папа и дядя Ференц с разбега бросаются в воду. И вот они плывут. Папа «саженками», а дядя Ференц — на боку, выбрасывая одну руку. Они отплывают далеко от берега.

— Ну, что, Ференц, каковы токари?

— Золотые руки!.. И молодежь. Одна молодежь.

— А самый молодой — он у них самый прыткий. Скоростник.

Ференц плывет на спине, щурясь от солнца.

— А что они вам сказали, Николай, когда я поработал у них на станке?

— Они сказали — наша хватка. Советская.

— Так и сказали?

— Так и сказали.

— О-о!..

Ференц переворачивается и тут же заглатывает солидную порцию воды. Он фыркает и смеется:

— Вот видите. Даже захлебнулся от радости!

Аленушка сидит на песке. Она уже успела обсохнуть. Папа и дядя Ференц выходят на берег. Дядя Ференц прыгает на ноге, склонив голову.

Из-за дерева появляется группа ребятишек. Они о чем-то шепчутся, потом один, держа в руках футбольный мяч, выходит вперед. Аленушка узнает его. Это тот самый, веснушчатый.

— Дядя,— говорит мальчик,— будьте настолько любезны, пробейте разок!..

Он ставит мяч на землю, и дядя Ференц разбегается и ударяет по мячу. Мяч летит далеко-далеко, почти до самой рощи...

Домой они идут быстро. У калитки их встречает мама.

— Хорош часик! Где же вы пропадали? Вы, наверное, с голоду умираете! К столу!

И начинается обед, такой вкусный, особенно после купанья. Папа наливает вина маме, дяде Ференцу и себе. Аленушке вина он даже и не предлагает. И не надо. Лимонад в сто раз вкуснее. Потом папа поднимает бокал и говорит:

— За дружбу!

— За мир! — говорит дядя Ференц.

После обеда Аленушка отправляется в сад. На грядках давно поспела клубника. Аленушка идет вдоль грядки, мимо кустов смородины, пронизанных щедрым июльским солнцем.

Папа, мама и дядя Ференц остаются на террасе. Они опять разговаривают о чем-то и часто смеются. Вероятно, им очень весело.

Субтропики в комнате

Цитрусовые растения — лимоны, мандарины, апельсины — замечательно красивые и высокоценные растения, недаром их плоды образно называют «золотыми яблоками». Однако при их разведении любители встречаются с очень серьезными затруднениями. Цитрусовые культуры очень теплолюбивы, и они могут расти только в южных районах нашей страны. Но из этого положения найден удачный выход. Если цитрусовые нельзя разводить в северных районах в саду, то их можно выращивать, и даже выводить новые сорта, в комнате.

СУБТРОПИЧЕСКОЕ ПРИДАНОЕ

Не так давно мне пришлось быть в командировке в городе Майкопе. На одной из улиц мое внимание привлек грузовик с домашними вещами, среди которых выделялись зеленые с золотистыми плодами горшечные лимоны. Как оказалось, машина перевозила имущество вышедшей замуж девушки.

Заинтересовавшись своеобразной встречей, я стал внимательно осматривать окна домов — во многих из этих окон красовались цитрусовые растения. Стал я заходить в квартиры и знакомиться с хозяевами.

— Да у вас почти в каждом доме лимоны растут! — говорил я.

— Не почти, а в каждом,— поправляли хозяева.

И действительно, комнатных лимонных деревьев в Майкопе очень много, их количество, повидимому, исчисляется тысячами.

Есть лимоны тридцати и даже сорокалетнего возраста. Отдельные экземпляры хорошо плодоносят, давая прекрасного качества плоды, но у большинства из них урожай плохой. Объясняется это отсутствием правильного ухода.

ДОСУГ УЧЕНОГО-РИСОВОДА

В Краснодаре я навестил знакомого — ученого-рисовода Николая Борисовича. Он вставал очень рано и до начала работ на рисовых плантациях любил повозиться в своем приусадебном садике. Его особым вниманием и покровительством пользовалось большое дерево лимона в кадке. Отдельные ветки растения были заключены в банки или горшки с питательной почвой. Такие ветки легко дают корни, отделяются затем от маточного дерева и высаживаются в горшки как самостоятельные растения.

Целая семейка таких отводочных лимончиков росла здесь же, в саду. Некоторые из них цвели и даже образовали завязи.

— У меня есть и семенные растения,— говорит мне Николай Борисович, показывая ящик с молодыми лимонными деревцами. — Те, что помельче — из семян сочинских лимонов, а побольше — из семян моих лимонов. Местные, как видите, растут лучше. Надеюсь вывести свой комнатный сорт.

— Но я хочу,— продолжал энтузиаст-цитрусовод,— купить еще одно дерево. Здесь они продаются. Не сможете ли вы быть моим консультантом в этом вопросе?

Я дал согласие. Выбор оказался обширным.

НЕОБЫКНОВЕННОЕ «ПИСЬМО»

Одно письмо, полученное мной в Сочи, было необычным. Создавалось впечатление, что в этом плотном, раздутом конверте не бумага, а мяч.

Распечатываю пакет и, к немалому своему удивлению, извлекаю прекрасный золотистый плод с очень приятным ароматом.

К плоду приложено было краткое письмо:

«Сбор урожая цитрусовых состоялся 10-го мая в квартире № 23, дом № 2 по 7-й Советской улице в г. Ленинграде».

Письмо и плод прислал Степан Иванович Карчикян, профессор-невропатолог Военно-медицинской академии, страстный любитель-садовод, который в своей квартире в Ленинграде выращивает различные растения, в том числе и цитрусовые. Лимон, присланный им из Ленинграда, по качеству не уступал своим черноморским субтропическим собратьям.

СЕЛЕКЦИЯ КОМНАТНЫХ РАСТЕНИЙ

Питание, обрезка и зимнее содержание комнатных растений за редким исключением проводятся каждым любителем по собственному разумению.

За научную разработку этого вопроса, и в особенности питания горшечных растений, на Сочинской опытной станции взялся кандидат сельскохозяйственных наук А. Д. Александров. В результате его многолетних исследований комнатная культура цитрусовых получила в Советской стране научно обоснованную агротехнику.

Но дело не только в одной агротехнике. Для разведения цитрусовых в комнате нужно вывести специальные сорта, путем выращивания их из семян. Многие думают, что из семян мандаринов, лимонов, апельсинов и грейпфрутов вырастают дички. Такое мнение ошибочно. Правда, сеянцы долго не вступают в пору плодоношения, но плоды они дают хорошего качества.

Чтобы такие растения быстрее вступили в пору плодоношения, их в первые два года жизни нужно содержать в зимний период при пониженной температуре +1 — +5 градусов Цельсия, и тогда они могут заплодоносить на пятом — восьмом году. Уход за комнатными растениями цитрусовых хорошо описан в брошюре А. Д. Александрова «Кадочная культура лимона», которую целесообразно одному из союзных издательств выпустить массовым тиражом.

Ф. М. ЗОРИН,
кандидат сельскохозяйственных наук

На Волге-реке

Слова Н. СИДОРЕНКО

Музыка Вячеслава ВОЛКОВА

Не спеша. Ласково

Я по звездам не гадала,
Не просила ничего —
Я на Волге повстречала
Капитана моего.
Постояли мы недолго,
Вдоль по бережку пошли...
Ой ты, Волга, ой ты, Волга,
Ой вы, горы Жигули!

Он меня на пароходе
Увезти грозил давно;
Ну, а сам с тех пор приходит
То и дело под окно.
Как проглянет-загорится
Тонкий месяц в вышине,
Он в окошко постучится,
Постучится в сердце мне.

На обрыве до рассвета
Мы над Волгою сидим.
Вся душа моя согрета,
Хорошо мне рядом с ним.
Я по звездам не гадала,
Не просила ничего —
Это Волга мне послала
Друга сердца моего!

Для повторения

Для окончания

Пингвин на балконе

На одной из центральных улиц Москвы часто можно видеть, как пешеходы останавливаются, смотрят вверх, улыбаются. На балконе четвертого этажа важно разгуливает пингвин, разглядывая прохожих, снующие автомобили, троллейбусы. Пингвин подарен народному артисту РСФСР В. Г. Дурову коллективом китобойной флотилии «Слава», возвратившейся недавно из Антарктики.

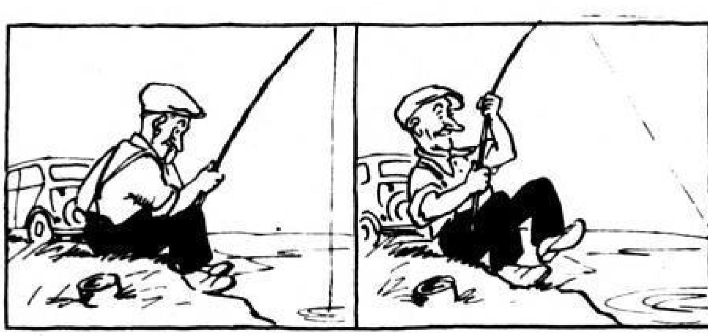
Старые питомцы Дурова — кошки, собаки, говорящий попугай Жако — встретили пингвина неприязненно. Но флегматичный пингвин заставил уважать себя. Когда его задирали, он колотил обидчика крыльями. Недоразвитые крылья, служащие ему на воде веслами, очень сильны, и удары их скоро научили собак и кошек вежливости. Теперь, когда пингвин из ванны, где он живет, проходит на балкон, перед ним обычно все расступаются. Впрочем, и сейчас еще изредка происходят недоразумения: когда мы вошли в комнату, собаки лаяли, кошки из-под стола шипели, а пингвин методично ударял крыльями каждого, кто к нему приближался. Гам стоял страшный, и вдруг раздался милицейский свисток. Клетка попугая висит недалеко от открытой двери балкона. Жако, прекрасно воспроизводящий лай собак, мяуканье кошек, научился и свистеть. Чаще всего он свистит, когда чем-нибудь недоволен...

Порядок скоро был восстановлен. Пингвин, забравшийся в ванну, с удовольствием нырял и плавал, подставляя голову под струю воды. Уроженец Антарктики питается рыбой. Но он очень разборчив. Сома, например, он терпеть не может, больше же всего любит сазанье филе.

Пингвин не отличается сообразительностью. Дрессировать его трудно. Однако, используя его биологические особенности, В. Г. Дуров научил птицу нескольким номерам. Забавно наблюдать, как пингвин «танцует»: неуклюже переваливаясь, кружится в вальсе. Перед обедом он звонит в колокольчик, научился «аплодировать» крыльями.

П. ВЕНСКИЙ

Находчивый рыболов

Рисунки Ю. Узбякова

ШКАФ, СДЕЛАННЫЙ УТЮГОМ

— Вы утюгом разглаживаете доски? Сорок лет работаю, а ничего подобного не видел...

Взглянув на удивленное лицо старого столяра, лауреат Сталинской премии А. А. Берлин коротко ответил:

— Убедитесь сами!

Вынув из стола тонкую светлокоричневую линейку, ученый провел по ней горячим утюгом и вручил мастеру. Линейка стала гибкой, как кожа. Мастер согнул ее. Дерево, остыв, затвердело в согнутом виде.

— Интересно, — заблестели глаза мастера, — как это делают?

— Очень просто. Дерево состоит из целлюлозы — длинных тонких волокон, скрепленных лигнином, который придает им жесткость. В моей лаборатории частично нарушили эту связь, пропитав дерево специальным составом. В результате лигнин приобрел свойство размягчаться при небольшом повышении температуры, и, сгибая древесину, можно придать ей сложную форму. А остывшее дерево, твердея, сохраняет полученные очертания.

Вот этот шкаф, — показал он на изящный гардероб с красивыми выпуклыми поверхностями, — сделан утюгом. Я гладил доски, придавая им нужную форму, а затем их склеили. Теперь убедились?

Я. К.

Подумай!

«Боязнь пустоты»

Ученые XVII века считали, что вода в насосах поднимается потому, что «природа боится пустоты».

В 1640 году на террасе дворца одного итальянского герцога был сооружен фонтан, воду для которого накачивали из близлежащего озера. Однако как ни устраивали искуснейшие мастера всасывающий насос, фонтан бездействовал: вода не поднималась выше 10,3 метра.

Почему же «боязнь пустоты» прекратилась именно на этой высоте?

Горящий сахар

Мы выпили чай и закурили. Приятель взял со стола кусочек сахара.

— Как ты думаешь, — спросил он меня, — загорится ли сахар, если его держать под пламенем горящей спички?

Я проделал такой опыт, истратив несколько спичек. Сахар обуглился, оплавился, но не горел.

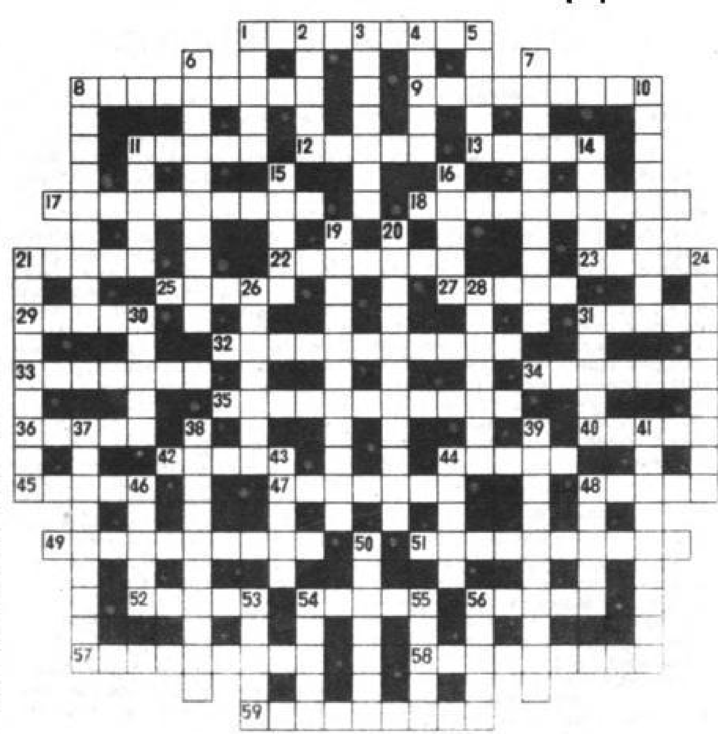
— А теперь попрошу тебя закрыть на минуту глаза.

Я выполнил его просьбу.

— Смотри! — сказал приятель. Он поднес к кусочку сахара, который держал щипцами, спичку и... сахар загорелся ярким голубоватым пламенем.

Что сделал приятель, чтобы сахар загорелся?

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Группа людей, объединенных общей работой. 8. Плотное вещество дерева. 9. Сборщик и установщик машин. 11. Вид художественной литературы. 12. Стихотворение Пушкина. 13. Имя няни Пушкина. 17. Величины, определяющие положение точки в пространстве. 18. Город на севере. 21. Оконечность фронта. 22. Промежуток времени. 23. Река в Закавказье. 25. Имя одного из персонажей народного стиха. 27. Особое образование, посредством которого размножаются бесцветковые растения. 29. Головной убор солдата. 31. Мелодия. 32. Искусство чистописания. 33. Человек, награжденный особой премией. 34. Советский скульптор. 35. Толкователь. 36. Шум, производимый ногами при передвижении. 40. Автор «Путешествия Гулливера». 42. Болотная дичь. 44. Официальное письмо в конверте. 45. Часть дома в древней Руси. 47. Лечебное учреждение. 48. Сторожка. 49. Музыкальная пьеса. 51. Человек, слепо действующий по воле другого. 52. Архитектурный стиль. 54. Плод одного из видов пальмы. 56. Огонь. 57. Небольшая движущаяся мишень. 58. Мера длины. 59. Влияние.

По вертикали:

1. Один из видов сброшюрованного печатного произведения. 2. Река во Франции. 3. Цифра. 4. Скопление водяных паров. 5. Лечебная процедура. 6. Завод по изготовлению пиломатериалов. 7. Сатирический рисунок. 8. Негармоничное сочетание. 10. Морская крепость на Балтике. 11. Преддверие. 14. Курорт на Черном море. 15. Повторяющаяся несколько раз единица стиха. 16. Герой повести «Непокоренные». 19. Отдел геометрии. 20. Помещение для производства опытов. 21. Отделение в высшем учебном заведении. 24. Жидкость, применяемая с лечебной целью. 26. Красивое, прекрасное. 28. Совокупность естественных условий на земле. 30. Уполномоченный. 31. Математический знак. 37. Материал, используемый в древности для письма. 38. Город на Украине. 39. Один из способов коренного улучшения земельных угодий. 41. Измерительный прибор. 43. Каменный утес. 44. Прямая сабля. 46. Опера-балет Римского-Корсакова. 48. Тяжесть. 50. Работник больницы. 53. Письменная принадлежность. 54. Плата за перевозку грузов. 55. Мешочек для табака. 56. Параграф документа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД В № 33

По горизонтали:

4. Каверин. 5. Лактионов. 8. Представление. 14. Гнейс. 16. Плато. 18. Железо. 19. Вуокси. 20. Фортель. 21. Лотерея. 22. Узбечка. 23. Сатирик. 25. Фестон. 26. Ресурс. 27. «Обрыв». 28. Трике. 30. Стихотворение. 33. Тимирязев. 34. Классик.

По вертикали:

1. Баркас. 2. Селифан. 3. Сигнал. 6. Драгоценность. 7. Мировоззрение. 9. Дрейф. 10. Елань. 11. Стереотип. 12. Профессия. 13. Человек. 15. Саратов. 16. Плеврит. 17. Осокорь. 23. Страх. 24. Клише. 29. Хворост. 31. Отмель. 32. Разлив.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ (№ 33)

Солнце за горизонтом

Воздух состоит из слоев различной плотности, и лучи света, идущие к наблюдателю от далеких предметов, всегда искривляются.

С этим явлением, называемым рефракцией, мы встречаемся повседневно. Благодаря рефракции все отдаленные предметы кажутся нам выше и ближе, чем на самом деле. Поэтому мы видим солнце и луну еще в течение нескольких минут после их захода за горизонт.

Давление в 15 тонн

На все предметы на земле, в том числе и на человеческое тело, оказывает давление воздух с силой в 1,003 килограмма на 1 квадратный сантиметр. Поверхность тела человека в среднем равна 15 тысячам квадратных сантиметров, — следовательно, она находится под давлением воздуха, силой свыше 15 тысяч килограммов.

Человек не погибает под действием такого громадного давления потому, что оно распределяется равномерно по всей поверхности тела и внешнее давление уравновешивается внутренним давлением воздуха, наполняющим все органы человека. Человеческий организм в своем развитии полностью приспособился к атмосферному давлению.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: С. К. ГЕРАСИМОВ, М. ИЛЬИН, В. С. КЛИМАШИН, Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Е. М. СКЛЕЗНЕВ, К. В. СМИРНОВ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Сформление Л. Шумана

А — 04380. Подписано к печати 15/VIII 1950 г. Изд. № 566. 5½ печ. л. Тираж 406 000. Заказ 2140. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

МИНИСТЕРСТВО МЯСНОЙ И МОЛОЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР

ГЛАВХЛАДОПРОМ

МОРОЖЕНОЕ

ВКУСНЫЙ ПИТАТЕЛЬНЫЙ ПРОДУКТ ИЗГОТОВЛЯЕТСЯ ИЗ НАТУРАЛЬНОГО МОЛОКА, СЛИВОК, СЛИВОЧНОГО МАСЛА, САХАРА И ФРУКТОВ

Цена 3 руб.